
ДАРЬЯ МАСЛОВА
FIGHT
OWN
DEMONS
БЕЙ ТУДА,
где больнее
18+

Дарья Маслова
Бей туда, где больнее.

https://litres.ru/74758563
SelfPub; 2026

Аннотация

Он привык побеждать.

На ринге его называют Палачом. Ашер Кейн не знает жалости к противникам, не терпит слабости и давно научился прятать собственную боль за холодным взглядом.

Блэр Уинстон ненавидит всё, что связано с боксом. Ведь однажды этот спорт едва не отнял у неё самого близкого человека.

Они не должны были сближаться.

Но иногда достаточно одного взгляда, чтобы привычный мир начал рушиться. Одного прикосновения, чтобы захотелось нарушить все свои правила.

И одной тайны, чтобы уничтожить всё, что только успело стать настоящим.

Он знает о прошлом её семьи гораздо больше, чем она может представить.

А она ещё не подозревает, что человек, рядом с которым её сердце впервые за долгое время оживает, однажды может разбить его окончательно.

Что больнее — удар, который ты видишь, или предательство того, кому доверил своё сердце?

Содержание

Пролог	4
Глава 1	28
Глава 2	52
Глава 3	73
Глава 4	94
Глава 5	117
Глава 6	147
Глава 7	174
Глава 8	210
Глава 9	241
Глава 10	271
Глава 11	282
Глава 12	296
Глава 13	322
Глава 14	343
Конец ознакомительного фрагмента.	349

Дарья Маслова
Бей туда, где больнее.

Пролог

БЛЭР

Ашер открыл передо мной дверцу машины, и я впервые не смогла заставить себя посмотреть ему в лицо.

Он придержал дверь, отступил и по привычке прикрыл ладонью верхний край. Ещё утром я бы коснулась его запястья, прежде чем сесть. Теперь стояла под козырьком у выхода, слушала дождь и смотрела на его руку. Стоило протянуть свою — он бы взял её. Наверняка взял бы. От этой уверенности становилось только хуже.

Я села, не поблагодарив. На коленях лежал лист, сложенный вчетверо. Бумага успела размякнуть на сгибах, я слишком долго держала её влажными пальцами. Несколько строк, дата, подпись. Я перечитала их столько раз, что могла бы повторить наизусть, но смысл всё равно не укладывался в голове. Не потому, что я сомневалась в прочитанном, а потому, что рядом со мной сейчас должен был сесть человек, который знал об этом раньше меня.

Ашер обошёл капот. Сквозь стекло я видела, как он на

секунду задержался у водительской двери и провёл рукой по мокрым волосам. Потом сел, закрыл дверь и не сразу повернул ключ. В тесном салоне пахло дождём, кожей сидений и его привычным терпким одеколоном. Когда-то этот запах означал, что можно выдохнуть. Теперь мне хотелось опустить окно, хотя на улице было холодно.

Ашер завёл двигатель. На приборной панели загорелись цифры. Он посмотрел на меня, потом на лист у меня на коленях.

— Пристегнись, — сказал он.

Я пристегнулась. Привычка оказалась сильнее злости.

Мы выехали на дорогу, не произнеся больше ни слова. На первом светофоре я заметила, что он по-прежнему ждёт, пока пешеходы закончат переходить улицу, даже когда для них уже мигает красный. Раньше я любила эту его внимательность. Человек, способный одним ударом отправить соперника на настил, терпеливо пропускал пожилую женщину с тележкой. Я собирала такие подробности, как доказательства, и берегла их. Они помогали мне верить, что за всем, чего я боялась в нём, есть человек, которого я знаю.

Теперь я не была уверена даже в том, что значит «знать».

— Блэр. — Он произнёс моё имя осторожно, не отрывая глаз от дороги. — Ты с тех пор почти час не сказала ни слова.

— Я, по крайней мере, знаю, сколько молчу.

Я сама удивилась, как спокойно это прозвучало. Внутри всё было иначе, мне хотелось схватить его за плечо, за-

ставить остановиться и сказать хоть что-нибудь, после чего можно было бы снова поверить ему. Но я боялась услышать именно то, что он собирался сказать.

Он вздрогнул едва заметно. Я увидела это по тому, как изменилось положение его рук на руле.

На красном свете он потянулся к моей руке, лежавшей на колене, но остановился. Пальцы на мгновение зависли над консолью и вернулись на руль. Ещё вчера я сама вложила бы ладонь в его руку. Теперь от этой мысли стало трудно дышать.

— Я не буду убеждать тебя, что ты неправильно поняла документ. — Он сделал паузу, будто ожидал, что я оценю эту уступку.

— Спасибо. Значит, с чтением у меня всё в порядке.

Сарказм вышел слишком лёгким для того, что лежало у меня на коленях. Ашер на секунду повернул голову, и я увидела знакомую складку у его брови. Обычно мне хватало одного такого взгляда, чтобы перестать сердиться.

— Дослушай меня, пожалуйста. — Он так сильно сжал руль, что побелели костяшки пальцев.

Я повернулась к окну. Дождь размывал отражения огней, превращая их в длинные светящиеся царапины.

— Я пытаюсь подобрать слова, — произнёс он наконец. — Но всё, что приходит в голову, звучит как оправдание.

— Может, потому что ты именно этого и хочешь?

Мне хотелось, чтобы он возразил. Не нашёл удобную при-

чину, не заговорил о страхе или обстоятельствах, а сказал что-нибудь настолько честное, что мне пришлось бы остановиться и выслушать. Вместо этого между нами остался только шум дворников.

Он не ответил.

Мы выехали на более пустую дорогу. Шины шуршали по воде, навигатор равнодушно предлагал свернуть через два километра. Ашер пропустил поворот. Я заметила, но ничего не сказала. Потом заметила, что мы едем быстрее.

— Сбавь скорость, — потребовала я.

Он выругался себе под нос, но всё же убрал ногу с педали. Машина замедлилась, однако напряжение в его плечах не исчезло.

— Ты должна была услышать это от меня. — Он сказал это не громче, чем до того просил пристегнуться.

— Да, — тихо сказала я.

— Я несколько раз начинал разговор.

Я посмотрела на него.

— Не надо. Не рассказывай мне о разговорах, которых не было.

Последние слова я произнесла тише. Он не мог знать, сколько раз за этот час я мысленно возвращалась к нашим обычным вечерам, пытаясь найти в них хотя бы намёк. И теперь каждое воспоминание требовало нового объяснения.

— Это правда.

— Правда? — Я прижала бумагу к колену. — Ты сейчас

всерьёз предлагаешь мне поверить на слово, что когда-нибудь нашёл бы время?

Он смотрел на дорогу, хотя машина шла по почти пустой прямой, мне казалось, если он повернётся, нам обоим придётся признать то, что до сих пор удерживалось на расстоянии одного взгляда.

— Думаешь, я не понимаю, что натворил?

— Я больше не уверена, что мы говорим об одном и том же.

Впереди мелькнул указатель съезда. Дождь усилился, дворники перешли на быстрый режим. Мне стало тесно в салоне: от запаха мокрой ткани, от тёплого воздуха печки, от его близости. На центральной консоли стоял мой стакан с недопитым чаем, купленным им по дороге. Он помнил, какой чай я люблю. Помнил, что я всегда мёрзну, и заранее включил обогрев сиденья. Но не смог сказать мне то, что имело значение больше всего.

— Остановись, — попросила я.

— Мы почти дома.

Он сказал «дом» так естественно, что я едва не ответила ему привычным «хорошо». Удивительно, как долго тело продолжает жить прежней жизнью, даже когда всё, на чём она держалась, уже разрушено.

Ещё вчера дом был местом, куда мы возвращались вместе. Теперь я не знала, смогу ли переступить его порог.

— Я не хочу сейчас домой. Останови машину.

— Здесь узкая обочина. Подожди, пока смогу съехать. — Он крепче перехватил руль.

— Я больше не могу сидеть рядом с тобой. Пожалуйста.

Я не повысила голос. Наверное, поэтому он наконец посмотрел на меня по-настоящему. На мгновение я увидела в нём не человека, который ищет выход из ссоры, а того, кто вдруг понял: привычный путь домой сегодня может закончиться совсем не там.

Ашер сбросил скорость, включил поворотник и съехал на обочину, где асфальт переходил в полосу мокрого гравия. Машину качнуло от порыва ветра. Он включил аварийные огни и заглушил двигатель. Мимо прошла фура; вслед за ней по кузову прокатился глухой шум. Потом остались дождь по крыше и мерное щёлканье поворотников.

Я отстегнула ремень, но не открыла дверь, а развернулась лицом к Ашеру.

— Сколько раз? — Я произнесла вопрос, прежде чем успела испугаться ответа.

— Что?

— Сколько раз ты смотрел на меня, зная, что я не знаю?

Хотела узнать, когда он впервые понял, что должен мне рассказать, хотела потребовать имена и даты. Но вдруг всё свелось к одному: сколько раз я была счастлива рядом с ним, пока он помнил то, чего не знала я.

Он опустил глаза к рулю.

— Блэр…

— Не подбирай правильный ответ. Мне нужен настоящий.

— Не знаю. — Он пожал плечами.

Я усмехнулась.

— Тогда вспомни хотя бы один.

— Почти каждый день. — Он упёрся затылком в подголовник. Большой палец медленно прошёлся по шву на руле.

Мне показалось, что воздух в машине кончился.

Значит, и в воскресенье утром, когда он стоял на нашей кухне с чашкой кофе, он уже знал.

— Значит, ты видел, как я говорю о брате, и всё равно молчал.

— Я слышал всё, что ты говорила. — Он наконец повернулся ко мне.

— Слышал — и ничего не сказал.

— Я знаю. — Он покачал головой.

В этих двух словах не было защиты, и это на миг сбило меня с толку. Я приготовилась спорить, отбивать его доводы один за другим. А он просто согласился. Мне захотелось спросить, почему согласиться сейчас оказалось легче, чем заговорить раньше.

— Ты ведь понимаешь, что дело не только в той бумаге?

Ашер кивнул.

— Тогда почему я держу эту бумагу, а не вспоминаю наш разговор?

— Потому что я испугался.

Он произнёс «испугался», и я вспомнила, как он однажды сидел возле моей кровати после очередного звонка из клиники. Не задавал вопросов, только держал меня за руку, пока я рассказывала о Ное. Тогда я приняла его молчание за понимание. Теперь не могла отделить одно от другого.

Мне хотелось причинить ему хотя бы часть той боли, которую я испытывала. Я испугалась этого желания: оно стянуло желудок тугим узлом.

— А я, по-твоему, не боялась? Каждый раз, когда звонили из клиники? Каждый раз, когда мама говорила, что всё нормально, а я слышала по её голосу обратное? Я боялась годами, Ашер. Но ты… ты был человеком, рядом с которым мне казалось, что можно хоть ненадолго перестать.

— Ты правда думаешь, что я хотел сделать тебе больно? — Он выпрямился так резко, что ремень натянулся поперёк груди.

— Я этого не говорила.

— Ты говоришь о нас так, словно каждый мой взгляд и каждое прикосновение были частью какого-то расчёта.

— Я говорю, что ты обманул меня в самом важном.

— Я любил тебя. — Он осёкся, сглотнул. — Люблю. И это не было способом что-то скрыть.

— Тогда почему ты не доверился мне?

Вопрос повис между нами. Я хотела услышать, почему человек, которому я доверяла самые страшные свои мысли, не доверил мне правду. И всё же, когда он сказал «люблю», ка-

кая-то часть меня отозвалась прежде, чем я успела её остановить.

Ашер ответил не сразу. На ринге, перед журналистами, даже в разговорах с отцом он умел находить нужную интонацию. Но сейчас будто все слова исчезли.

— Потому что после этого ты могла уйти. — Он посмотрел на меня прямо, почти вызывающе.

— И поэтому решил за меня.

Слова прозвучали жёстче, чем я собиралась. Он чуть подался назад, словно хотел возразить, но я не дала ему этого сделать. Впервые за вечер мне стало ясно, что мы спорим не о том, насколько он меня любит. Мы спорим о том, имел ли он право выбирать вместо меня.

— Я хотел принести тебе не только проблему, но и ответы.

— Чтобы принести мне готовое объяснение? Чтобы я увидела, как много ты уже сделал, и не посмела злиться?

— Ты говоришь так, будто я вообще ничего не пытался исправить! — В его голосе впервые прозвучала злость.

Я застыла.

— Несправедливо?

Он провёл ладонью по лицу. В голосе появилась та резкость, которую я слышала у него после тяжёлых тренировок, когда усталость делала каждое слово опасным.

— Я не прошу забыть. Я говорил с юристом. Я поставил под удар отношения с отцом, работу, всё, что у меня было до тебя. — Он оборвал себя, заметив, как я посмотрела на

него. — Господи, я слышу, как это звучит.

— Как список того, что я должна поставить тебе в заслугу.

Я ждала, что он снова начнёт перечислять свои попытки всё исправить. Но он молчал, и мне стало стыдно от собственного желания сделать ему ещё больнее. Я не хотела превращаться в человека, который умеет только ранить. Просто не знала, куда деть обиду. Он открыл рот, но так ничего и не сказал. В тесноте машины каждый его вдох казался слишком громким.

— Ты не была там. — Он выдавил слова сквозь стиснутые зубы. — Я не говорю, что это меня оправдывает. Но ты не видела, что происходило.

— Да, — ответила я. — Меня там не было. И знаешь, что страшнее? Я бы никогда не узнала, если бы всё зависело только от тебя.

Он откинулся на спинку сиденья.

— Я не могу вернуться в тот день и заставить себя поступить иначе.

— Я и не прошу.

— Тогда скажи, чего ты от меня ждёшь. Чтобы я повторял одно и то же, пока ты не поверишь?

— Я ждала, что ты скажешь сам. Пока у меня ещё был выбор — услышать тебя и решить, что делать.

Только произнеся это, я поняла, как долго ждала не объяснений, а доверия. Даже если бы его правда оказалась невыносимой, она хотя бы была бы сказана мне в лицо. Теперь

между нами стоял лист бумаги, и никакие слова не могли сделать так, будто я узнала обо всём от него.

Я открыла дверь.

— Блэр, подожди.

Холод ударил в лицо. Я вышла на узкую полосу гравия за машиной, подальше от потока, и сразу промокла. Ветер бросал дождь за воротник. По дороге с шипением проходили автомобили; каждый раз, когда приближались фары, я невольно отступала ближе к ограждению.

Я опустила глаза и увидела, что бумага всё ещё у меня в кулаке. Её мокрый угол впился в ладонь. Я разжала пальцы.

За спиной хлопнула дверца.

— Блэр!

Ашер подошёл, но оставил между нами несколько шагов. Он уже промок: тёмные волосы прилипли ко лбу, по лицу стекала вода. Я вспомнила, как однажды смеялась над тем, что он терпеть не может дождь, если не может выбрать, когда под него выйти. Сейчас он стоял под ним добровольно, а я ненавидела себя за память, которая продолжала подсовывать нежность.

— Вернись в машину, — попросил он, перекрывая шум проезжавшего грузовика. — Ты вся дрожишь.

Он стоял у машины, не приближаясь, и я заметила, что его взгляд всё время возвращается к моим рукам. Он помнил, как быстро у меня мёрзнут пальцы. Я помнила, как он согревал их в своих ладонях. От этого воспоминания хоте-

лось плакать сильнее, чем от холода.

— Перестань.

— Что?

— Не нужно следить за тем, замёрзла ли я. Не сейчас.

— Я вижу, что ты дрожишь. Мне что, сделать вид, что не вижу?

— А то, что я не знала правды, ты мог делать вид, что не замечаешь?

Он отвёл взгляд.

Я знала, что эти слова ранят его. Впервые мне не хотелось смягчать их.

— Ты ведь всё время говорил, что не хочешь быть похожим на отца, — продолжила я. — Что он решает за тебя, кого тебе видеть, где тренироваться, каким человеком стать. Ты ненавидел это. А потом сделал со мной то же самое.

— Не сравнивай меня с ним! — Он почти выкрикнул это. В его лице появилось что-то чужое.

Он провёл языком по внутренней стороне щеки, словно удерживал слова, которые уже рвались наружу.

Я знала, что это сравнение причинит ему боль. Но ещё знала, сколько раз слушала его рассказы об отце, о решениях, которые принимали за него. Тогда я обещала никогда не делать с ним подобного. Мне хотелось, чтобы он хотя бы на минуту понял, почему сейчас я произношу эти слова.

— Ты знаешь, куда ударить. — Он коротко, зло усмехнулся. — Всегда знала.

— Я не ищу, куда ударить. Я пытаюсь понять, почему человек, который ненавидит чужой контроль, решил, что может распоряжаться моей жизнью.

Он шагнул в сторону, резко выдохнул и ударил ладонью по собственной мокрой куртке, словно хотел стряхнуть с себя слова, которые уже прозвучали.

— Я видел пометку о повторном обследовании. Не запрет, Блэр. Пометку. Мне сказали, что всё согласовано, и я ухватился за эти слова, потому что не хотел других. Я мог переспросить. Мог подойти к Ною. Не подошёл. — Он сжал кулаки. — Это и есть правда. Только не говори, будто я знал, чем всё кончится.

Он говорил отрывисто, и впервые я услышала не подготовленную защиту, а последовательность маленьких решений, из которых сложилась беда. Не переспросил. Не подошёл. Поверил тому, чему хотел верить. Я слушала, пытаясь не подменить услышанное своим гневом.

Я услышала в его голосе отчаяние. Настоящее. Оно не делало его виновнее и не делало невиновным.

— А потом ты узнал, — сказала я. — И познакомился со мной. И у тебя было время.

Он смотрел на меня так, будто я отнимала у него последнее, за что он держался.

— Да, — произнёс он. — Было.

Это короткое признание не принесло облегчения.

Мне хотелось подойти и обнять его. Но если бы сейчас я

сделала шаг, он мог бы принять его за прощение. А я пока не знала, возможно ли оно.

Но я осталась на месте.

Ашер заметил, как я пошевелилась, и на секунду расправил плечи. Я увидела надежду в этом крошечном движении — и осталась стоять.

— Я не прошу, чтобы ты сейчас меня простила. — Голос у него стал хриплым. — Но я не выдержу, если ты будешь думать, что мне было всё равно.

— Я не ненавижу тебя.

— Тогда почему ты смотришь на меня, словно я стал тебе чужим?

— Потому что я больше не знаю, чему верить.

Он стоял так близко, что я различала капли на его ресницах. Раньше я бы стерла их пальцем и рассмеялась над тем, что он опять вышел под дождь без капюшона. Я даже подняла руку, но остановила себя прежде, чем он заметил.

Он покачал головой.

— Я могу рассказать всё с самого начала. Не пропущу ни одного разговора, ни одной фамилии.

— Теперь можешь. — Я потёрла ладонью мокрый рукав. — Теперь, когда у меня в руках доказательство, тебе уже нечего выбирать.

Мимо проехала машина, потом другая. Люди возвращались домой, везли покупки, спорили о пустяках, включали музыку. А я стояла на обочине и пыталась представить зав-

трашнее утро без него.

— Что мне сделать? — спросил он, и в этом вопросе больше не было прежней уверенности, что для любой беды существует действие.

Я закрыла глаза.

Передо мной возникли совсем другие картины: его ключи рядом с моими на полке, два стакана в раковине, сообщение среди рабочего дня — «Ты ела?». Ной, который однажды, услышав имя Ашера, с трудом, но всё же улыбнулся. Я столько времени запрещала себе хотеть обычного счастья, что, получив его, не заметила, как начала считать постоянным.

— Я хочу домой, — сказала я.

Я сама не сразу поняла, почему сказала это. Мне не нужен был адрес и не нужна была поездка. Я хотела назад — к обычному утру, к его сонному голосу, к возможности сердиться из-за пустяков, не задаваясь вопросом, что ещё он скрывает.

Ашер вскинул голову.

— Я отвезу. — Он ответил слишком быстро, ещё до того, как понял.

— Нет. Ты не понял. Я хочу домой, где ты ещё не сказал мне ничего из этого. Где я могу обнять тебя, не вспоминая бумагу у себя в руках. Где завтра мы будем спорить о том, кто опять оставил свет на кухне.

Я услышала, как изменился мой голос, и замолчала на

мгновение.

— Я хочу проснуться рядом с тобой и не сомневаться, что знаю человека, которого люблю.

— Ты знаешь меня. — Он почти шептал, но говорил упрямо.

— Не всего.

Он долго молчал.

— Мы никогда не знаем друг о друге всего, — произнёс он.

— Да. Но ты знал, о чём я должна была узнать. И каждый день оставлял меня в неведении.

Он приблизился на полшага и остановился, увидев, как я напряглась.

Его рука поднялась на несколько сантиметров, будто он хотел убрать прилипшую к моей щеке прядь. Он сжал пальцы в кулак и опустил руку. Я была благодарна ему за это и одновременно ненавидела расстояние между нами.

— Я люблю тебя. — Он стоял совсем близко, но руки держал вдоль тела.

— Я знаю.

— Я люблю тебя, — повторил он тише. — Это ничего не исправляет. Я знаю. Но я не представляю, как вернуться домой и не услышать твой голос.

Мне захотелось попросить его больше не повторять это. Не потому, что я сомневалась. Наоборот: я слишком хорошо знала, как он меня любит, и от этого решение, которое уже

складывалось внутри, казалось почти жестоким.

Я посмотрела на него. Человек, которого я выбирала снова и снова, даже когда боялась себе в этом признаться.

— А я не представляю, как остаться, — сказала я.

Он медленно покачал головой.

— Подожди. — Его губы едва шевельнулись.

Я никогда не слышала у него такой просьбы — ни после поражений, ни во время ссор с отцом. И всё же ответить так, как он хотел, я не могла.

— Ашер…

— Не решай сегодня. — Он глубоко вдохнул и заговорил ровнее, будто заставил себя считать до десяти. — Мы оба не соображаем от злости. Дай нам время.

Ещё час назад я бы согласилась. В этом и была беда: рядом с ним я всегда хотела согласиться.

— Если я поеду с тобой, — сказала я, — утром мне снова захочется остаться. И послезавтра тоже. А потом я научусь делать вид, что всё нормально, лишь бы не терять тебя. Я слишком хорошо умею забывать о себе ради тех, кого люблю.

Он смотрел на меня долго. Потом опустил плечи. Не согласился — я видела это, — но больше не пытался переубедить.

— Я не поеду с тобой, Ашер. И завтра не приеду. — Я заставила себя произнести остальное. — Мы расстаёмся.

На последних словах я почувствовала, как он перестал двигаться. До этого Ашер всё время пытался найти нужное

расстояние, нужный тон, хоть какой-нибудь способ вернуть разговор в прежнее русло. Теперь он просто смотрел на меня, и я боялась, что, если он попросит ещё раз, я уступлю.

Ашер отступил на шаг. Кажется, до этой секунды он всё ещё ждал, что мы найдём выход.

Он открыл рот, но звук появился не сразу.

— Нет. — Пальцы на правой руке согнулись, вдавив ногти в ладонь. — Блэр, не сейчас.

Я заплакала. Дождь стекал по лицу, и мне не нужно было вытирать слёзы.

— Я хочу остаться, — выговорила я. — Если бы ты только знал, как сильно.

— Тогда поехали. — Он подался ко мне всем телом и тут же остановился, не решившись сократить расстояние.

Я покачала головой.

— Я не смогу тебе поверить только потому, что очень хочу.

Я видела, как он пытается понять сказанное. Его лицо было таким знакомым, что мне хотелось перечислить вслух каждую мелочь, за которую я его любила. Но это превратило бы мой уход в просьбу удержать меня. Я сжала губы и ничего не добавила.

Он отвернулся и упёрся ладонями в бёдра, стараясь выровнять дыхание.

Ашер отошёл к задней части машины, провёл рукой по мокрому багажнику и остановился. Я подумала, что он сей-

час ударит по металлу. Но он лишь наклонил голову и несколько секунд стоял неподвижно.

Когда он снова повернулся, злости в его лице уже не было.

— Я могу отвезти тебя, — сказал он после долгой паузы. Голос стал ровным, почти бесцветным.

— Я позвоню Мэдисон.

Мэдисон не знала, что случилось, и мне предстояло произнести всё заново. Я посмотрела на телефон и вдруг испугалась первого вопроса подруги: «Ты в порядке?» Ответить на него честно я бы не смогла.

Он посмотрел на дорогу. По краю асфальта бежала вода.

— Подожди в машине. Я могу отойти, если не хочешь сидеть рядом.

— Я останусь здесь. За ограждением.

— Хорошо.

Я достала телефон. Мокрый экран не сразу отозвался на прикосновение. Я перешла за ограждение. Ашер открыл пассажирскую дверь, забрал мою сумку и принёс её ко мне. Остановился на расстоянии вытянутой руки, чтобы я сама могла взять её.

— Блэр, — позвал Ашер.

Я обернулась. Он стоял возле переднего крыла, не выходя на проезжую часть. Между нами были мокрый гравий, дождь и несколько шагов, которые никто из нас не собирался делать.

— Когда доберёшься, дай знать. — Он помедлил. — Я не

буду звонить. Просто хочу знать, что ты дома.

Я кивнула, хотя не была уверена, что сумею написать. Это было так похоже на него — просить об одной маленькой вещи, которую легко исполнить. И так непохоже на нас нынешних — стоять в нескольких шагах друг от друга и договариваться о сообщении, как чужие.

В другой вечер я бы съязвила, что он опять распоряжается моей жизнью. Сейчас сил хватило только на короткое «хорошо».

Я спрятала телефон в карман, но продолжала держать руку на нём. Ашер стоял возле машины. Аварийные огни вспыхивали и гасли, ненадолго окрашивая его мокрую куртку оранжевым.

Он поднял лицо к дождю, закрыл глаза и медленно выдохнул. Потом посмотрел на дорогу, словно проверял, откуда появится следующая машина.

Мне вспомнилась одна ночь, когда мы лежали без сна. Я положила ладонь ему на грудь, чувствуя ровные удары сердца, и спросила, надолго ли он останется. Тогда Ашер накрыл мою руку своей и ответил всего четырьмя словами: «Пока бьётся, я здесь». Я засмеялась над его серьёзностью, а потом придвинулась ближе. Я верила ему без усилия.

Когда наши взгляды встретились, он не отвернулся.

— Помнишь, что я сказал тебе тогда? — спросил он.

Я кивнула. Произнести ответ вслух было выше моих сил.

— Я не забираю этих слов назад. — Он смотрел прямо на

меня. — Но, если тебе нужно, чтобы меня сейчас не было рядом, я уйду.

Он сказал это без нажима. Оттого его слова было ещё труднее выдержать.

Я хотела подойти, уткнуться носом ему в шею, почувствовать привычное тепло и запах его кожи. Вместо этого крепче обхватила себя руками. Он понял.

Ашер отошёл к водительской двери и остался возле неё, не приближаясь ко мне. Каждые несколько секунд мимо проносилась машина, поднимая шлейф брызг.

Минут через двадцать показались фары Мэдисон. Она осторожно съехала на обочину позади нас, включила аварийные огни и вышла ко мне, дождавшись, пока проедет грузовик. Увидела моё лицо и не стала задавать вопросов.

Я оглянулась. Ашер стоял возле своей машины. В переменчивом свете фар я почти не различала его лица. Он не подошёл, даже когда Мэдисон посмотрела в его сторону.

Я села на переднее сиденье. Мэдисон закрыла дверь, обошла машину и завела двигатель. Тёплый воздух из печки коснулся моих замёрзших коленей. Я положила сумку на колени. Ещё вчера ключ, который Ашер дал мне, означал, что мне есть куда возвращаться. Когда мы тронулись, я всё-таки посмотрела назад. Ашер стоял под дождём и смотрел вслед машине. Я не отводила взгляда, пока дождь не скрыл его силуэт. Мне хотелось попросить Мэдисон остановиться. Вместо этого я крепче прижала сумку к себе.

АШЕР

Машина Мэдисон влилась в поток. Я смотрел на задние огни, пока их не скрыли дождь и поворот дороги. По обочине проходили порывы ветра. Вода давно добралась до кожи, но я не двигался.

Блэр уехала.

Я добрался до машины, рванул дверь на себя и рухнул за руль. С волос на приборную панель потекла вода. Я захлопнул дверь так, что задребезжало зеркало.

— Чёрт!

Я ударил кулаком по пустому пассажирскому сиденью. Один раз. Мягкая обивка поглотила удар, а злость осталась.

Я заорал, запрокинув голову. На одном дыхании, до рези в горле. Когда воздух кончился, я согнулся над рулём, втянул его рывком и ударил по сиденью снова.

— Сука!

Я выпрямился. В лобовом стекле отражалось моё лицо — мокрое, перекошенное. Я отвернулся от него и посмотрел на место, где полчаса назад сидела Блэр.

Как она напряглась, когда я поднял руку к её лицу. Как я остановился, а она так и не приблизилась. Ещё вчера между нами не было этого страха.

— Ты хоть понимаешь, что со мной делаешь?! — рявкнул я в пустоту.

И тут же скривился.

Да она, мать твою, ничего не делала. Это я смотрел ей в

глаза и молчал. День за днём. А теперь ещё имел наглость злиться, что она не захотела слушать мои объяснения.

Что она делает со мной? Нет. Что я сам сделал?

На ринге всё было проще. Пропустил удар — отвечай. Не успел — закрывайся. Там хотя бы можно было понять, за что тебе прилетело. А здесь я сам сделал всё, чтобы она ушла, и всё равно хотел с кем-нибудь драться.

Телефон лежал в подстаканнике. Я схватил его, открыл переписку. Последнее сообщение Блэр пришло утром: «Купи молоко. И не делай вид, что забыл». Я ответил: «Есть, командир».

Я перечитал её сообщение. Утром я ещё думал, что вечером вернусь с пакетом продуктов и она встретит меня на кухне. Теперь не мог вспомнить даже, купил ли молоко.

Я пытался написать ей.

«Блэр».

Стер.

«Послушай меня».

Стер и это.

Я швырнул телефон на сиденье. Он отскочил к спинке, экран остался гореть.

Мне хотелось поехать за ней. Сейчас. Найти машину Мэдисон, остановить, сказать Блэр ещё раз — нормально, без этой чёртовой злости. Объяснить всё так, чтобы она хотя бы посмотрела на меня по-прежнему.

Я почти видел, как она оборачивается на звук моего голо-

са. Но следом вспоминал её лицо, когда она просила остановиться. Она не просила доказать любовь погоней. Она просила оставить ей право уйти.

Я сидел, уперев ладони в колени. На костяшках белели старые шрамы. Эти руки умели держать удар, бить в ответ, поднимать меня с настила. Сейчас я смотрел на них и не понимал, куда их деть.

Я вспомнил, как Блэр однажды перебирала пальцами шрамы на моей руке и спрашивала, больно ли было. Я сказал, что уже нет. Тогда это была правда. Теперь я смотрел на те же следы и думал, что от некоторых поступков шрамов на коже не остаётся.

«Пока бьётся, я здесь», — сказал я ей однажды. Сердце колотилось так, что отдавалось в горле.

Глава 1

БЛЭР

В то утро я разбила любимую кружку.

Кружка была белой, с кривой синей надписью «Ты справишься», подаренная моим братом. Он подарил её мне на девятнадцатилетие, когда я завалила первый экзамен и заявила, что брошу университет, уеду в Канаду и начну разводить собак. Кружка пережила четыре переезда, три неудачных свидания и одну зиму без отопления. А теперь лежала на кухонном полу, расколотая на пять крупных осколков и десяток мелких.

Я стояла босиком среди разлитого кофе и смотрела на синюю букву «Т», оставшуюся на ручке. В груди болезненно стянуло. Глупо было расстраиваться из-за посуды. Особенно когда в моей жизни имелись вещи куда более достойные слёз.

Из коридора донёсся сонный, чуть насмешливый голос Мэдисон.

— Блэр? — донеслось из коридора. — Ты там кого-нибудь убила?

— Пока только надежду на нормальное утро, — отозвалась я и попыталась усмехнуться. — Хотя, если день продолжится в том же духе, жертв может стать больше.

Мэдисон появилась в дверях в моей старой футболке, с мокрыми после душа волосами. Она окинула взглядом пол, мои босые ноги и пакет с хлебом, который я почему-то всё ещё держала в руке. Мэд была моей единственной близкой подругой. Она знала обо мне больше, чем кто-либо, и умела находить смешное даже в самом неудачном утре. Но сейчас её улыбка исчезла.

— Не двигайся, — сказала она уже другим тоном. — Стекло.

— Керамика, — машинально поправила я, разглядывая осколок. — И, к сожалению, такая, которую уже не склеить незаметно.

— Ты всегда споришь даже с человеком, который пытается спасти твои ступни?

— Только до завтрака, — сказала я. — После кофе я обычно становлюсь почти приятным человеком. Сегодня, правда, с кофе тоже не сложилось.

Она принесла веник, а я опустилась на корточки и осторожно подняла ручку кружки. Край оказался острым. На подушечке большого пальца выступила тонкая красная полоска.

— Это от Ноя? — тихо спросила подруга.

Я кивнула.

— Можем склеить, — предложила она. — Есть такой клей, которым восстанавливают разбитую посуду. Я видела ролик.

— И потом пить из неё кофе с привкусом химикатов? — Я покачала головой. — Нет, Мэд. Я понимаю, что ты хочешь помочь. Просто это уже не будет та же самая кружка.

— Тогда не будем из неё пить, — мягко возразила она. — Поставим на полку. Не всё сломанное нужно выбрасывать, Блэр.

Я хотела сказать, что это всего лишь кружка, но слова застряли в горле. Вместо этого положила ручку на стол и пошла за аптечкой. Стоило увидеть знакомый почерк — и перед глазами вставал Ной на нашей старой кухне: мокрые волосы, футболка с эмблемой боксёрского клуба, широкая улыбка. Он обещал купить мне что-нибудь приличное, как только станет чемпионом.

Он так и не стал.

Телефон завибрировал на столешнице. На экране высветилось: **«Мама».**

«Доброе утро, милая. В клинике снова попросили подтвердить оплату за следующий месяц. Не волнуйся, я разберусь. Просто хотела узнать, как прошёл твой разговор о работе».

Я прочитала сообщение дважды. Фраза «не волнуйся» у мамы давно означала противоположное. Она писала так, когда ночами подрабатывала в пекарне, когда приходили счета, когда врачи говорили «пока рано делать прогнозы». Я знала её язык лучше собственного.

Подруга не заглядывала через плечо и не требовала объ-

яснений. Она просто отложила веник, прислонилась бедром к столешнице и ждала. Именно это терпение иногда выводило меня из равновесия.

— Что там? — тихо спросила Мэдисон.

Я показала экран. Она выдохнула через нос и села за стол, подтянув к себе вторую, уцелевшую кружку.

— Ты не обязана оплачивать всё одна.

— Я и не оплачиваю всё одна, — возразила я, чувствуя, как начинаю защищаться. — Мама тоже работает. Мы справляемся, просто сейчас нам немного тяжелее, чем хотелось бы.

— Вот именно это не делает ситуацию нормальной.

Я открыла холодильник, хотя прекрасно помнила, что внутри лежали половина лимона, контейнер риса и сыр, который давно следовало выбросить. Мне нужно было чем-то занять руки.

— Сегодня собеседование, Мэд. Не похороны. Если всё получится, у меня будет стабильная зарплата, медицинская страховка и возможность перестать считать монеты перед кассой.

— И работа в боксёрском центре, — осторожно напомнила она.

Я захлопнула дверцу сильнее, чем собиралась.

— Не обязательно произносить это таким тоном.

— Каким? — Мэдисон посмотрела на меня с притворным недоумением. — Я всего лишь напомнила, куда именно ты

собираешься каждое утро.

— Будто я записалась добровольцем в логово серийных убийц.

— Я просто знаю, что ты чувствуешь к боксу.

— Я чувствую к нему примерно то же, что к тараканам: предпочитаю не видеть, но, если надо, переживу.

Мэдисон молча достала из шкафчика чистый контейнер и переложила в него оставшийся рис. Затем поставила передо мной пакет с бутербродами, завёрнутыми в бумагу.

— Возьми с собой. И не спорь: это не благотворительность. Я всё равно приготовила слишком много.

Я хотела возразить, что справлюсь сама, но она уже убирала со стола крошки. Иногда принять помощь оказывалось труднее, чем попросить о ней.

— Это административная работа, — продолжила я. — Расписание, документы, звонки, организация мероприятий. Никто не заставит меня стоять у ринга и аплодировать чужим сломанным носам.

Мэдисон подняла на меня глаза. На этот раз она не улыбалась.

— Хорошо. Только пообещай, что, если станет слишком тяжело, ты уйдёшь.

Я посмотрела на сообщение матери. На слово «клиника», которое словно светилось ярче остальных.

— Посмотрим, — ответила я.

Это было единственное обещание, которое я могла себе

позволить.

Когда-то мне казалось, что взрослые сами решают, как им жить. Теперь я чаще выбирала не то, чего хотела, а то, что могло помочь Ною и маме. Я даже перестала замечать разницу. Только иногда, когда Мэдисон спрашивала о моих желаниях, отвечать было нечего.

К полудню дождь превратил Манхэттен в серую акварель. Машины шипели по мокрому асфальту, люди спешили под чёрными зонтами, а я стояла перед зданием из стекла и тёмного кирпича, пытаясь не выглядеть девушкой, которая двадцать минут назад ела сухой крекер на станции метро.

Над входом серебрились буквы: **NORTHLINE PERFORMANCE CENTER.**

Я знала это место. Даже если бы не знала, огромный экран в холле быстро восполнил бы пробел. На нём сменяли друг друга фотографии спортсменов, рекламные ролики и кадры боёв. В одном из них высокий мужчина с окровавленной бровью поднял руки под рёв трибун. Внизу мелькнула подпись: **«АШЕР КЕЙН. НЕПОБЕЖДЁННЫЙ».**

Я отвела взгляд раньше, чем камера успела показать повтор удара.

Внутри пахло свежемолотым кофе, дорогим парфюмом и чем-то резким, металлическим, что просачивалось из тренировочных залов даже сквозь закрытые двери. За стойкой регистрации сидела девушка с идеально гладким хвостом. Она улыбнулась профессионально, но её взгляд на секунду задер-

жался на моём мокром рукаве. Я незаметно одёрнула манжету.

— Добрый день. Чем могу помочь?

— Блэр Уинстон. У меня собеседование с мисс Портер на двенадцать тридцать.

Девушка проверила планшет, выдала временный пропуск и указала на лифты.

— Четвёртый этаж. Мисс Портер ждёт вас. И… — Она запнулась, когда из дальнего коридора донёсся глухой удар, за которым последовал чей-то смех. — Если услышите шум, не пугайтесь. Сегодня у нас тяжёлая тренировка.

— Я постараюсь не принимать это на свой счёт.

Она улыбнулась уже по-настоящему.

В зеркальной стене лифта я увидела своё отражение: светлые волосы собраны в косу, несколько прядей выбились у лица; белая рубашка заправлена в чёрные брюки с завышенной талией, на ногах — белые кроссовки. На запястье — тонкий браслет, подаренный Ноем ещё до несчастного случая на ринге. Я провела по нему большим пальцем и убрала руку.

В кабинете меня встретила женщина лет сорока пяти с короткими темными волосами и внимательным взглядом. На её столе лежали три телефона, стопка договоров и открытая коробка с мятными конфетами.

— Эвелин Портер, операционный директор. Присаживайтесь, Блэр. Простите за беспорядок. У нас сейчас подготовка к большому турниру.

Её рукопожатие было крепким, а голос — таким, которому хотелось верить.

Мы говорили почти сорок минут. О моём опыте работы в университетской администрации, о расписаниях, которые менялись быстрее погоды, о сложных клиентах и конфиденциальных документах. Эвелин задавала конкретные вопросы, слушала ответы и не пыталась казаться добрее, чем была. Мне это нравилось.

— Вы знаете, что некоторые наши резиденты… непростые люди? — спросила она, закрывая папку с моим резюме.

— Мне доводилось работать с профессорами, уверенными, что правила пожарной безопасности придумали лично против них.

Уголок её рта дрогнул.

— Здесь похожая ситуация. Только некоторые из этих людей умеют отправлять противника в нокаут.

— Пока они не собираются применять этот навык к офисной технике, думаю, мы поладим.

Эвелин рассмеялась и впервые откинулась на спинку кресла.

— Мне нравится ваш подход. Скажу прямо, предыдущая сотрудница ушла после двух недель. Нам нужен человек, который не теряется под давлением и не позволяет знаменитостям командовать собой. Но при этом умеет соблюдать границы. У нас не цирк, Блэр, хотя иногда некоторые ведут себя иначе.

Я почувствовала, как внутри шевельнулась осторожная надежда.

— Когда вы хотите, чтобы я приступила?

— Если мы договоримся — с понедельника. Сегодня могу показать вам рабочее место и познакомить с командой.

Понедельник. Стабильная зарплата. Оплаченные счета. Маме не придётся брать ещё одну смену.

— Я готова, — сказала я, стараясь не выдать, насколько сильно мне хотелось услышать окончательное «да».

Эвелин улыбнулась, но улыбка получилась утомлённой.

— Тогда считайте, что мы договорились. Формальности оформим после экскурсии.

На мгновение у меня перехватило дыхание. Я улыбнулась широко и совершенно искренне.

— Спасибо. Вы не представляете, насколько это важно для меня.

— Представляю, — мягко ответила она. — Но предупреждаю: сегодня вы можете передумать.

Рабочая зона находилась между кабинетами тренеров и коридором, ведущим к закрытым залам. За стеклянными перегородками сотрудники разговаривали по гарнитурам, кто-то нёс стопку полотенец, на экране большого монитора светилось расписание тренировок. Всё было организованно, почти стерильно — до тех пор, пока из-за двери справа не донёсся тяжёлый удар.

Потом ещё один.

И ещё.

Моё тело отреагировало раньше головы. Плечи напряглись, ладони стали холодными. На долю секунды я снова оказалась в больничном коридоре, где мама сидела, прижав кулак ко рту, а врач говорил слова, которые я потом неделями пыталась вытеснить из памяти.

«Черепно-мозговая травма».

«Отёк».

«Пока ничего обещать не можем».

— Блэр?

— Всё хорошо, — поспешно сказала я, заставляя плечи расслабиться. — Просто не ожидала, что здесь настолько хорошо слышно тренировки.

Она посмотрела на меня чуть дольше, чем требовала вежливость, но вопросов не задала.

— Привыкнете. Это зал номер три. Сегодня там спарринги.

Мы прошли дальше. Эвелин познакомила меня с двумя координаторами, показала переговорную, комнату отдыха и стол, который должен был стать моим. На нём стояла маленькая лампа, аккуратный органайзер и пустая чашка с логотипом центра.

Я невольно улыбнулась. Будущее впервые за долгое время представлялось не сплошным списком долгов, а чем-то, у чего есть хотя бы начало.

Перед уходом Эвелин остановилась и указала на дальнюю

дверь.

— Мне нужно на короткое совещание, — сказала Эвелин, посмотрев на часы. — Осмотритесь. Через десять минут вернусь, и подпишем бумаги. Только, пожалуйста, не заходите в тренировочные зоны без сопровождения. У некоторых спортсменов сегодня не лучшее настроение.

— У меня тоже не идеальное, — ответила я, слабо улыбнувшись. — Думаю, мы с этим коридором найдём общий язык.

Она усмехнулась и ушла.

Я положила сумку на стул, провела пальцами по гладкой поверхности стола и достала телефон. Маме я написала всего два слова: *«Меня взяли»*.

Ответ пришёл почти мгновенно: *«Я знала, что у тебя получится. Ной бы гордился»*.

Мама всё ещё говорила о Ное так, словно его прежняя жизнь просто задержалась где-то за поворотом. Словно однажды он вернётся домой, начнёт спорить из-за громкости телевизора и съест всю еду из холодильника. На самом деле он был жив — и именно это делало всё сложнее. Иногда он узнавал меня сразу, а иногда смотрел так, будто я случайная посетительница. В хорошие дни мог произнести целую фразу. В плохие уставал даже от света.

Я убрала телефон, прежде чем глаза успели защипать.

За перегородкой раздался мужской голос. Я невольно прислушалась.

— Да не трогай ты его сейчас. У него после спарринга настроение как у бешеной собаки.

— Когда у Кейна было другое настроение? — ответил второй, со смешком.

Я подняла голову.

Двое мужчин вышли из коридора. Первый — высокий, широкоплечий, с чёрными волосами, собранными в хвост, и улыбкой, которая, вероятно, открывала перед ним любые двери. Второй выглядел спокойнее: тёмная футболка, коротко стриженные светлые волосы, внимательный взгляд. Они остановились у автомата.

— Новенькая? — спросил улыбчивый, заметив меня.

— А вы местная служба проверки документов? — спросила я, приподнимая бровь. — Или всех новых сотрудников здесь встречают с таким подозрением?

Он на секунду растерялся, потом рассмеялся, и протянул руку с видом человека, уверенного, что любое знакомство закончится взаимной симпатией. Его рукопожатие оказалось тёплым и коротким, а улыбка — совершенно бесстыдной.

— Джейс Морган. Иногда боксирую, чаще очаровываю людей.

Второй мужчина чуть качнул головой, будто извиняясь за приятеля. Он держался куда спокойнее Джейса.

— Вторая часть у тебя получается хуже, чем ты думаешь, — заметил его приятель. — Тео Беннетт. Не обращайте на него внимания.

— Блэр Уинстон, — представилась я, пожимая протянутую руку. — И, пожалуй, советом Тео действительно стоит воспользоваться.

Джейс театрально прижал ладонь к груди и взглянул на Тео так трагично, что я не удержалась от улыбки. За его показным возмущением не чувствовалось ни капли обиды.

— Тео, ты слышал? Меня отвергли ещё до того, как я успел предложить кофе.

— Это личный рекорд, — невозмутимо ответил Тео.

Я улыбнулась. От них исходило что-то неожиданно простое и дружелюбное, совершенно не похожее на образ боксёров, который я носила в голове годами.

— Вы здесь работаете? — поинтересовалась я, переводя взгляд с одного на другого. — Или просто заходите развлекать сотрудников между тренировками?

— Вроде того, — сказал Джейс. — Я тренируюсь, Тео делает вид, что присматривает за нами, а один наш общий знакомый портит всем жизнь.

— Джейс, — негромко предупредил Тео, и в его голосе прозвучала усталая просьба не начинать очередное представление.

— Что? Я же не назвал имени, — невинно возразил тот. — Вдруг у нас здесь целая очередь людей, которые умеют портить всем жизнь?

Из дальнего коридора донёсся резкий стук двери.

Джейс медленно повернул голову и произнёс почти ласс-

ково:

— А вот и солнечный лучик.

Улыбка Джейса стала шире, но Тео заметно напрягся. Из коридора послышались тяжёлые, быстрые шаги.

Мужчина, появившийся в проходе, был выше обоих. На нём была простая белая футболка, обтягивающая широкие плечи, и тёмные джинсы. Из-под левого рукава выглядывала татуировка: чёрные линии самурайского доспеха переплетались с красными цветами и уходили выше, к плечу. В одной руке он держал перчатки, другой нетерпеливо стягивал бинт с запястья. Тёмные волосы были влажными после тренировки, на скуле краснела свежая ссадина. Он шёл быстро, с таким выражением лица, будто каждый встречный уже успел его подвести.

Я узнала его.

На экране в холле он выглядел красивым и далёким, как дорогая реклама. Вблизи красота оказалась слишком настоящей, чтобы её не заметить: резкие черты, прямой нос с едва заметной неровностью, тяжёлый взгляд карих глаз. Но нетерпение, застывшее в напряжённой челюсти, портило впечатление почти мгновенно. Почти — потому что мне всё-таки понадобилась лишняя секунда, чтобы отвести глаза.

Я почувствовала знакомое раздражение ещё до того, как он открыл рот. Несправедливо, наверное. Но после всего, что случилось с Ноем, мне было трудно смотреть на людей, чьё имя зрители скандировали за умение бить.

Он не задержал взгляд ни на одном из присутствующих. Голос оказался ниже, чем в интервью, которые я когда-то слышала, и звучал так, словно весь мир уже успел его разочаровать.

— Где Портер? — спросил он, даже не поздоровавшись.

— На совещании, — ответил Тео. — Что случилось?

Ашер бросил перчатки на ближайшую скамью. Те ударились о дерево с неприятным глухим стуком. Он говорил не громко, но каждое слово было отрывистым, как удар.

— Кто-то снова переставил мою тренировку. Я ясно сказал: зал три должен быть свободен до четырёх.

Тео отвечал ровно, даже не меняя позы. Только маленькая складка между бровями выдавала, насколько утомительным было для него это объяснение.

— Его забронировали для реабилитационной группы, — спокойно объяснил Тео. — Мы обсуждали это вчера.

Ашер резко дёрнул бинт, и ткань с сухим шорохом соскользнула с его ладони.

— Я не обсуждал. Мне сообщили о решении, которое приняли без меня.

— Какая трагедия, — пробормотала я, прежде чем успела остановиться.

Джейс кашлянул, подозрительно похожим образом скрывая смешок.

Его взгляд скользнул по моему временному пропуску, задержался на лице. Молчание было намеренным.

Ашер медленно повернулся ко мне. Его глаза сузились, а уголок рта едва заметно дёрнулся — скорее от недоверия, чем от веселья.

— Что ты сказала?

— Что для вас это трагедия. Зал пришлось уступить людям, которым он нужен для восстановления. Сочувствую вашей потере.

У Джейса дрогнули плечи. Тео едва заметно прикрыл глаза, как человек, который увидел столкновение двух машин за секунду до удара.

Ашер шагнул ближе. Не вплотную, но достаточно, чтобы я почувствовала исходившее от него тепло после тренировки и запах пота.

— Ты здесь кто?

— Человек, который умеет читать расписание, — ответила я. — Судя по тому, что я только что услышала, этот навык здесь встречается реже, чем хотелось бы.

— Я спросил не об этом, — процедил он. — Мне нужно знать, кто решил, что ты вправе вмешиваться в разговор, который тебя не касается.

Я сложила руки на груди и встретила его взгляд. Внутри всё дрожало от злости и тревоги, но показать ему хоть одну из этих слабостей казалось совершенно невозможным.

— А я ответила на ту часть вопроса, которая показалась мне приличной, — сказала я. — Остальное можете обсудить с руководством, если вас настолько беспокоит моё присут-

ствие.

Он посмотрел на мой пропуск. На его лице появилась улыбка — короткая, холодная и совершенно лишённая веселья. Он произнёс мою фамилию медленно, с неприятной уверенностью человека, привыкшего, что после такого тона люди начинают оправдываться. Я почувствовала, как щёки обдало жаром.

— Временная сотрудница. Понятно. Совет на будущее, Уинстон: прежде чем вмешиваться в чужой разговор, выясни, с кем говоришь.

— Я прекрасно знаю, кто вы, мистер Кейн. Это не делает ваш разговор менее слышным для окружающих.

Его челюсть напряглась, взгляд стал тяжёлым. Кажется, он не привык слышать подобное, особенно при друзьях.

— Ты понятия не имеешь, как здесь всё устроено.

— Возможно. Но мне уже объяснили, что у центра есть правила и расписание. Предположу, что они распространяются на всех.

— Не делай предположений о вещах, в которых не разбираешься.

— Тогда не ведите себя так, будто остальные обязаны угадывать ваши желания.

Я сама услышала, как резко прозвучал мой ответ. Мне хотелось, чтобы хотя бы один человек в этом здании сказал ему то, о чём остальные, похоже, предпочитали молчать.

Повисла тишина. Где-то за стеклом зазвонил телефон. Я

услышала его отчётливо, словно весь коридор вдруг перестал дышать.

Ашер смотрел на меня с таким выражением, будто решал, стоит ли тратить ещё хотя бы секунду. Я смотрела в ответ, хотя сердце колотилось слишком быстро. Мне была нужна эта работа. Настолько нужна, что разумная часть меня уже кричала: «Замолчи, Блэр». Но другая часть — та, что годами слышала, как влиятельные люди оправдывали последствия чужих решений, — не собиралась уступать.

— Тео, — наконец произнёс Ашер, не отводя от меня глаз, — объясни новенькой, что она здесь не для того, чтобы высказывать своё мнение.

— Если моё мнение не требуется, — сказала я, — вам придётся перестать задавать мне вопросы.

Джейс отвернулся к автомату и издал странный сдавленный звук. Ашер перевёл взгляд на друга так резко, что тот выпрямился. На мгновение мне показалось, будто в коридоре стало холоднее.

— Тебе весело?

— Нет, — ответил Джейс слишком быстро. — Совершенно ужасный день. Даже воду пить тяжело.

— Отлично. Тогда иди на тренировку.

— Я только что закончил.

— Начнёшь заново.

Джейс поднял руки, сдаваясь, но улыбка с его лица не исчезла.

Ашер вновь посмотрел на меня. На этот раз в его взгляде было не только раздражение, но и холодное любопытство.

— Надолго ты здесь, Уинстон?

— Надеюсь, надолго, — произнесла я, хотя сердце уже колотилось от тревоги. — Мне нравится эта работа, и я не собираюсь отказываться от неё из-за первого неприятного знакомства.

— Посмотрим, — ответил он после короткой паузы. — Обычно люди меняют мнение, когда понимают, с чем им придётся иметь дело.

Он развернулся и ушёл по коридору, не попрощавшись. Я смотрела ему вслед и только теперь заметила, что сжимала край папки так сильно, что бумага смялась под пальцами.

Джейс выждал, пока шаги Ашера стихнут. Только после этого позволил себе громко выдохнуть и с удовольствием посмотрел на меня, будто я только что устроила для него бесплатное представление.

— Ну, — произнёс Джейс после долгой паузы. — Это было лучше моего утреннего кофе.

— Ты мог бы хоть раз не подливать масла в огонь, — сказал Тео, но уголки его губ дрогнули.

— Я вообще молчал. Почти.

Я разгладила помятый угол папки, стараясь придать голосу небрежность. Пальцы слушались плохо.

— Он всегда такой приятный?

— Нет, — ответил Тео с таким серьёзным лицом, что я на

секунду почувствовала облегчение.

— Иногда хуже, — добавил он, и теперь в уголках его губ наконец появилась улыбка.

Джейс громко расхохотался.

Мне тоже хотелось рассмеяться, но за смехом пряталось неприятное чувство: я только что поссорилась с человеком, чьё лицо висело на рекламных щитах центра, где мне отчаянно нужна была работа.

— Он может добиться моего увольнения? — спросила я, ненавидя себя за то, что голос прозвучал тише.

Тео чуть выпрямился, будто хотел придать своим словам дополнительный вес.

— Решения о персонале принимает Эвелин.

— Но он попробует, — честно добавил Джейс.

— Спасибо за поддержку.

— Всегда пожалуйста. Слушай, если что, я готов дать показания, что ты была невероятно вежлива.

— Ты ужасный свидетель, — заметил Тео.

— Зато у него хватает обаяния на весь клуб.

Они ушли, продолжая спорить, а я осталась у своего нового стола. Из-за двери снова донёсся удар по груше — глухой, мощный, отдающийся где-то под рёбрами.

Я вспомнила ладони Ноя, пахнущие спортивной мазью, и его привычку говорить, что ринг учит не только бить, но и вовремя останавливаться.

Мне захотелось верить, что он был прав.

Эвелин вернулась через пятнадцать минут. Я успела придумать шесть вариантов извинения и отвергнуть все шесть как унизительные.

Эвелин остановилась.

— Как вам наш коллектив? — спросила она, подходя к столу.

— Разнообразный, — осторожно ответила я.

Она прищурилась.

— Вы познакомились с Кейном.

— Мы обменялись мнениями по поводу расписания.

— Боже, — тихо сказала Эвелин и устало потёрла переносицу. — Насколько громко?

— Не настолько, чтобы вызывать полицию, — призналась я. — Но, боюсь, недостаточно тихо, чтобы мистер Кейн забыл об этом к вечеру.

Несколько секунд она смотрела на меня, потом неожиданно рассмеялась — коротко, с искренним удивлением.

— Он уже звонил мне. Сказал, что новая сотрудница позволяет себе лишнее.

Я вспомнила мамино сообщение, больничные счета, разбитую кружку на кухонном столе.

Я заговорила торопливо, но постаралась не оправдываться. Мне было стыдно за несдержанность, однако ещё страшнее было представить, как я сообщу матери, что работа сорвалась из-за одной ссоры.

— Если это ставит под вопрос моё трудоустройство, я го-

това объяснить ситуацию. Я понимаю, что должна была держаться профессиональнее. Но я не оскорбляла его и не собиралась устраивать сцену.

— Хорошо, что вы это понимаете. Умение отстаивать границы — достоинство. Умение выбирать время и место — необходимость. Мне нужен сотрудник, который не боится Ашера, но и не превращает каждый его визит в словесный поединок.

Я кивнула, чувствуя, как краска приливает к щекам.

— Вы правы. Этого больше не повторится на рабочем месте.

Она подвинула ко мне документы. От простого движения мне вдруг захотелось одновременно рассмеяться и расплакаться.

— Вот и отлично. — Она положила передо мной договор. — Потому что я не собираюсь терять хорошего кандидата из-за плохого настроения чемпиона.

Я смотрела на бумаги, не сразу осознавая услышанное.

— То есть… — Я запнулась, не решаясь закончить вопрос. — Вы всё ещё готовы взять меня на работу после того, что произошло?

— То есть, Блэр, добро пожаловать в Northline, — ответила Эвелин. — Только давайте договоримся: в следующий раз сначала дышим, потом спорим с чемпионом.

Облегчение оказалось таким сильным, что я почти рассмеялась. Я взяла ручку, но рука чуть дрожала. Подписывая

своё имя, я думала о маме, о Ное, о том, что сегодня вечером мы с Мэдисон сможем купить нормальный ужин, не проверяя остаток на карте.

— Спасибо, — сказала я, подняв голову. — Я вас не подведу.

Эвелин подождала, пока я возьму ручку, и только тогда добавила:

— И ещё кое-что. В понедельник вы будете координировать графики тренировочных залов. В том числе график Кейна.

— Считайте это проверкой стрессоустойчивости.

Я выдохнула. В моём воображении снова возникли карие глаза Ашера Кейна, его надменная полуулыбка и произнесённое с явной угрозой «Посмотрим».

Что ж.

Если он решил, что я испугаюсь и сбегу, его ждало разочарование.

В тот момент я ещё не знала, сколько раз буду жалеть об этом решении. Не знала, что однажды выучу звук его шагов, смогу различать оттенки молчания и начну искать его лицо в толпе.

И уж точно не знала, что человек, которого я возненавидела в первый день, однажды станет причиной самой страшной боли в моей жизни.

Пока я знала одно, в понедельник мне предстояло снова встретиться с Ашером Кейном. И я совершенно не собира-

лась делать ему эту встречу приятной.

Глава 2

ГЛАВА 2
БЛЭР

У каждого человека есть причины ненавидеть понедельники. У меня появилась новая.

Её звали Ашер Кейн.

И если бы мне платили за каждую мысль о том, как сильно я не хочу видеть его самодовольную физиономию, возможно, мне вообще не пришлось бы выходить на работу.

К сожалению, счета за лечение Ноя не собирались оплачивать себя сами.

Поэтому в шесть утра я лежала в постели, смотрела в потолок и пыталась убедить себя, что работа с самым невыносимым человеком Нью-Йорка — не худшее, что могло со мной случиться.

За окном ещё не рассвело окончательно. Нью-Йорк медленно выбирался из ночи: по мокрому асфальту шуршали шины, в доме напротив зажигались окна, а над пожарной лестницей висел серый клочок неба.

Я вспомнила, чьё расписание мне предстояло вести, и закрыла лицо ладонями.

— Если ты сейчас молишься, — раздалось из дверного проёма, — попроси заодно, чтобы кофеварка воскресла.

Мэдисон стояла босиком, в растянутой футболке, с таким

видом, будто уже успела разочароваться в человечестве. Рыжеватые пряди выбились из небрежного пучка. В одной руке она держала пустую кружку, плечом придерживая дверь.

— Я прошу, чтобы сегодняшний день закончился без уголовного дела, — пробормотала я, садясь на кровати.

Она прищурилась, внимательно разглядывая меня.

— Значит, ты всё-таки собираешься встретиться с нашим любимым чемпионом. Я надеялась, что за выходные ты передумаешь и найдёшь менее опасный способ заработать. Например, станешь кормить акул.

Я потянулась за телефоном. На экране светилось сообщение от мамы, отправленное двадцать минут назад:

«Ной спал спокойно. Не волнуйся. Удачи сегодня, солнышко».

— Мне нужна эта работа, Мэд. Ты это знаешь.

Подруга перестала улыбаться. Она вошла в комнату, присела на край кровати и поставила кружку на тумбочку. На секунду между нами повисла тишина, наполненная тем, о чём мы давно научились не говорить вслух: счетами, бессонными ночами мамы, запахом больничных коридоров.

— Знаю, — мягко сказала она. — Поэтому сегодня ты пойдёшь туда, покажешь всем, какая ты умная, и не позволишь одному идиоту испортить тебе жизнь. А если он попытается, позвонишь мне. Я умею очень убедительно ругаться.

Я невольно улыбнулась. Мэдисон подняла указательный палец, словно вспомнила важнейший пункт инструкции.

— И поешь. Когда ты нервничаешь, ты забываешь есть, а потом становишься страшнее самого Кейна.

— Это клевета! — воскликнула я и угрожающе схватилась за подушку.

— Я живу с тобой три года, Блэр. От меня такие вещи не скроешь.

Когда она ушла на кухню, я ещё немного посидела на краю кровати. Экран телефона погас, а я всё думала о Ное.

Когда-то Ной кричал с трибун громче всех родителей вместе взятых. Я так ясно услышала его голос, что под рёбрами болезненно сжалось.

Я набрала маме ответ, пообещала позвонить вечером и заставила себя встать.

В боксёрском центре пахло свежезаваренным кофе, дезинфицирующим средством и кожей перчаток. Последний запах я узнала ещё у входа — тяжёлый, въевшийся в память. В детстве он означал, что Ной скоро вернётся с тренировки, взъерошит мне волосы и украдёт из тарелки картошку. Теперь от него неприятно холодело в груди.

Я остановилась у стеклянных дверей на несколько секунд дольше, чем требовалось. В отражении увидела девушку в тёмных брюках и светлой рубашке, с аккуратно собранными волосами и сумкой, которую она сжимала так крепко, будто та могла защитить от всего на свете. Выглядела она вполне уверенно — если не считать побелевших пальцев.

— Блэр! — окликнули меня.

Эвелин шла через холл быстрым, уверенным шагом. Сегодня на ней был строгий синий костюм, а волосы были убраны в гладкий узел. Она держала планшет и папку с документами, но всё равно успела улыбнуться так, словно моё появление стало хорошей новостью.

— Рада, что вы пришли вовремя. Первый день обычно выглядит страшнее, чем оказывается на самом деле. Хотя, — она бросила короткий взгляд в сторону тренировочного крыла, — иногда бывает наоборот.

Я проследила за её взглядом и почувствовала, как у меня напряглись плечи.

— Он уже здесь?

Эвелин не стала делать вид, что не поняла вопроса.

— Ашер приезжает раньше большинства сотрудников. Это одно из его немногих удобных качеств. Пойдёмте, покажу ваше место, прежде чем он решит, что весь мир обязан подстраиваться под его утреннюю тренировку.

Мы поднялись на второй этаж. Отсюда через широкие окна был виден главный зал: ряды мешков, натянутые канаты ринга, спортсмены, разминавшиеся под сухие команды тренеров. Удары звучали неровным глухим ритмом. Мне показали рабочий стол за стеклянной перегородкой, компьютер, шкаф с договорами, внутреннюю систему бронирования и телефоны, которые, по словам Эвелин, «никогда не молчат, когда это действительно нужно».

Я записывала всё, что могла. Номера залов. Время сани-

тарных перерывов. Порядок согласования визитов прессы. Правило, согласно которому тренировочный ринг нельзя занимать без подтверждения ответственного тренера, даже если спортсмен привык считать его собственным.

— У нас здесь не музей звёзд, — сказала Эвелин, заметив, как тщательно я подчеркнула последнюю строчку. — Northline работает потому, что люди соблюдают правила. И потому, что иногда кто-то достаточно упрям, чтобы напомнить им об этом.

Я подняла глаза. Она смотрела на меня с едва заметной улыбкой.

— Надеюсь, вы не наняли меня исключительно ради этого.

— Исключительно? Нет. Но ваш характер я заметила ещё на собеседовании. Давайте направим его в полезное русло.

К десяти часам я успела разобраться с двумя переносами тренировок, найти потерянный пропуск и выслушать раздражённого менеджера, уверявшего, что его клиенту обещали отдельную раздевалку. Проблема заключалась в том, что никакого обещания не существовало. Я проверила предыдущую рабочую переписку, спокойно объяснила условия и предложила свободное помещение на другом этаже. Менеджер ушёл недовольным, но согласным.

Маленькая победа. Я даже позволила себе глоток уже остывшего кофе.

На экране появилось уведомление:

«Зал А. Изменение бронирования. Запрос: команда А. Кейна».

Вместо согласованных девяноста минут кто-то поставил три часа, перекрыв тренировку юниорской группы и обязательный перерыв на обслуживание оборудования.

Я перечитала строку.

— Конечно, — тихо сказала я пустому кабинету. — Кто бы сомневался.

Я открыла журнал изменений. Запрос пришёл пять минут назад от ассистента команды, но не был утверждён. Значит, его ещё можно было исправить без скандала. Я позвонила по указанному номеру. После четвёртого гудка мне ответил мужской голос, весёлый до неприличия.

— Если это по поводу Кейна, он сейчас занят тем, что уничтожает мешок. Оставьте сообщение после сигнала моей душевной усталости.

Я посмотрела на имя контакта: Джейс Морган.

— Мистер Морган, это Блэр Уинстон, координатор расписания. Ваш запрос на продление зала А не согласован. Он пересекается с тренировкой другой группы.

— О, так это вы, — протянул он, и я почти услышала, как на его лице появляется улыбка. — Девушка, из-за которой Ашер в пятницу был особенно приятен в общении.

— Не представляю, как вы заметили разницу. Мне показалось, он всегда такой.

Джейс рассмеялся. Не обидно и не насмешливо — так

смеются люди, которым давно не хватало развлечения.

— Слушайте, Блэр, мне нравится ваш подход. Но сегодня у нас спарринги, а тренер внезапно решил изменить программу. Нельзя ли подвинуть юниоров на час?

Я взглянула на расписание. Просьба не была одной лишь прихотью: время спаррингов действительно могло измениться. Но юниоры уже ехали сюда, а их тренер подтвердил занятие ещё неделю назад.

— Я могу предложить вам зал С после одиннадцати тридцати. Там меньше места для зрителей, зато оборудование подходит для работы на лапах и разминки. Основной ринг освободится в двенадцать сорок пять. Если нужна именно площадка А, придётся дождаться своего времени.

На том конце повисла пауза.

— Вы сейчас очень спокойно говорите человеку, который должен передать это Ашеру Кейну, что ему придётся ждать.

— Именно так. Буду благодарна, если вы передадите ещё и то, что правила одинаковы для всех клиентов.

— Я передам, — пообещал Джейс. — Но на всякий случай скажите, где вы сидите. Чтобы я знал, куда нести цветы на ваши похороны.

— Второй этаж. Стеклянный кабинет. Цветы не нужны, лучше принесите подтверждённый график.

Он снова засмеялся, а потом уже серьёзнее пообещал обсудить альтернативу с тренером.

Я положила трубку с неожиданным удовлетворением. Раз-

говор оказался вполне нормальным. Возможно, вся команда Кейна не состояла из людей, убеждённых, что планета вращается вокруг их чемпиона.

Эта мысль продержалась ровно семь минут.

Дверь кабинета открылась без стука.

Ашер Кейн заполнил собой проём так внезапно, что я едва не пролила кофе на клавиатуру. На нём была чёрная тренировочная футболка, влажная у воротника, и серые спортивные брюки. Волосы растрепались, на скуле темнел старый синяк, а на правой руке ещё оставалась наполовину размотанная лента бинта. От него пахло чистым потом, мятой и чем-то резким, похожим на спортивный бальзам.

Мне не понравилось, что я заметила все эти подробности, прежде чем вспомнила, насколько он меня раздражал.

Он не поздоровался. Взгляд его скользнул по моему столу, задержался на табличке с именем и поднялся к лицу. Губы едва заметно искривились.

— Уинстон. Я думал, после пятницы ты найдёшь работу, где меньше риска встретить меня.

Я медленно поставила кружку. Если он рассчитывал увидеть испуг, то выбрал неподходящее утро: я уже пережила неработающую кофеварку, два звонка от раздражённых менеджеров и воспоминания, от которых хотелось сбежать на другой конец города.

— Доброе утро, мистер Кейн. Если пришли обсудить расписание — присаживайтесь. А если просто проверить, не ис-

чезла ли я, можете считать проверку завершённой.

Его взгляд сузился. Он закрыл за собой дверь, но садиться не стал. Вместо этого подошёл к столу и положил на него лист с распечатанной тренировочной программой. Бумага легла точно поверх моего блокнота.

— Мне нужен зал А до часа. У нас работа с партнёрами, и мы не собираемся перестраивать подготовку из-за детской секции.

Он произнёс «детской» с таким равнодушием, будто речь шла о коробках, которые можно переставить в соседний коридор. Я почувствовала, как во мне поднимается знакомая волна раздражения, но заставила себя посмотреть сначала на распечатку, а не на него.

— Ваша команда получила альтернативу. Зал С свободен, основной ринг — после двенадцати сорока пяти. Детская группа подтверждена заранее. Переносить её в последний момент мы не будем.

— Мы? — переспросил он. Одно короткое слово прозвучало как насмешка. — Ты работаешь здесь меньше трёх часов, а уже говоришь от имени всего центра?

Я подняла голову. Его лицо оставалось спокойным, но челюсть напряглась. Он пришёл не за объяснением — за привычным согласием.

— Я говорю от имени расписания, которое мне поручили вести. Оно существует не для того, чтобы вас злить, а чтобы сорок человек не оказались одновременно в одном зале. Вы

можете обсудить исключение с Эвелин, но пока его нет, я не имею права подтверждать изменение.

Ашер медленно наклонился, опираясь пальцами о край стола. Не настолько близко, чтобы я испугалась, но достаточно, чтобы его тень легла на раскрытый ежедневник.

— Послушай внимательно, Уинстон. Через шесть недель у меня бой. Каждый час подготовки расписан по минутам. Я не собираюсь объяснять человеку, который вчера пришёл сюда с улицы, почему мои тренировки важнее разминки школьников.

Внутри всё оборвалось на слове «важнее». Я видела перед собой не чемпиона с обложек и не самодовольного мужчину, способного вывести меня из себя одним взглядом. На секунду я увидела Ноя, который когда-то тоже верил, что большой бой оправдывает всё: боль, усталость, предупреждения, необходимость терпеть.

Я отодвинулась от стола. Теперь между нами было чуть больше расстояния, и мне стало легче дышать.

— Я прекрасно понимаю, насколько серьёзна подготовка к бою, — сказала я, стараясь, чтобы голос не дрожал. — Я предлагаю вам варианты, а не закрываю дверь перед носом. Но другие люди здесь тоже тренируются. У них есть время, тренеры, обязательства. Ваш титул не делает их занятия менее важными.

Он выпрямился. На мгновение его взгляд задержался на моём лице так внимательно, будто он впервые услышал не

слова, а человека, который их произнёс.

— Ты и расписание защищаешь с таким же упорством?

— Когда меня пытаются заставить нарушить правила — да. В остальное время я вполне приятный сотрудник. Можете спросить у Джейса.

При упоминании друга в его глазах мелькнуло раздражённое узнавание.

— Джейс считает приятным любого, кто смеётся над его шутками.

— Тогда, боюсь, я его разочаровала. Я попросила у него график.

Ашер неожиданно усмехнулся — коротко, без прежней злости. Улыбка исчезла почти сразу, но успела изменить его лицо. Оно стало моложе, менее закрытым. Я с досадой отметила это и тут же отвернулась к экрану.

— Выбирайте, — сказала я. — Зал С сейчас или зал А позже. Если ваш тренер подтвердит новый вариант, я внесу его в систему и уведомлю персонал.

Он не ответил сразу. В коридоре прокатили тележку с полотенцами; где-то внизу прозвучал свисток. Ашер провёл большим пальцем по краю бинта на запястье, словно решая, стоит ли продолжать спор.

— Зал С, — наконец произнёс он. — До двенадцати сорока пяти. Потом ринг.

Я кивнула и внесла изменения. Когда распечатка вышла из принтера, протянула её ему. Он взял лист, но не спешил

уходить.

— Не думай, что это победа, Уинстон.

Я посмотрела на него поверх монитора. Усталость и злость вдруг сложились в нечто почти смешное.

— А я и не думала, что мы на ринге, Кейн. Я просто выполняю работу.

На этот раз он не улыбнулся. Но, прежде чем закрыть дверь, бросил через плечо:

— Посмотрим, как долго ты продержишься.

Я смотрела на пустой проём ещё несколько секунд. Потом медленно опустилась в кресло и поняла, что всё это время держала спину слишком прямо. Между лопатками ныло.

— Отличное начало недели, — сказала я вслух.

— Я бы назвал это историческим событием, — ответил кто-то из коридора.

Я вздрогнула. В дверь заглянул Джейс Морган, широко улыбаясь. За его плечом стоял Тео Беннетт. Он задержал взгляд на моём лице, словно проверяя, не пожалела ли я уже о своём решении работать здесь, а затем окинул кабинет внимательным взглядом.

— Блэр, рад снова вас видеть, — спокойно произнёс Тео. — Хотя, судя по выражению лица Джейса, обстоятельства встречи опять не самые мирные.

— После нашего первого знакомства я уже начинаю считать это местной традицией, — ответила я, поднимаясь из-за стола. Тео чуть заметно улыбнулся.

— Спасибо за то, что предложили рабочий вариант с залом, а не просто отказали. Это действительно помогло.

Он говорил без тени снисходительности, и напряжение в плечах понемногу отпустило. Джейс, напротив, опёрся о дверной косяк и театрально вздохнул.

— А я хотел лично увидеть женщину, которая заставила Кейна согласиться на компромисс. Мне кажется, скоро об этом снимут документальный фильм.

— Вы оба обычно приходите проверять работу координаторов? — спросила я, убирая со стола ненужные листы.

— Только тех, кого наш чемпион запоминает по имени, — ответил Джейс. — Это редкий случай. Обычно он помнит только вес соперника и время следующей тренировки.

Тео слегка толкнул его локтем — достаточно, чтобы улыбка Джейса стала менее вызывающей.

— Мы пришли уточнить, куда перенесли часть оборудования. Тренер попросил не тратить на это ещё полчаса. Если покажете, мы сами всё проверим.

Я открыла план залов и объяснила, где находятся стойки для лап, запасные маты и шкаф с защитным снаряжением. Тео задавал точные вопросы, записывал ответы в телефон и не перебивал. Джейс пытался шутить, но в какой-то момент тоже прислушался. С ними было удивительно легко разговаривать — настолько, что я почти забыла об их общем друге.

— Слушайте, — сказал Джейс, когда мы закончили, — вы ведь понимаете, что Ашер не всегда такой? Иногда он ещё

хуже.

Тео устало прикрыл глаза.

Я не удержалась от смеха. Он вырвался неожиданно и снял напряжение, накопившееся с самого утра.

— Утешили. А я уже надеялась, что застала его в редкий неудачный день.

— Сегодня он действительно на взводе, — заметил Тео. Его голос стал тише. — Но это не оправдание. Если возникнут проблемы с расписанием, связывайтесь со мной или с тренером напрямую. Так будет быстрее.

В этих словах не было ни просьбы потерпеть, ни попытки оправдать чужую грубость. Я почувствовала к нему благодарность.

— Договорились. И спасибо за нормальный разговор. Сегодня это редкость.

Когда они ушли, я снова посмотрела через стекло на зал. Внизу Ашер уже работал с тренером. Его движения были совсем не похожи на те, с которыми он ворвался ко мне в кабинет: здесь не было лишнего жеста. Он поднимал руки, смещался, уходил от воображаемого удара и возвращался в стойку с почти пугающей точностью. Тренер держал лапы, отдавая короткие команды. Удары звучали глухо и быстро, один за другим.

Я знала достаточно о боксе, чтобы увидеть разницу между эффектной силой и настоящей работой. Ашер не бил наугад. Он ждал, выбирал момент, сохранял равновесие. Даже когда

уставал, не позволял плечам опуститься раньше времени.

Хотелось отвернуться.

К обеду мои ноги устали от бесконечных переходов между кабинетами, а в голове поселился устойчивый шум. Я успела объяснить правила посещения двум журналистам, найти свободное время для физиотерапевта и трижды исправить опечатку в фамилии одного из тренеров. В двенадцать сорок пять команда Кейна получила основной ринг ровно по графику. Небо за окнами посветлело, но солнце так и не появилось.

Я принесла из автомата сэндвич, села за стол и раскрыла упаковку. Телефон завибрировал. На экране высветилось имя мамы.

— Привет, — ответила я, стараясь звучать бодро. — Как вы там?

Мама помолчала чуть дольше обычного. Я сразу почувствовала это, как чувствуют внезапный сквозняк в комнате, где все окна закрыты.

— Всё спокойно, милая. Ной сегодня занимался с реабилитологом. Устал, но старался. Просил передать, чтобы ты не спорила с начальством в первый же день.

Я закрыла глаза и прижала пальцы к переносице. Конечно. Даже находясь в клинике, брат каким-то образом умудрялся шутить над моим характером.

— Скажи ему, что я образец дипломатии.

Мама тихо засмеялась, и мне стало легче. Затем я услы-

шала шелест бумаги.

— Блэр, пришло письмо из клиники. Не пугайся, это просто уточнение по следующему этапу занятий. Я хотела сама разобраться, прежде чем говорить тебе.

Она всегда начинала с «не пугайся», когда уже боялась сама.

— Мам, сколько?

— Пока не знаю точно. Там несколько вариантов, и врач должен объяснить, что действительно необходимо. Я не хочу, чтобы ты сейчас думала только о деньгах. У тебя первый рабочий день.

Я посмотрела на недоеденный сэндвич. Крошки рассыпались по бумаге. Вдруг стало стыдно за то, что полчаса назад я мысленно праздновала победу над человеком, который даже не подозревал, сколько для меня значила эта зарплата.

— Давай так, — сказала я после паузы. — Ты поговоришь с врачом и попросишь всё расписать. Без предположений и без лишних услуг, которые нам никто не объяснил. Вечером посмотрим вместе. Хорошо?

— Хорошо, солнышко. Только пообещай, что сегодня поешь и не будешь снова сидеть до ночи над счетами.

Я взглянула на сэндвич, который уже перестал казаться едой.

— Обещаю, — соврала я не слишком убедительно.

После звонка я ещё долго держала телефон в руке. На экране отражалось моё лицо — усталое, с напряжёнными гу-

бами. Мне захотелось немедленно поехать к Ною, посидеть рядом, спросить, как прошла терапия, и послушать, как он снова пытается делать вид, будто ему не больно. Но рабочий день ещё не закончился, и я не могла позволить себе исчезнуть.

Я убрала телефон и открыла расписание на завтра. Цифры и фамилии постепенно сложились в понятную последовательность. В этом была почти детская надежда: если хотя бы один маленький участок жизни можно привести в порядок, возможно, остальное тоже однажды поддастся.

— Ты не обязана делать всё сразу, — произнёс знакомый голос.

Я подняла голову. Эвелин стояла у двери с папкой под мышкой. По выражению её лица было ясно, что она видела мой разговор, но не собиралась расспрашивать.

— Я просто проверяю расписание на завтра, — ответила я и попыталась улыбнуться.

— Расписание подождёт пять минут, — сказала Эвелин без нажима. — А обед — нет.

Я кивнула. Когда дверь за ней закрылась, я позволила себе откинуться на спинку кресла.

АШЕР . РАНЬШЕ В ТОТ ДЕНЬ

Я вошёл в стеклянный кабинет, уже зная, что скажу. Мне нужен был зал А, а не очередная лекция о правилах. Но за столом сидела Уинстон — девушка, которая в пятницу умудрилась вывести меня из себя за несколько минут.

На ней была светлая рубашка, тёмные брюки и белые кроссовки. Ничего нарочитого, ничего из того, чем обычно пытались привлечь моё внимание. Она сидела перед монитором, чуть подавшись вперёд, и, когда подняла голову, я на мгновение забыл, зачем пришёл.

Свет из окна зацепился за длинные золотистые волосы. На носу и щеках рассыпались веснушки — мелкие, будто кто-то небрежно коснулся её лица кистью. Я заметил пухлые губы, упрямо сжатые при виде меня, а потом глаза. Серо-зелёные, с тёплыми золотистыми искрами.

Она смотрела так, словно заранее решила не уступать мне ни сантиметра. Я пришёл спорить о тренировке, а вместо этого стоял в дверях и разглядывал девушку, которая терпеть меня не могла.

«Соберись, Кейн». Я перевёл взгляд на табличку с её именем, заставил себя вспомнить про расписание и открыл рот. Разговор, разумеется, начался плохо.

БЛЭР

Ближе к вечеру зал опустел. В коридорах стало тише, уборщики катили тележки с чистыми полотенцами, где-то вдалеке работал пылесос. Я сверяла последние изменения, когда заметила на стойке регистрации забытый конверт с результатами медицинского осмотра. На нём стояла фамилия Кейна и пометка о передаче через администрацию тренеру. Я не открывала его — только проверила журнал входящей корреспонденции и отнесла в кабинет Эвелин, как требова-

ли правила.

На обратном пути я остановилась у окна, выходившего на малый зал. Там всё ещё горел свет. Ашер тренировался один — без публики, без друзей и без той самодовольной полуулыбки, которая так раздражала меня утром. Он бил по мешку короткими сериями, делал шаг назад, выдыхал и начинал снова. На лице не было злости — только усталость и какое-то упрямое, почти отчаянное сосредоточение.

Я не знала, сколько времени он провёл там после основной тренировки. И не имела права судить о человеке по нескольким минутам, увиденным через стекло. Но на секунду мне стало не по себе от того, насколько одиноким он выглядел в огромном пустом помещении.

Он остановился, прислонился лбом к мешку и медленно выдохнул. Потом выпрямился и посмотрел в сторону окна.

Я отступила раньше, чем он мог меня заметить.

«Не твоя история», — сказала я себе, возвращаясь к рабочему столу. У меня была собственная семья, собственные проблемы и работа, которую нужно удержать. Мне совершенно не требовалось искать человеческую глубину в мужчине, который с утра пытался продавить чужие границы.

В шесть пятнадцать я выключила компьютер. За окном начинался дождь — мелкий, почти невидимый, пока не попадал под свет фонарей. Я накинула пальто, проверила телефон и отправила Мэдисон сообщение:

«Жива. Работу не потеряла. Купи хлеб, пожалуйста».

Ответ пришёл мгновенно:

«Горжусь. Хлеб куплю. Чемпион ещё дышит?»

Я улыбнулась, набирая:

«К сожалению для моего спокойствия — да».

У выхода меня догнал голос:

— Уинстон.

Я обернулась. Ашер стоял у лестницы, уже в тёмной куртке, с сумкой на плече. Волосы были влажными после душа, лицо казалось ещё строже при холодном свете коридора. Несколько секунд он молчал, словно сам не был уверен, зачем меня окликнул.

— Завтра, — наконец сказал он, — у нас снова зал А с девяти?

Я мысленно проверила расписание. Вопрос был обычным, почти безобидным. После сегодняшнего дня это само по себе удивляло.

— С девяти до одиннадцати. Я отправила подтверждение вашему тренеру и Джейсу. Если захотите что-то изменить, лучше предупредить заранее, а не за семь минут до начала.

Он опустил взгляд на ремень сумки, поправил его на плече и снова посмотрел на меня. В уголке рта появилось движение, которое могло стать улыбкой, если бы он позволил.

— До завтра, Уинстон, — произнёс он уже без прежней резкости.

Я вышла на улицу. Влажный воздух коснулся разгорячённого лица. Дождь усилился, и я подняла воротник пальто,

направляясь к метро. По дороге пыталась сосредоточиться на разговоре с мамой, завтрашних документах и первой зарплате.

Но стоило мне остановиться на переходе, как память упрямо вернула другую картину: пустой зал, глухие удары по мешку и Ашер Кейн, на мгновение прижавшийся к нему лбом, словно пытался удержаться на ногах не от усталости, а от чего-то, чему не было названия.

Я раздражённо тряхнула головой. Мне не было до него дела. Во всяком случае, именно это я повторяла себе всю дорогу домой.

Глава 3

АШЕР

За окном ещё не рассвело. Нью-Йорк лежал внизу, расчерченный бледными линиями фонарей; по мокрому асфальту ползли первые такси. В спальне было прохладно. Я специально оставлял кондиционер включённым на ночь: легче было заставить себя встать, когда одеяло переставало казаться безопасным местом.

Телефон на тумбочке мигнул. Пять сорок семь. Сообщение от отца пришло в пять тридцать.

«Посмотрел запись спарринга. В третьем раунде снова опускаешь правую. Чемпион так не работает».

Ни «доброе утро», ни вопроса, как я себя чувствую. Я давно перестал ждать от него чего-то другого, но всё равно задержал взгляд на экране дольше, чем следовало. Потом перевернул телефон дисплеем вниз и сел на край кровати.

Мне было четырнадцать, когда я впервые выиграл турнир, который отец считал достаточно серьёзным, чтобы потратить на него целую субботу. Я до сих пор помнил запах раздевалки, саднящую губу и тяжесть медали на груди. После финального гонга я искал его глазами среди зрителей. Он стоял у выхода, скрестив руки, и даже не улыбался.

В машине отец наконец заговорил: «Во втором раунде ты слишком рано опустил защиту». Я кивнул, глядя на медаль

у себя на коленях. Не спросил, понравился ли ему бой. Уже тогда знал, что ответ будет не о победе.

Теперь мне было двадцать восемь. За моей спиной стояли десятки побед, а я всё ещё просыпался от его сообщений и ловил себя на том, что жду одного-единственного предложения без продолжения: «Я горжусь тобой». От этой мысли стало так противно, что я отодвинул телефон подальше.

Плечо ныло после вчерашней работы на мешке. Не острая боль, не травма — обычное напоминание о том, что тело помнит каждую лишнюю минуту, даже если голова отказывается признавать усталость. Я несколько раз сжал и разжал пальцы, прислушался к суставам и встал.

В ванной зеркало встретило меня лицом человека, который слишком мало спал и слишком хорошо умел делать вид, будто это не имеет значения. Тёмные волосы торчали в разные стороны, под глазами залегли тени. Я провёл ладонью по подбородку, открыл холодную воду и умылся.

До следующего боя оставалось несколько недель. Противник был неудобным: высокий, терпеливый, с длинными руками и привычкой не бросаться вперёд. С такими нельзя рассчитывать на один красивый удар. Придётся выигрывать каждый отрезок, каждую секунду дистанции.

Мне это даже нравилось. На ринге всё имело правила. Если ошибся — получал по лицу. Если сделал работу лучше другого — выигрывал. Никто не просил объяснить, почему ты не умеешь быть нормальным человеком.

И всё же я думал не только о сопернике.

Перед глазами упрямо возникало лицо новой координаторши. Блэр Уинстон. Светлые пряди выбились у неё из причёски к концу рабочего дня, на переносице появилась складка, когда я в очередной раз спросил про зал, а голос оставался удивительно ровным даже тогда, когда она явно представляла, как швыряет в меня папку.

Я раздражённо выдохнул. У меня хватало дел, чтобы вспоминать женщину, которая вчера сообщила мне, что расписание существует не для украшения стены.

Проблема заключалась в том, что она была права.

Утренние часы всегда были моими любимыми. До появления журналистов, менеджеров и людей, считавших себя вправе давать советы, зал принадлежал тем, кто действительно работал. За стеклянной перегородкой несколько молодых боксёров прыгали через скакалку. Верёвки секли воздух с одинаковым сухим свистом. Кто-то стучал по скоростной груше, сбиваясь и начиная заново.

Я пришёл за двадцать минут до назначенного времени. Не ради Блэр Уинстон, разумеется. Просто так было удобнее. По крайней мере, именно это я сказал себе, когда заметил, что первым делом посмотрел в сторону административного коридора.

— Если ты ищешь вчерашнюю грозу с папкой, она ещё не спустилась, — сообщил Джейс.

Он сидел на скамье возле раздевалок, завязывая шнурки,

и улыбался с тем беззаботным выражением, которое обычно предшествовало неприятностям. На нём была серая тренировочная футболка, волосы ещё не успели высохнуть после душа.

— Я ищу тренера, — ответил я, ставя сумку на пол.

— Конечно. Поэтому ты уже два раза посмотрел на лестницу.

Я медленно повернулся к нему.

— Ты с утра решил проверить, насколько мне хватает терпения?

— Нет. — Джейс распрямился и дружески хлопнул меня по плечу. — Я решил проверить, есть ли оно у тебя вообще. Результаты пока неутешительные.

Он рассмеялся раньше, чем я успел ответить. Джейс мог позволить себе подобное. Мы слишком давно знали друг друга, чтобы я принимал каждую его шутку за вызов. Когда-то он был единственным человеком, который мог зайти ко мне после проигранного любительского турнира и сказать: «Ты ведёшь себя как придурок. Поехали есть». И я ехал.

— Ты вчера видел, что произошло? — спросил я, доставая из сумки бинты.

— Видел, как новая сотрудница предложила тебе рабочий компромисс? Да. Захватывающее зрелище. Сначала я думал, что ты потребуешь вызвать адвоката.

— Она изменила мой график без согласования.

Джейс перестал улыбаться так широко. Он положил локти на колени и посмотрел на меня внимательнее.

— Нет, Ашер. Ты потребовал изменить график нескольких других людей за семь минут до тренировки. Она нашла способ никого не выкинуть из зала и дала нам почти всё, что было нужно. Ты можешь сколько угодно злиться на её тон, но работу она сделала.

Я затянул бинт вокруг запястья чуть туже, чем требовалось, и тут же ослабил.

— Ты теперь её защитник?

— Я защитник здравого смысла. Должность неоплачиваемая и, судя по нашей дружбе, совершенно бесперспективная.

Джейс говорил легко, но я слышал его. На ринге всё было проще: ошибку можно исправить следующим ударом, а спор — закончить гонгом. Отец с детства внушал мне, что уважение получают победители. Я слишком привык к этой арифметике, чтобы признать: за пределами зала она не всегда работает.

Я хотел огрызнуться, но из коридора появился Тео, держа в руке планшет. Он был одет так, словно собирался не в боксёрский зал, а на встречу, где все участники должны были говорить тихо и по существу. Тео редко повышал голос. Ему это не требовалось: он умел произнести одну фразу так, что после неё становилось неудобно продолжать спор.

— Доброе утро, — сказал он и кивнул на мои бинты. —

Ты сегодня раньше обычного.

— А ты, как обычно, вовремя, — заметил Джейс. — Расскажи ему, что новая координаторша не совершила преступления против человечества.

Тео перевёл взгляд с него на меня.

— Вы опять об этом?

— Мы не «опять», — отрезал я. — Он не может закрыть рот.

— Тогда всё как всегда, — невозмутимо ответил Тео. — Тренер ждёт тебя в зале А. И, прежде чем ты спросишь: зал закреплён за нами с девяти до одиннадцати. Я проверил подтверждение, которое вчера прислала Блэр.

— Прекрасно, — сказал я, поднимаясь. — Может, теперь мы займёмся боксом?

— Вот это уже исторический момент, — пробормотал Джейс мне вслед.

Тренер встретил меня у ринга с секундомером на шее. Виктор не любил лишних слов. Ему было за пятьдесят, на лбу пролегли глубокие складки, а правое ухо после долгих лет в боксе приобрело форму, которую ни один пластический хирург не назвал бы удачной. Он посмотрел на меня, затем на часы.

— Десять минут на разминку. Потом работа ног и шесть раундов на лапах. После — восстановление. Без самодеятельности.

— Я знаю программу.

— Тогда зачем вчера остался бить мешок после команды закончить?

Я замер, держа в руках скакалку.

— Кто сказал?

— Мне не нужен доносчик, чтобы увидеть по твоим плечам, что ты перебрал нагрузку. — Виктор приблизился и понизил голос. — Ты не становишься лучше оттого, что наказываешь себя за каждую ошибку. Иногда ты просто становишься уставшим боксёром, которого легче поймать на встречном ударе.

Он говорил о тренировке. Я слышал другое — голос отца, доносившийся из старого гаража: «Если можешь стоять, можешь продолжать». Мне тогда было двенадцать, на костяшках запеклась кровь, а я ещё не понимал, что взрослый человек способен назвать страх дисциплиной.

— Я в порядке, — сказал я.

Виктор выдержал паузу. Он не знал всего, но видел достаточно, чтобы не верить этой фразе безоговорочно.

— Хорошо. Тогда покажи мне это не количеством ударов, а головой.

Первые раунды пошли тяжело. Ноги слушались, но плечо тянуло на каждом длинном правом. Я старался не замечать этого, пока Виктор не хлопнул лапой по моей перчатке и не приказал остановиться.

— Ты опять спешишь. Противник не исчезнет, если ты подождёшь полсекунды.

Я выдохнул сквозь капу и отступил. Пот стекал по вискам, футболка прилипла к спине. Вокруг продолжалась обычная жизнь зала: удары, команды, чей-то короткий смех. Всё это сливалось в фон, на котором отчётливо звучало только моё дыхание.

— Ещё раз, — произнёс Виктор.

Я вернулся в стойку. Шаг, ложное движение плечом, уход в сторону, короткая двойка. На этот раз получилось чисто. Тренер едва заметно кивнул.

Одобрение было таким маленьким, что любой другой человек пропустил бы его. Я же с детства научился замечать каждое движение лица того, кто стоял напротив. Разница заключалась в том, что Виктор не отнимал у меня право на ошибку. Он требовал исправить её, а не расплатиться за неё.

После шестого раунда я снял капу и потянулся за бутылкой воды. В этот момент у входа в зал появилась Блэр.

Она держала планшет и несколько листов, скреплённых зажимом. На ней были тёмные брюки и светлая рубашка с закатанными рукавами. Волосы собраны небрежно. Она остановилась рядом с Виктором, дождалась, пока тот закончит разговор с помощником, и что-то показала на экране.

Слов я не слышал. Зато видел, как внимательно она слушала ответ, как нахмурилась, когда тренер указал на соседний зал, и как быстро внесла изменение в расписание. Ни суеты, ни попытки понравиться. Она стояла среди людей, которые привыкли считать своё время самым дорогим в мире,

и обращалась с ними одинаково спокойно.

Между бровями появилась тонкая складка — вчера я уже заметил, что так она хмурилась, когда слышала что-нибудь особенно нелепое. При мне эта складка, кажется, почти не исчезала.

Я опустил бутылку. Чёртова нелепость. В зале было полно людей, а я следил за тем, обернётся ли девушка с планшетом. Она не обернулась.

— Не смотри так пристально, — раздался голос Джейса у меня за спиной. — Она решит, что у тебя проблемы со зрением.

— Мне нужно знать, почему она здесь.

— Потому что работает здесь, Ашер. Удивительно, правда?

Я отвернулся, открутил крышку бутылки и сделал несколько глотков. Вода была холодной, но не помогла избавиться от раздражения.

Блэр подошла сама.

— Кейн, — сказала она, остановившись на расстоянии вытянутой руки. — Мне нужно уточнить один момент по завтрашнему расписанию. Ваш физиотерапевт попросил перенести восстановительную сессию на полчаса раньше. Я могу согласовать это с тренером, но сначала хочу убедиться, что у вас нет обязательств перед прессой.

Её голос был деловым. Она смотрела прямо на меня, хотя я стоял перед ней в перчатках, мокрый от пота и явно не

настроенный на беседы. Меня это почему-то задело сильнее, чем если бы она смутилась.

— Все обязательства есть у менеджера, — ответил я. — С ним и разговаривайте.

Она не изменилась в лице, только пальцы чуть крепче сжали край планшета.

— Я разговаривала. Он сказал, что в это время вы иногда добавляете личную тренировку. Поэтому я спрашиваю вас, прежде чем менять запись. Вчера вам не понравилось, что решения принимают без вашего участия. Сегодня я даю вам возможность участвовать.

Джейс закашлялся. Очень выразительно. Я не удостоил его взглядом.

— Ты всегда помнишь чужие слова так дословно?

— Только когда их произносят достаточно громко, чтобы слышал весь этаж.

Она ответила без улыбки, но в глазах на мгновение мелькнуло веселье. Уголок рта предательски дёрнулся, и опустил взгляд на бутылку.

— Переносите, — сказал я. — Но после физиотерапии оставьте окно без встреч и съёмок.

Блэр несколько секунд смотрела на экран, затем кивнула.

— Сделаю. Спасибо, что ответили на вопрос, а не попытались объявить войну календарю.

— Ты собираешься напоминать мне вчерашний день до конца жизни?

— Я надеюсь, мы оба проживём достаточно долго, чтобы у меня появились более интересные темы.

С этими словами она развернулась и пошла к выходу. Я проследил, как она уверенно обогнула стойку с инвентарём, придержала дверь для мальчишки из юниорской группы и исчезла в коридоре.

— Она тебя не боится, — тихо заметил Виктор, появившийся рядом.

— Ей нечего бояться.

Тренер посмотрел на меня с таким выражением, будто мы оба знали, насколько спорным было это утверждение.

— Тогда постарайся, чтобы так и осталось, — сказал он и хлопнул ладонью по канатам. — На сегодня хватит. Иди восстанавливаться.

В раздевалке телефон вибрировал так настойчиво, что я услышал его ещё до того, как открыл шкафчик. Три пропущенных вызова от отца. Одно сообщение от менеджера с просьбой подтвердить интервью. Ещё одно — от неизвестного номера.

«У нас остался незакрытый разговор. Ты знаешь какой».

Я прочитал сообщение дважды. Номер не был сохранён, но несколько последних цифр показались знакомыми. В груди неприятно похолодело. Я нажал на экран, собираясь перезвонить, потом остановился. Вокруг хлопали дверцы шкафчиков, шумел душ, кто-то громко обсуждал предстоящий турнир. Слишком много чужих ушей.

Я убрал телефон в карман и пошёл в пустой коридор.

Отец ответил после первого гудка.

— Наконец-то, — произнёс он вместо приветствия. — Ты видел моё сообщение?

Я прислонился плечом к прохладной стене и посмотрел на закрытую дверь подсобки напротив.

— Видел. Я работаю над правой рукой.

— Если бы работал достаточно, я бы не заметил ошибку на записи. Твой соперник заметит. Ты думаешь, титул делает тебя неуязвимым?

Я закрыл глаза. В двадцать восемь лет я всё ещё умел заранее угадать, где он сделает паузу, чтобы дать словам впиться глубже.

— Нет. Я думаю, что у меня есть тренер и план подготовки.

— Тренер, который позволяет тебе расслабляться. Я бы не позволил.

— Именно поэтому ты больше не ведёшь мои тренировки.

Тишина на линии длилась всего секунду, но я почувствовал её всем телом — как перед ударом, который видишь и всё равно не успеваешь остановить.

— Следи за тоном, сын.

Раньше после этих слов я извинялся. Сейчас провёл ладонью по лицу и посмотрел в конец коридора, где за стеклом проходили сотрудники.

— Я не собираюсь обсуждать это по телефону. Если хо-

чешь посмотреть тренировку, договорись с Виктором.

— Я не должен договариваться о встрече с собственным сыном.

— О тренировке — должен.

Он резко выдохнул.

— Ты слишком быстро забыл, кто сделал из тебя чемпиона.

Вина кольнула привычно, почти автоматически.

— Я помню, — ответил я. — Именно поэтому разговор окончен.

Я сбросил вызов, прежде чем услышал продолжение, и ещё несколько секунд стоял неподвижно. Сердце билось быстрее, чем после раундов на лапах. Это злило. Я мог выдержать удар человека, который весил почти столько же, сколько я, но четыре предложения отца выбивали из равновесия.

— Кейн?

Я поднял голову. В нескольких шагах стояла Блэр. В руках у неё была папка, на плече висела сумка с ноутбуком. Судя по выражению лица, она не ожидала найти меня здесь. И уж точно не ожидала увидеть меня таким.

— Что? — спросил я резче, чем хотел.

Она остановилась. Её взгляд скользнул по моему лицу, затем к телефону в руке. Она заметила телефон в моей руке, но спрашивать ни о чём не стала.

— Эвелин просила передать, что завтрашние изменения

утверждены. Я отправила подтверждение вам и тренеру.

Я мог кивнуть или сказать спасибо. Вместо этого услышал собственный голос:

— Для этого необязательно было искать меня по всему зданию.

Блэр опустила папку. На секунду мне показалось, что она промолчит. Затем её подбородок чуть поднялся.

— Я не искала вас. Я шла в архив. И, поверьте, если бы у меня был выбор между поисками вас и походом к стоматологу, я бы сначала уточнила, сколько стоит лечение.

При других обстоятельствах я бы рассмеялся. Сейчас только сильнее стиснул телефон.

— Тогда иди в архив.

Она смотрела на меня несколько долгих секунд. Не обиженно — оценивающе, словно пыталась понять, стоит ли тратить на меня ещё хоть одно слово.

— Хорошо, — наконец произнесла она. — Но на будущее, Кейн: если у вас плохой день, это не значит, что окружающие обязаны его разделять.

Она развернулась, и звук её шагов быстро затих за поворотом.

Я остался у стены, глядя в пустоту. Меня не задела её дерзость. Меня задело то, что она снова была права.

В детстве я поклялся себе, что никогда не стану разговаривать с людьми так, как отец разговаривал со мной. И всё же только что сорвался на женщину, которая просто передала

рабочую информацию. Для этого даже не потребовалось серьёзной причины — хватило нескольких минут на телефоне.

Я сунул мобильный в карман и направился к выходу. На лестнице догнал Тео.

— Ты выглядишь так, словно только что проиграл спор человеку, которого не можешь ударить, — сказал он.

— У меня был разговор с отцом.

Тео остановился. На его лице не появилось удивления. Он знал достаточно, чтобы понять без объяснений.

— И ты решил раздать остатки настроения всем вокруг?

Я невесело усмехнулся.

— Уже успел.

— Блэр?

— Ты теперь читаешь мысли?

— Нет. Я видел, как она вышла из коридора. Она не выглядела человеком, который только что получил хорошие новости.

Мы спустились на площадку между этажами. Сквозь узкое окно было видно, как над соседними крышами собираются низкие серые облака. Тео опёрся ладонью о перила и не торопил меня с ответом.

— Я нагрубил ей, — признал я наконец.

— Тогда извинись.

Я повернул к нему голову.

— Ты говоришь это так, словно достаточно двух слов.

— Иногда достаточно.

— Она не просила извинений.

— А ты ждал официального заявления?

Я качнул головой. Тео едва заметно улыбнулся, но в глазах оставался серьёзным.

— Ашер, — добавил он, — тебе не обязательно становиться другим человеком за один день. Но если ты понимаешь, что причинил кому-то неприятность, не прячься за тем, что у тебя были причины.

Я промолчал. Спорить было не с чем.

После физиотерапии я задержался у автомата с кофе. Плечо стало легче, мышцы приятно ныли после растяжки. На экране телефона снова светилось сообщение с незнакомого номера. Я открыл его и долго смотрел на короткую фразу.

«У нас остался незакрытый разговор».

В памяти всплыли обрывки того вечера: освещённый коридор арены, чей-то слишком громкий спор за закрытой дверью, бумага, которую я тогда не должен был видеть. Я заставил себя остановиться. Не здесь. Некоторые вещи нельзя вытаскивать на свет между двумя глотками кофе.

Отправлять сообщение не стал.

Когда поднял голову, увидел Блэр у стойки администратора. Она разговаривала с пожилым мужчиной в спортивной куртке, терпеливо показывая ему схему прохода к медицинскому кабинету. Тот явно плохо слышал, и она повторила объяснение, не повышая голоса и не теряя терпения. Потом проводила его до лифта и подождала, пока двери закроются.

Я мог пройти мимо, сделать вид, что в коридоре ничего не произошло, а завтра снова говорить с ней только о тренировках и расписании. Так поступал отец: после каждой вспышки возвращался к обычным делам, словно произнесённые слова исчезали вместе со звуком его голоса.

В детстве я ненавидел это молчаливое требование забыть обиду. Сегодня сам попытался навязать его человеку, который ни в чём передо мной не провинился. Блэр не обязана была понимать, почему я сорвался. И уж точно не обязана была терпеть это.

Извиняться я умел плохо. Наверное, поэтому стоило сделать это сейчас, пока привычная гордость не придумала десяток причин промолчать.

Я подошёл, пока гордость не успела меня остановить.

— Уинстон.

Она обернулась. Её взгляд сразу стал настороженным, но голос остался ровным.

— Что-то не так с расписанием?

— Нет.

Я остановился в паре шагов от неё. Вблизи заметил едва различимые тени под глазами и след от ручки на боковой стороне ладони. Видимо, её день тоже не был лёгким. Она терпеливо ждала, пока я объясню, зачем подошёл.

— В коридоре я повёл себя по-свински, — произнёс я наконец. — Ты пришла по делу.

Она моргнула, словно на мгновение перестала понимать, с

кем разговаривает. Потом медленно сложила руки на груди.

— Вы сейчас извиняетесь, Кейн?

— Да. Хотя, судя по твоему лицу, мне следовало предупредить за сутки.

Её губы дрогнули, но она не улыбнулась по-настоящему.

— Признаться, я не ожидала. Я даже не уверена, что у меня есть форма для регистрации такого события.

— Можешь внести его в календарь.

— Только если это не займёт зал А с девяти до одиннадцати.

На этот раз я рассмеялся. Коротко, неожиданно даже для себя. Несколько человек у стойки повернули головы, и я сразу замолчал. Блэр смотрела на меня с открытым удивлением, будто впервые увидела не чемпиона с рекламного плаката, а живого человека.

Удивление быстро исчезло.

— Я принимаю извинения, — сказала она. — Но предупреждаю: если завтра у вас снова будет плохое настроение, расписание всё равно останется расписанием.

— Не сомневался.

Она чуть наклонила голову, рассматривая меня так внимательно, что мне захотелось отступить. Я не привык, чтобы люди смотрели без страха, восхищения или желания что-то получить. У неё в глазах не было ничего из этого. Только осторожность и упрямство.

— Тогда до завтра, — произнесла она, поднимая папку.

— До завтра, Блэр.

Её имя вырвалось само собой. Она заметила это — по тому, как на мгновение остановилась, прежде чем отвернуться. Я тоже заметил. И почувствовал странное желание вернуть слово обратно, спрятать его там, где никто не сможет использовать против меня.

Вместо этого смотрел, как она уходит по коридору, пока за поворотом не исчезла светлая рубашка.

— Ты только что извинился? — услышал я за спиной восхищённый шёпот Джейса.

Я даже не обернулся.

— Не начинай.

— Нет, погоди. Мне нужно запомнить дату. Тео! — крикнул он в сторону лестницы. — Иди сюда, у нас произошло чудо!

Я показал ему средний палец и направился к раздевалке. Джейс расхохотался так громко, что его смех ещё долго катился за мной по коридору.

Вечером квартира встретила меня тишиной. Я бросил ключи в керамическую чашу у двери, снял куртку и прошёл к окну. На реке отражались редкие огни, по стеклу тянулись тонкие дождевые дорожки. Город никогда не замолкал полностью, но с такой высоты его шум казался далёким и безопасным.

Я разогрел ужин, почти не почувствовал вкуса и сел за кухонный стол с телефоном. Отец больше не звонил. Это долж-

но было радовать. Вместо облегчения я испытывал знакомое ожидание следующего удара.

На экране всё ещё было сообщение неизвестного отправителя. Я открыл историю звонков, нашёл номер, который не набирал уже много месяцев, и сравнил цифры. Совпали не все, но достаточно, чтобы у меня пересохло во рту.

Я вспомнил тот вечер на арене. Белый свет под потолком, запах медицинского спирта, чей-то голос: «Если это выйдет наружу, полетят головы». Тогда я убедил себя, что не имею права вмешиваться в чужие решения. Позже повторял эту мысль так часто, что почти поверил.

Почти.

Я отложил телефон и провёл ладонями по лицу. На ринге можно было пропустить удар и всё равно продолжить бой. За пределами канатов некоторые удары наносили задолго до того, как человек понимал, что его уже задели.

На столе лежал распечатанный план подготовки. Завтра с девяти до одиннадцати — зал А. Восстановление перенесено. Окно после него свободно. Всё аккуратно согласовано и подтверждено.

Она разобралась с расписанием и не стала ждать, что я буду за это благодарен. Я оценил её работу, хотя признаваться в этом не собирался.

Блэр Уинстон не знала обо мне ничего. Я надеялся, что так и останется.

Но, глядя на тёмный экран телефона, уже понимал: про-

шлое редко спрашивает, готов ли ты открыть дверь.

Глава 4

БЛЭР

В среду утром я обнаружила, что у моего терпения, как и у банковского счёта, есть вполне конкретный предел. Только деньги заканчивались постепенно, а терпение могло исчезнуть за одно сообщение.

«*Мне нужен зал А сегодня с двенадцати до двух. Освободи его*». Сообщение от Ашера Кейна пришло в семь семнадцать, когда я стояла в переполненном вагоне метро, одной рукой держалась за поручень, а другой пыталась не уронить бумажный стакан с кофе.

Ни приветствия, ни объяснений, ни даже вопросительного знака. Только приказ и абсолютная уверенность в том, что мир немедленно перестроится под его автора.

Я перечитала сообщение, затем открыла расписание на телефоне. С двенадцати до двух в зале А должна была проходить групповая тренировка юниоров. Двенадцать подростков, два тренера, арендованное время, родители, которые подстраивали под занятия собственную работу. Накануне я лично подтверждала бронь, потому что один из тренеров попросил проверить оборудование после ремонта. Перенести группу было некуда: соседний зал занимали спарринги, а маленький тренировочный сектор не подходил для полноценного занятия.

«Зал занят до двух. Могу предложить зал А после четырёх или зал С в двенадцать тридцать, если подойдёт его оснащение», — написала я, стараясь придать ответу деловой тон.

Три точки появились почти сразу. Исчезли. Появились снова.

«Я не спрашивал, какие у меня варианты».

Я посмотрела на экран так, словно он мог передать Кейну выражение моего лица. В отражении тёмного окна напротив увидела собственные нахмуренные брови, выбившуюся из хвоста прядь и девушку, которая за три дня работы уже начинала разговаривать с телефоном.

— А зря, — пробормотала я. — Очень зря.

Женщина рядом сочувственно улыбнулась, решив, видимо, что речь идёт о неудачном свидании. Если бы она знала, насколько ошибалась.

Я убрала телефон в карман, не отвечая. Мне платили за координацию расписания, а не за круглосуточное обслуживание чужого самолюбия. К тому же я обещала себе не начинать день с ссоры. Обещание продержалось ровно до девяти утра.

За стеклянной перегородкой кто-то отрабатывал удары по мешку; глухой ритм разносился по коридору, смешиваясь со скрипом кроссовок и короткими командами тренера. За три дня я успела полюбить один звук — щелчок дверного замка в моём маленьком кабинете. Он означал, что хотя бы несколь-

ко минут я могла разложить бумаги и сделать вид, будто всё контролирую.

На столе меня ждали три записки, пачка заявлений и кружка, которую Мэдисон вчера торжественно вручила мне взамен разбитой.

На белом боку красовалась надпись: «Сохраняй спокойствие». Подруга утверждала, что купила её случайно. Я подозревала, что она специально обошла половину магазинов Манхэттена, чтобы найти что-то настолько подходящее.

Я поставила кружку рядом с монитором и раскрыла рабочий блокнот. Сначала — письма. Потом — подтверждение времени для юниоров. И звонок в клинику, если удастся поймать свободные десять минут. Мама вчера написала, что Ною назначили дополнительные занятия с реабилитологом. Она поставила в конце сообщения улыбающийся смайлик, словно не знала, что я сразу посчитаю, во сколько нам обойдётся ещё один шанс заставить его руку двигаться увереннее.

Я уже набирала ответ тренеру юниоров, когда в дверь постучали два раза и, не дождавшись приглашения, вошёл Джейс Морган.

— Доброе утро, самая опасная женщина в этом здании, — объявил он, прижимая к груди пакет с булочками. На его лице сияла улыбка человека, который не сомневался, что ему будут рады. — Я пришёл с миром и выпечкой. На случай, если первое не сработает.

Я откинулась на спинку кресла и посмотрела на пакет. Из

него пахло корицей, а мой завтрак состоял из половины банана, съеденного по дороге к метро.

— У тебя есть три секунды, чтобы объяснить, почему ты называешь меня опасной. После этого я решу, заслужил ли ты право оставить булочку.

— Потому что вчера Ашер впервые согласился с изменением расписания, не пытаясь никого уволить, — с серьёзным видом ответил Джейс. Он поставил пакет на край стола, осторожно отодвинув мои документы. — Тео считает это результатом разумной организации. Я считаю — колдовством. Разница в том, что Тео скучный, а я наблюдательный.

— Если твой друг настолько впечатлён, пусть напишет благодарственное письмо. Только не в форме приказа освободить занятый зал.

Джейс перестал улыбаться так широко. Его взгляд скользнул к телефону, лежавшему рядом с клавиатурой.

— А, значит, он уже начал.

— Ты знал, что он собирается требовать зал А?

— Знал, что ему понадобилось дополнительное время после разговора с тренером. Но не знал, что он решит действовать привычным способом — бросив приказ в пространство и ожидая, что оно подчинится.

Он говорил легко, но в последней фразе я услышала усталость, которой раньше не замечала. Джейс был весёлым, однако это не означало, что ему всегда нравилось поведение друга.

— Я не собираюсь лишать детей тренировки из-за его настроения, — сказала я и потянулась за папкой. — Я предложила два варианта. Если ни один не подходит, он может обсудить другие варианты с тренером и администрацией. Но бронь я не сниму.

— И правильно сделаешь, — неожиданно серьёзно ответил Джейс. Он помолчал, затем снова улыбнулся, будто не хотел задерживаться на неприятной теме. — А теперь бери булочку, пока я не передумал. Я, между прочим, ради неё стоял в очереди рядом с мужчиной, который двадцать минут выбирал между двумя одинаковыми круассанами.

Я рассмеялась и впервые за утро почувствовала, как расслабляются плечи. Джейс обладал редким талантом появляться в тот момент, когда мир становился слишком тяжёлым, и делать вид, будто всё ещё можно исправить выпечкой.

— Спасибо, — сказала я уже мягче. — За завтрак и за то, что не пытаешься убедить меня уступить Кейну.

Он задержал на мне взгляд, словно собирался сказать что-то ещё, но передумал.

— С ним непросто, Блэр. Иногда он сам делает всё, чтобы это было невозможно. Только не принимай каждый его выпад на свой счёт.

— Тогда пусть перестанет направлять их в мою сторону.

— Справедливое замечание, — признал Джейс, подняв руки. — Передам дословно, если мне вдруг надоест жить.

Когда он ушёл, я ещё несколько секунд смотрела на за-

крывшуюся дверь. Мне нравилось, что у Ашера есть друзья, способные не соглашаться с ним. Но меня совершенно не устраивала перспектива разбираться в причинах его поведения. У каждого из нас хватало своих проблем. Мои, например, не помещались в одну папку.

После вчерашнего разговора с Кейном я позволила себе подумать, что он хотя бы попробует вести себя иначе. Он ведь сумел тогда признать, что был неправ. Оказалось, его способность к вежливости действовала не дольше суток. Я злилась на себя за то, что вообще успела на что-то рассчитывать.

К одиннадцати сорока я уже успела перенести консультацию физиотерапевта, найти потерянную заявку на оборудование и выслушать возмущённого посетителя, который считал, что оплаченный абонемент даёт ему право парковаться у служебного входа. Когда телефон наконец замолчал, я вышла в коридор проверить готовность зала А к занятию юниоров.

Дети начали собираться заранее. Один мальчишка лет четырнадцати сосредоточенно перематывал бинты на руках, другой, худой и высокий, объяснял приятелю, как собирается сегодня выполнить упражнение без единой ошибки. Их тренер, невысокая женщина с седой прядью у виска, сверяла список и здоровалась с каждым по имени. Я задержалась у дверей, наблюдая, как она поправила стойку одному из ребят и негромко похвалила его за терпение.

Ной когда-то был таким же. Я помнила его шестнадцатилетним с разбитыми костяшками, мокрыми волосами и сияющими глазами. Он возвращался после тренировок голодным настолько, что съедал всё, что находил на кухне, а потом рассказывал мне о каждом удачном ударе так подробно, словно описывал победу на чемпионате мира. Тогда я не боялась ринга.

— Блэр?

Я обернулась. Тео стоял рядом, держа планшет и бумажный стакан с кофе. Его спокойный голос вернул меня в коридор раньше, чем память успела завести туда, куда я не хотела идти.

— Ты в порядке? — спросил он, не приближаясь.

В отличие от большинства людей, Тео умел задавать вопросы так, чтобы на них можно было не отвечать.

— Да. Просто проверяла, всё ли готово. После вчерашнего дня решила, что лучше дважды убедиться, чем один раз объяснять Кейну, почему мир не вращается вокруг его перчаток.

На лице Тео мелькнула едва заметная улыбка.

— Он уже писал насчёт зала?

— В семь семнадцать. Ты удивишься, но слова «пожалуйста» там не было.

— Меня больше удивило бы обратное, — сухо заметил Тео. Затем посмотрел на список у меня в руках. — Я видел расписание. Юниоров переносить нельзя. У них догово-

рённость с тренером, а дополнительную тренировку Ашера можно провести в другом помещении.

Я почувствовала облегчение, хотя не собиралась в этом признаваться. За три дня я успела привыкнуть к мысли, что любой спор с чемпионом здесь автоматически становится моей проблемой.

— Скажи ему, что я звонила.

— Попробую.

Он произнёс это с такой невозмутимостью, что я улыбнулась. Но Тео почти сразу посерьёзнел и посмотрел через моё плечо.

Я поняла, кто приближается, ещё до того, как услышала шаги.

Ашер Кейн шёл по коридору в чёрных тренировочных брюках и тёмной футболке, которая подчёркивала ширину его плеч. Волосы были влажными после разминки, на запястьях были туго затянуты бинты. Лицо оставалось спокойным, но это было то особенное спокойствие, которое предшествует грозе.

Он остановился перед нами и коротко кивнул Тео. Меня удостоил взгляда, от которого захотелось немедленно проверить, не загорелся ли мой блокнот.

— Я просил освободить зал к двенадцати, — сказал он без приветствия. Голос был низким, почти ровным. — Почему там стоят дети?

— Потому что у них тренировка, — ответила я, прижи-

мая папку к боку. — Она была утверждена ещё до того, как ты решил поменять планы. Я отправила тебе доступные варианты утром.

Ашер медленно перевёл взгляд на часы над дверью, словно проверял, не ошиблась ли я во времени.

— Мне не нужен зал С. Я работаю по конкретной программе. Там недостаточно места для нужной связки.

— Тогда зал А будет свободен после четырёх. Или можешь обсудить с тренером другое время на завтра. Я помогу подобрать окно, если ты скажешь, сколько оно должно длиться.

Он снова посмотрел на меня. Вблизи было видно, что под глазами у него залегли тени, а у скулы проступает свежий синяк. На секунду мне пришло в голову, что он, должно быть, почти не спал. Я тут же одёрнула себя. Недосыпание не превращало приказы в просьбы.

— Я сказал: сегодня в двенадцать, Уинстон.

— А я сказала: зал занят, Кейн. Мы можем повторять это до вечера, но вряд ли тогда кто-нибудь успеет потренироваться.

Тео едва заметно шевельнулся рядом, словно собирался вмешаться. Ашер поднял ладонь, не глядя на него.

— Это не твой бой, Тео.

— Здесь вообще нет боя, — спокойно ответил тот. — Есть расписание, которое мы вчера согласовали, и дополнительная тренировка, которую ты захотел вставить утром. Я уже

разговаривал с тренером. Зал С подходит для первой части работы, а силовую можно перенести на четыре.

На мгновение я решила, что Ашер прислушается. Его взгляд задержался на друге, губы сжались в тонкую линию. Потом он снова повернулся ко мне, будто именно моё присутствие делало ситуацию невыносимой.

— Значит, ты решила показать всем, кто здесь главный?

Слова прозвучали негромко, но оттого ударили сильнее. Несколько подростков у дверей перестали разговаривать, и я почувствовала на себе их любопытные взгляды.

— Нет, — ответила я, стараясь не повышать голос. — Я пытаюсь сделать так, чтобы здесь соблюдали договорённости. Это часть моей работы. И я была бы благодарна, если бы ты перестал устраивать сцены перед детьми.

Ашер усмехнулся, но улыбка не коснулась глаз.

— Три дня в Northline, и ты уже учишь меня, как здесь всё устроено?

— Три дня достаточно, чтобы понять, что люди, которые заранее бронируют зал, рассчитывают им воспользоваться.

Он сделал шаг ближе. Не настолько, чтобы коснуться меня, но достаточно, чтобы я ощутила запах кожи тренировочных перчаток, которые он держал в руке. Пришлось чуть запрокинуть голову, чтобы смотреть ему в лицо.

— Ты вообще понимаешь, с кем разговариваешь? — спросил он, отчётливо выговаривая каждое слово.

Я почувствовала, как поднимается знакомая волна зло-

сти. Но вместе с ней пришло что-то другое: холодное, ясное нежелание позволить ему превратить мой первый рабочий конфликт в публичное унижение.

— С мужчиной, который в двадцать восемь лет до сих пор не научился планировать своё время, — ответила я.

Тео тихо выдохнул. Где-то за моей спиной мальчишка подавил смешок.

Ашер не двинулся. Только желваки у него на скулах выступили резче, а пальцы медленно сжались в кулак. Я увидела, как он заставил себя разжать пальцы. От этого стало не по себе.

— Осторожнее, Уинстон, — произнёс он так тихо, что слова услышала только я.

Я удержала его взгляд, хотя сердце стучало сильнее, чем хотелось бы.

— Ты можешь быть недоволен моим решением. Но запугивать меня не нужно.

Тишина между нами стала плотной, почти физической. Потом за спиной Ашера раздался уверенный голос тренера юниоров:

— Кейн, мои ребята ждут занятия. Если есть вопросы к расписанию, решайте их в администрации, а не перед детьми.

Ашер резко повернул голову. Женщина стояла в дверях зала, положив руку на плечо самого младшего мальчика. Она не выглядела испуганной. Скорее раздражённой тем,

что взрослые мешают работать.

Он несколько секунд смотрел на неё, затем кивнул.

— Начинайте.

Он развернулся и ушёл в сторону раздевалок. Тео задержался рядом со мной, пока шаги не стихли.

— Я поговорю с ним, — сказал он.

— Поговори, — отозвалась я, чувствуя, как дрожат пальцы, сжимающие папку. — Только не объясняй мне потом, что он просто устал или переживает сложный период. Я не обязана угадывать его настроение, чтобы нормально выполнять работу.

Тео посмотрел на меня долгим, внимательным взглядом.

— Не собирался. Он был неправ.

Эти три слова неожиданно оказались важнее, чем я ожидала. Я кивнула и, прежде чем голос мог выдать волнение, направилась обратно к кабинету.

За закрытой дверью злость догнала меня по-настоящему. Я бросила папку на стол слишком резко; листы съехали на пол, и один из них зацепился за ножку кресла. Пришлось присесть, собирая бумаги дрожащими руками.

Я опёрлась ладонями о край стола и попыталась выровнять дыхание. В коридоре я не отвела глаз, не позволила голосу дрогнуть. Здесь, за закрытой дверью, пальцы не слушались даже тогда, когда я пыталась сложить листы ровной стопкой.

Мне не было стыдно за отказ. Я поступила правильно. Но

правильные решения почему-то тоже могли оставлять после себя ощущение, будто тебя только что загнали в угол. Я разгладила помятый край расписания и заставила себя разжать челюсти.

Мне хотелось кричать. Не из-за зала, не из-за его тона и даже не из-за того, что он пытался поставить меня на место. Всё это было неприятно, но переживаемо. Хуже было то, как легко знакомая беспомощность нашла дорогу под кожу. Точно так же я чувствовала себя в больничном коридоре, когда врачи разговаривали поверх моей головы, а мне оставалось только ждать и надеяться, что кто-нибудь объяснит, что происходит с Ноем.

Я не выносила ожидания, особенно когда решения за меня принимали другие люди, уверенные, что их сила даёт им право не замечать чужую боль.

Телефон завибрировал. Мама.

Я выпрямилась, убрала волосы с лица и ответила на третий гудок.

— Привет, мам. Всё хорошо? — спросила я слишком быстро.

— Да, милая. Не пугайся, — сразу сказала она, и по её голосу я поняла, что она улыбается через усталость. — Ной сегодня сам удержал чашку. Недолго, всего несколько секунд, но удержал. Представляешь?

Я опустилась в кресло. Перед глазами вдруг расплылись буквы на мониторе.

— Сам? Без помощи?

— Реабилитолог поддерживал его локоть, но пальцы он сомкнул сам. Потом очень разозлился, когда чашка всё-таки выскользнула. Сказал, что в следующий раз справится лучше.

— Он всегда так говорит, — прошептала я, пытаясь улыбнуться.

Мама тихо засмеялась. Потом её дыхание изменилось, и я заранее поняла, что будет дальше.

— Блэр, я не хотела портить тебе день, но из клиники прислали новый счёт. Там указаны дополнительные процедуры. Я пока не понимаю, что покрывает страховка, а что нет.

Я посмотрела на календарь. До первой зарплаты оставалось слишком много дней. В кармане пальто лежал чек из продуктового магазина, который я вчера пересчитывала дважды, словно цифры могли измениться от моего взгляда.

— Перешли мне всё, ладно? — попросила я, выпрямляя спину. — Я разберусь вечером. Возможно, получится уточнить оплату частями.

— И, мам, пожалуйста, не отменяй занятия, пока мы не поговорим с клиникой.

— Ты и так делаешь слишком много.

— Я делаю то, что могу, — ответила я, глядя на свои руки. — А Ной делает гораздо больше. Не будем решать за него, на что у него хватит сил.

После разговора я ещё долго сидела неподвижно. Радость

за брата и страх перед цифрами существовали одновременно, не мешая друг другу. Я уже привыкла к этому странному соседству: любая хорошая новость в нашей семье почти всегда приходила вместе со счётом.

В дверь осторожно постучали.

— Войдите, — сказала я, быстро вытирая влажные уголки глаз тыльной стороной ладони.

На пороге появилась Эвелин. Её взгляд сразу задержался на разбросанных бумагах и моей кружке, которую я так и не наполнила кофе.

— У тебя есть пять минут? — спросила она. — Мне сообщили о споре у зала А. Я хочу услышать, что произошло, прежде чем делать выводы.

Я коротко изложила события, стараясь не приписывать Ашеру того, чего он не говорил. Эвелин слушала, не перебивая, только изредка делала пометки. Когда я закончила, она закрыла блокнот.

— Ты поступила правильно, что не сняла подтверждённую бронь, — сказала она. — Но в следующий раз, когда разговор начинает превращаться в публичную ссору, сразу зови меня или старшего администратора. Твоя задача — решать вопросы, а не выдерживать давление в одиночку.

Я наконец выдохнула. Кажется, с полудня только и делала, что задерживала дыхание.

— Я не хотела создавать проблем.

— Проблему создала не ты, Блэр.

— У нас здесь работают чемпионы, но правила для всех одни. Если мы перестанем это помнить, центр очень быстро превратится в место, где побеждает самый громкий голос.

Эвелин поднялась. Уже у двери она остановилась и добавила мягче:

— Иди пообедай.

Я проводила её взглядом и подумала, что, возможно, устроилась не в самое плохое место на свете.

После трёх я отнесла в зал С обновлённые листы тренировок. Там было прохладнее, чем в основном помещении; кондиционер гудел под потолком, и запах свежей краски смешивался с металлическим привкусом воздуха. Из-за приоткрытой двери доносились удары — короткие, точные, злые.

Я остановилась у входа. Ашер работал с тренером на лапах. Он двигался быстро, почти бесшумно, и каждый раз, когда казалось, что сейчас последует прямой удар, менял угол так резко, что я едва успевала уследить. Его тренер несколько раз просил снизить темп, но Ашер только кивал и снова ускорялся.

Он шагнул навстречу лапам, коротко ударил левой, а когда тренер обозначил ответную атаку, едва заметно качнул корпусом и ушёл с линии удара. Следом раздались два резких хлопка — удар в корпус и правый сбоку. Всё произошло так быстро, что я поняла последовательность только тогда, когда Ашер уже вернулся в стойку.

Я привыкла думать о боксе как о силе, которую однажды

не смог выдержать Ной. Но в движениях Кейна было что-то ещё: расчёт, точность, собранность. Он словно заранее видел пространство, в котором окажется соперник.

На мгновение я поняла, почему люди могли смотреть на такое, затаив дыхание. Но следом вспомнила больничную палату, неподвижный взгляд Ноя и мамины пальцы, сжимавшие край простыни. Красота движения не отменяла того, чем оно могло закончиться.

— Ты не соревнуешься с секундомером, — наконец сказал тренер, опуская лапы. — У тебя есть план. Следуй ему.

Ашер отошёл на шаг, тяжело дыша. Пот блестел у него на висках, влажная футболка прилипла к спине. Он провёл ладонью по лицу, затем посмотрел на часы и произнёс что-то слишком тихо, чтобы я расслышала.

Ашер поднял левую руку, словно проверяя плечо, и едва заметно поморщился. Тренер заметил это раньше меня.

— Хватит на сегодня с ускорениями, — сказал он. — Ты начинаешь терять точность.

— Я в порядке, — отозвался Ашер, но вместо следующего раунда всё-таки опустился на скамью. Когда он принялся расстёгивать перчатку, пальцы на мгновение замерли, будто даже привычное движение давалось с усилием.

Я отвела взгляд. Чужая усталость не делала нашу утреннюю ссору менее неприятной.

Он заметил меня в отражении зеркала.

— Проверяешь, не занял ли я случайно чужой зал? —

спросил он, снимая одну перчатку зубами. Даже после изматывающей тренировки его голос сохранил ту же колючую насмешку.

Я заставила себя остановиться. После разговора с Эвелин я решила, что больше не буду спорить с ним при посторонних. Но молча принимать очередной выпад тоже не собиралась.

— Принесла обновлённый график. Твою силовую перенесли на четыре, как согласовал Тео.

Тренер отвернулся к шкафу с оборудованием, старательно делая вид, что занят. Ашер медленно стянул вторую перчатку и положил обе на скамью.

Он смотрел на меня несколько секунд. В его лице что-то изменилось — не смягчилось, скорее устало. Потом Ашер взял лист, пробежал глазами строки и положил обратно.

— Зал А с четырёх до пяти. Верно?

— Да, тренер подтвердил. Если тебе снова понадобится дополнительное время, напиши заранее. Я не обещаю чудес, но постараюсь найти решение.

— Как великодушно.

Я стиснула зубы. Пальцы сами потянулись к краю папки, чтобы занять себя чем-то и не ответить резче, чем собиралась.

— Знаешь, Кейн, — сказала я после паузы, — мне действительно не хочется тратить каждый рабочий день на выяснение, кто из нас упрямее. Я здесь не ради тебя. У меня

есть обязанности, счета и люди, которые на меня рассчитывают. Мне нужна работа, а не бесконечная война за два часа свободного зала.

Я не планировала говорить столько. Особенно последнюю фразу. Она прозвучала слишком лично, и я пожалела о ней сразу, как только заметила, что Ашер перестал усмехаться.

Он выпрямился. Тёмные глаза внимательно задержались на моём лице, словно он увидел не препятствие между собой и тренировкой, а человека. От этого запоздалого внимания я разозлилась ещё сильнее.

— Тогда не превращай каждый мой вопрос в спор, — сказал он уже без прежней насмешки.

— Я отвечаю на твои вопросы, — возразила я тихо. — Но ты редко задаёшь их так, будто допускаешь ответ «нет».

Мы замолчали. В соседнем помещении кто-то уронил гантель; металлический грохот прокатился по полу и растворился в шуме вентиляции. Ашер отвёл взгляд первым.

— Я видел сообщение от Тео, — произнёс он после долгой паузы. — Зал С действительно подошёл для первой части тренировки.

Это не было извинением. Даже близко. Но и признать очевидное ему, судя по всему, стоило немалых усилий.

— Хорошо, — ответила я. — Тогда на сегодня вопрос закрыт.

Я направилась к выходу, чувствуя спиной его взгляд. Уже у двери он окликнул меня:

— Уинстон.

Я обернулась, ожидая новой колкости.

Ашер стоял возле скамьи, держа в руке перчатки. В его лице снова появилась привычная непроницаемость.

— В следующий раз говори мне об изменениях лично, прежде чем отправлять десять писем.

— В следующий раз начни с «доброе утро», а не с приказа. Возможно, мы оба удивимся результату.

Его рот едва заметно дёрнулся, но я не стала ждать, улыбнётся он или снова разозлится. Вышла в коридор и закрыла за собой дверь.

К вечеру клуб постепенно стихал. Из раздевалок доносились приглушённые голоса, уборщик протирал стойку у входа, а за окнами загорались огни соседних зданий. Я закончила отчёт, ответила на последние письма и положила в сумку распечатанный счёт из клиники. Тонкий лист казался непомерно тяжёлым.

Когда я проходила мимо зала А, там уже никого не было. На полу остались следы от обуви, на скамье — забытая бутылка воды. Я остановилась у канатов и вспомнила Ноя. В детстве он учил меня правильно сжимать кулак, хотя я постоянно отвлекалась и спрашивала, почему нельзя просто договориться с противником. Он смеялся и отвечал, что на ринге люди тоже договариваются — только по-своему.

Тогда мне казалось, что брат знает ответы на все вопросы. Теперь я не могла спросить его даже о том, почему после

хорошей новости мне всё равно хотелось плакать.

Телефон завибрировал в кармане. Мэдисон прислала фотографию двух тарелок с пастой и сообщение: «Если ты снова задержишься, я съем твою порцию и назову это заботой о твоём здоровье».

Я улыбнулась, быстро набрала ответ и уже собиралась уходить, когда заметила в конце коридора Ашера. Он стоял у окна спиной ко мне, держа телефон у уха. Издалека его силуэт казался неподвижным, но даже через несколько метров было видно, как напряжены плечи.

— Я услышал тебя с первого раза, — сказал он в трубку. Голос был глухим, сдержанным. — Нет. Сегодня я не собираюсь обсуждать это снова.

Я замедлила шаг. Не из любопытства — скорее потому, что не хотела проходить рядом с человеком, который явно разговаривал о чём-то неприятном. Ашер резко повернул голову и увидел меня. Его лицо изменилось мгновенно: всё живое исчезло, оставив привычную холодную маску.

— Перезвоню, — отрезал он и убрал телефон.

Он опустил телефон экраном к ладони. Я заметила, как побелели костяшки его пальцев, прежде чем он заставил себя ослабить хватку. На мгновение его взгляд скользнул мимо меня — куда-то в пустой коридор, будто разговор продолжался даже после того, как связь оборвалась.

Мне захотелось спросить, всё ли в порядке. Вопрос уже почти сорвался с языка, но я вовремя вспомнила, как он раз-

говаривал со мной днём. Я не знала, что произошло на другом конце провода, и не собиралась гадать.

— Я не подслушивала, — сказала я, прежде чем он успел открыть рот. — Просто шла к выходу.

— Я тебя ни в чём не обвинял.

— Ты посмотрел так, будто уже составил список обвинений и выбираешь, с какого начать.

Он устало провёл ладонью по затылку. Между нами повисла неловкая тишина, и я почувствовала, что если сейчас задержусь, то, возможно, задам вопрос, на который не имею права.

— Завтра расписание без изменений, — произнесла я, чуть крепче перехватывая сумку. — Если что-то понадобится, напиши до начала рабочего дня. Желательно человеческими словами.

Ашер посмотрел на меня. В свете коридорной лампы его глаза казались почти чёрными.

— Ты правда не умеешь вовремя остановиться?

— Умею, — ответила я. — Просто ещё не встретила достаточно убедительную причину.

Он только покачал головой, словно я представляла собой задачу, решение которой его раздражало.

— До завтра, Блэр, — сказал он наконец.

Моё имя прозвучало непривычно. Не «Уинстон», не раздражённое обращение через весь коридор, а просто Блэр. Я замерла на мгновение, но заставила себя идти дальше.

— До завтра, Кейн.

На улице меня встретил холодный ветер. Я застегнула пальто и пошла к метро, стараясь думать о пасте, которую приготовила Мэдисон, и о том, что завтра нужно позвонить в клинику. Но мысли упрямо возвращались к полуденному спору, к напряжённой челюсти Ашера и к тому, как резко изменилось его лицо после телефонного разговора.

Я не собиралась его жалеть или искать оправдания человеку, который привык причинять неудобства всем вокруг.

Ашер Кейн выглядел так, словно всю жизнь сдерживал ярость. И впервые мне стало интересно, сколько сил у него на это уходило.

Глава 5

АШЕР

Последние три ночи я спал урывками. А после вчерашнего разговора с Блэр почти не сомкнул глаз до рассвета. В квартире было тихо, но в голове снова и снова звучали её слова. Я лежал на спине, смотрел в темноту и придумывал ответы, которые следовало произнести. Под утро разозлился уже на себя: до важного боя оставались считаные недели, а я тратил силы на спор о расписании, будто ничего серьёзнее в моей жизни не происходило.

К рассвету я решил, что лучший способ выбросить её из головы — тренировка. В Northline я пришёл раньше остальных, пробежал лишние километры и взялся за работу на лапах. Это помогало ровно до тех пор, пока я не вспоминал, с каким спокойствием Блэр сказала мне «нет».

В четверг утром я разбил секундомер.

Не намеренно. Во всяком случае, я не собирался его ломать, когда швырнул на скамью после третьего раунда работы на лапах. Пластиковый корпус ударился о металлическую ножку, отскочил и раскололся на две части. Крышка батарейного отсека укатилась под шкаф, а экран погас с такой окончательностью, будто тоже решил, что с меня достаточно.

В зале повисла тишина. Только с дальней дорожки доносилось размеренное шлёпанье скакалки о резиновое покры-

тие.

— Прекрасно, — произнёс Тео, глядя на обломки у своих кроссовок. — Секундомер не пережил даже третьего раунда.

Я стянул перчатку зубами и провёл тыльной стороной ладони по мокрому лбу. Пот затекал в глаза, плечо ныло, а раздражение, которому я не мог найти разумного объяснения, не отпускало с самого утра.

— Куплю новый.

— Новый секундомер мы купим. — Тео присел, собрал обломки и положил их на скамью. — А с тобой что делать?

— Ничего. Я тренируюсь.

Он посмотрел на меня тем самым спокойным взглядом, который в других людях я принимал за снисхождение, а у него терпел лишь потому, что за десять лет дружбы он ни разу не пытался использовать мои слабости против меня.

Тео задержал взгляд на разбитом секундомере. Из коридора донёсся стук колёс по плитке: кто-то вёз стойку с инвентарём. Следом появился Дэмиан Кросс — приглашённый тренер по спаррингам. Мы знали друг друга ещё по полулегальным залам, где десять лет назад сходились на ринге без зрителей и лишних вопросов. Он умел находить слабости соперников и не забывал, что однажды такую слабость нашли у него самого. Виктор привлекал его к отдельным тренировочным сборам; мне это не нравилось, но спорить с тренерским штабом из-за старой неприязни я не собирался.

— У вас тут что, похороны секундомера? — спросил

Кросс, остановившись у скамьи. Его взгляд скользнул по обломкам, затем по моим перчаткам.

— Работать пришёл — работай, — ответил я. — Тео сам разберётся с инвентарём.

— Всё такой же приветливый, Кейн. — Дэмиан усмехнулся, но Тео не поддержал его. — Виктор просил посмотреть технику молодых ребят. Не волнуйся, твоё место у канатов я не займу.

Он прошёл дальше. Я дождался, пока за ним закроется дверь, и только тогда снова посмотрел на Тео. С Дэмианом даже обычный разговор напоминал первый раунд: каждый искал брешь в защите другого.

— Ты третий день работаешь на износ. Вчера чуть не сорвал тренировку из-за зала. Сегодня разбил секундомер. — Тео помолчал. — Что происходит, Ашер?

Вчера, уходя, она поправила ремень сумки и на секунду прижала пальцы к переносице. Я видел этот жест из другого конца коридора. Он был таким усталым и беззащитным, что мне захотелось подойти. Спросить, не нужна ли помощь.

Я злился не на её отказ. Он был обоснованным, и от этого становилось только хуже. Я злился на то, как легко она увидела мою попытку продавить решение и назвала её тем, чем она была. Другие подбирали слова осторожнее. Блэр не тратила на это времени. Она словно не замечала ни титула, ни людей, привыкших уступать мне дорогу.

На ринге раздражение было полезным только до опреде-

лённой границы. Я знал эту границу лучше многих. Слишком злой боец раскрывался, торопился, бросал вес вперёд, забывал о защите. Я научился держать лицо неподвижным, когда меня били, и не показывать страха, когда подкашивались ноги. Но стоило вспомнить, как Блэр подняла на меня глаза поверх ноутбука, и во мне вспыхивало что-то совершенно непрофессиональное.

Я нагнулся за бутылкой воды, сделал несколько глотков и намеренно не ответил. Тео был прав, что делало его слова ещё более невыносимыми.

Накануне вечером я стоял в коридоре клуба с телефоном в руке и смотрел, как Блэр уходит к выходу. В памяти застряли не её последние колкости и даже не то, как она отказалась уступить мне зал. Я помнил другое: усталость, на секунду проступившую у неё на лице, когда она сказала, что у неё есть счета и люди, которые на неё рассчитывают.

Вчера в раздевалке я потянулся к вороту мокрой футболки и едва не выругался. Плечо прострелило так резко, что я застыл с поднятыми руками. Несколько секунд смотрел на своё отражение в металлической дверце шкафчика: налитые кровью костяшки, красная полоса от перчатки на запястье, лицо человека, которому не хватило ума вовремя остановиться.

Я осторожно опустил руку. Боль стала тупой, терпимой — именно такой, какую проще всего объявить пустяком. На ринге я бы сразу заметил соперника, который бережёт плечо.

В себе предпочитал этого не видеть.

Я слышал, что говорила Блэр. Понимал её. И всё равно первым делом хотел доказать, что последнее слово должно остаться за мной.

Отец назвал бы такое поведение силой характера.

Мне всё чаще казалось, что мы с ним слишком по-разному понимаем силу.

— Ещё раунд, — сказал я, снова натягивая перчатку.

Тео не поднял лапы.

— Сначала объясни, почему ты не спал.

Я замер. Сквозь открытые двери раздевалки пахнуло горячим паром и дешёвым мужским одеколоном.

— Откуда ты взял, что я не спал?

— Ты обычно не выглядишь так, будто не спал всю ночь.

— Не спал. Доволен?

— Не особенно.

Я бросил на него тяжёлый взгляд. Он выдержал его без малейшего усилия.

— У меня бой через несколько недель, Тео. Мне не нужна психотерапия между раундами.

— Тебе нужна ясная голова, — возразил он. — Иначе снова сорвёшься не на того человека.

Я резко отвёл глаза.

Снова Блэр Уинстон.

Вчера я требовал два часа в зале А. Теперь понимал: зал был лишь поводом сорваться на человека, который отказал-

ся играть по моим правилам.

Я не любил, когда кто-то отказывался подчиняться моему расписанию. И ещё меньше любил мысль, что Блэр была права. Возможно, дело было не в ней, а в привычке считать уступку поражением.

— Она могла бы быть чуть менее язвительной, — буркнул я.

Тео медленно опустил руки.

— Ашер. Ты сам себя слышишь?

Я сжал челюсти. Он усмехнулся и всё-таки поднял лапы.

— Работай, — сказал Тео, поднимая лапы. — Только без попыток выбить из меня злость.

Первый удар я нанёс слишком сильно.

Тео принял его, но отступил на полшага.

— Полегче, — коротко бросил Тео.

К девяти боксёрский клуб окончательно проснулся. В коридорах пахло свежесваренным кофе. Из кабинетов доносились телефонные разговоры, администратор спорила с курьером о коробках с защитными шлемами, а где-то наверху Джейс смеялся так громко, будто ему платили за каждый децибел.

Я поднялся на второй этаж, держа в руке полотенце. Мне требовалось забрать распечатанный план подготовки у администратора. По крайней мере, так я объяснил себе, почему свернул не к своему кабинету, а к Блэр.

Дверь была приоткрыта.

Я сказал себе, что просто наблюдателен. В боксе это качество спасало от ударов. Но сейчас опасность была ни при чём.

Мне не нравилось, что я замечал такие мелочи. Ещё меньше нравилось, что замечал их автоматически. Я мог пройти мимо десятка людей и не запомнить, во что они одеты. Но у Блэр помнил даже цвет ручки, которой она вчера подчёркивала изменения в расписании. Синяя. С надкусанным колпачком.

Я узнал Блэр ещё до того, как разглядел её лицо. По тому, как она переносила вес с одной ноги на другую, стоя перед доской, и по упрямому наклону головы, будто лист бумаги лично объявил ей войну. На фоне серых стен и строгой офисной мебели она казалась неожиданно живой: всё время двигалась, поправляла выбившиеся волосы, постукивала колпачком маркера по ладони.

Она стояла спиной ко мне возле доски с расписанием и пыталась прикрепить к верхнему краю большой лист. На ней были тёмные брюки и светлая рубашка с закатанными рукавами. Блэр потянулась выше и раздражённо цокнула языком, когда магнит соскользнул.

Я мог бы пройти мимо.

Вместо этого остановился в дверях.

— Тебе помочь или у вас тут принято воевать с магнитами?

Мне захотелось узнать, что она думает обо мне, когда не

приходится спорить. И я тут же пожалел об этом. Вряд ли ответ мне понравился бы.

Блэр заметила меня и отложила маркер. По её лицу было ясно: визит нежеланный.

— Доброе утро, Кейн. — Блэр окинула меня взглядом. — Не ожидала тебя увидеть.

— Ты могла бы попросить кого-нибудь помочь.

— Могла бы. Но, как видишь, пока справляюсь.

Магнит снова выскользнул из её пальцев. Я подошёл, поднял его с пола и, не касаясь Блэр, прикрепил лист к доске. Она отступила, освобождая место, но выражение лица осталось подозрительным.

— Спасибо, — сказала она после паузы. — Сколько я тебе должна за спасение расписания?

— Запиши на счёт клуба.

«Возьми папку и уходи», — приказал я себе. Но остался стоять.

Ещё вчера мы спорили на повышенных тонах. Сегодня мне вдруг стало интересно, как она улыбается по-настоящему, не прячась за насмешками.

Она опустила глаза на лист и провела пальцем по его краю. Уголок её рта едва заметно дрогнул.

Я задержал взгляд на её лице дольше, чем следовало.

Потом вспомнил, зачем пришёл.

— Тебе что-то нужно? — спросила Блэр, возвращаясь к столу. — Или ты снова по поводу зала?

— Мне нужен план подготовки.

Она открыла ящик, достала папку и положила передо мной. Всё было подписано аккуратным почерком. Рядом с тренировками стояли пометки о восстановлении, времени на дорогу и консультации с врачом.

— Тео попросил добавить окно после физиотерапии, — пояснила она. — И я перенесла встречу со спонсорами на пятницу, потому что в четверг ты заканчиваешь позже. Подтверждение уже пришло.

Я пролистал страницы. Придраться было не к чему.

— Ты всё это сделала вчера?

— Часть вчера, часть сегодня. — Она закрыла папку. — Я старалась учесть всё, о чём просил Тео.

Я поднял глаза. Она смотрела на меня поверх открытого ноутбука, явно ожидая новой претензии.

— Расписание хорошее, — сказал я.

Блэр моргнула.

— Прости, что?

— Я сказал, что расписание хорошее.

Блэр посмотрела на меня, словно ожидала продолжения. Я молчал.

— Просто вчера ты был готов перевернуть клуб из-за двух часов, — сказала она. — А сегодня говоришь спасибо за работу.

— Я пока не сказал спасибо.

— Заметила.

На лице Блэр не было ни кокетства, ни попытки понравиться. Она изучала меня настороженно, словно решала, ждать ли нового нападения. И я сам дал ей для этого достаточно поводов. Почему-то мне захотелось, чтобы однажды она перестала ждать от меня худшего.

Мы смотрели друг на друга чуть дольше, чем требовал разговор о расписании. За её спиной свет из узкого окна ложился на край стола, выделяя стопку медицинских счетов, наполовину спрятанную под блокнотом. Я не успел разобрать название клиники, но заметил её логотип, красный штамп и фамилию в строке получателя.

Блэр проследила за моим взглядом и сразу накрыла бумаги папкой.

Она сделала это слишком быстро, чтобы я принял бумаги за обычную рабочую мелочь.

— Если больше ничего не нужно, — произнесла она, — у меня через десять минут совещание.

Я мог спросить, всё ли в порядке. Но мы едва знали друг друга, и в её голосе ясно слышалось предупреждение: не лезь.

— Больше ничего, — ответил я, взял план и направился к двери.

— Кейн?

Я остановился.

— Спасибо, что помог с доской, — сказала Блэр уже без насмешки. — И за то, что сегодня не пытался перестроить

весь клуб под себя.

Я обернулся. Она держала ручку между пальцами и смотрела прямо на меня.

— Не обещаю, что так будет каждый день, Уинстон.

— Я и не рассчитывала.

На этот раз я вышел первым, чтобы она не увидела, как у меня дёрнулся уголок рта.

Когда я вернулся в раздевалку после разговора с Блэр, в кармане завибрировал телефон. На экране высветилось имя отца. Я остановился возле своего шкафчика: только что её голос ещё звучал у меня в голове, а теперь предстояло услышать другой — тот, от которого мне с детства хотелось выпрямить спину.

Отец звонил редко без причины и никогда — чтобы просто узнать, как я себя чувствую. Я положил папку с расписанием на скамью и несколько секунд смотрел на экран, прежде чем принять вызов.

Блэр произносила «Кейн» как вызов, иногда почти насмешливо. В её устах фамилия казалась моей собственной. Отец же умел превратить её в приказ. Я поймал себя на этом сравнении и поморщился: ещё одна мысль о Блэр, которой здесь совершенно не место.

Я провёл пальцем по экрану, приложил телефон к уху и заранее напрягся, ожидая первых слов.

— Слушаю, — ответил я, когда соединение установилось.

— Мне прислали запись твоей вчерашней тренировки, —

сказал он вместо приветствия. Голос звучал сухо, с привычной металлической ноткой. — Ты опять теряешь концентрацию после второго раунда.

Я прислонился плечом к шкафчику и закрыл глаза.

— Вчера у нас был изменённый график. Тео уже разобрал ошибки.

— Меня не интересует, кто что разобрал. Меня интересует, почему ты их допускаешь.

За дверью хлопнули чьи-то шаги. Я отвернулся к стене, хотя в раздевалке никого не было.

— Я исправлю.

— Ты говоришь это слишком часто. Помнишь, что случилось, когда ты в последний раз решил, будто можешь позволить себе расслабиться?

Я открыл глаза.

Он всегда умел находить нужное место. Подбирал слова так же точно, как когда-то заставлял меня подбирать дистанцию.

Мне было четырнадцать, когда я впервые проиграл бой, который отец считал обязательным к победе. После турнира мы ехали домой почти час. Он не кричал и не ругался. Просто молчал, а потом, уже у подъезда, сказал, что разочарование хуже злости: злость проходит, а разочарование остаётся.

Я помнил эту фразу лучше, чем собственный первый чемпионский пояс.

— Помню, — ответил я.

— Тогда перестань отвлекаться на ерунду. Я слышал, ты устроил сцену из-за расписания. Тебе двадцать восемь, Ашер. Люди смотрят на тебя. Веди себя соответственно.

Откуда он узнал? Кто-то из сотрудников рассказал? Или ему было достаточно одного звонка руководству, чтобы в клубе снова начали шептаться?

— Это внутренний вопрос, — произнёс я, стараясь держать голос ровным. — Он решён.

— Значит, проследи, чтобы больше не возникал. Чемпиону не должны диктовать условия люди, которые даже не понимают, что стоит на кону.

Я выпрямился.

Перед глазами неожиданно возникла Блэр, стоящая возле доски с расписанием. Её пальцы, испачканные чернилами. Усталость под глазами. То, как она защищала время подростков, которых я даже не знал.

— Она понимает свою работу, — сказал я, прежде чем успел остановиться.

На другом конце линии повисла пауза.

— Кто «она»?

Я стиснул телефон так сильно, что пластик хрустнул под пальцами.

— Координатор. Она правильно распределила залы. Вопрос закрыт.

Отец негромко усмехнулся.

— Неужели ты теперь оправдываешь сотрудников передо

мной?

— Я никого не оправдываю. Просто говорю, что произошло.

— Вот и держись фактов. А факты таковы: ты стал рассеянным. Я приеду в субботу на тренировку. Хочу лично посмотреть, что с тобой происходит.

Связь оборвалась раньше, чем я успел ответить.

Я опустил руку и долго смотрел на чёрный экран.

В детстве я думал, что однажды стану достаточно сильным, чтобы он перестал разговаривать со мной таким тоном. Потом выиграл первый серьёзный титул. Второй. Третий. Меня начали узнавать на улице, а спортивные журналисты называли одним из самых опасных бойцов дивизиона.

Отец по-прежнему находил недостатки быстрее, чем я успевал снять перчатки.

Я положил телефон на скамью и несколько раз медленно вдохнул. Знакомая злость поднималась от живота к горлу, требуя движения, удара, любого выхода.

Рядом на крючке висела чистая футболка. Я сорвал её слишком резко; пластиковая вешалка треснула.

Второй сломанный предмет за утро.

Прекрасная статистика.

Только когда я потянулся за полотенцем, заметил, как сильно затекли пальцы. Всё время разговора я сжимал телефон, будто удерживал не его, а собственный голос.

Двадцать восемь лет. Два чемпионских пояса, тысячи зри-

телей, которые выкрикивали моё имя. А стоило отцу позвонить — и внутри снова просыпался четырнадцатилетний мальчишка, тщетно пытавшийся угадать, за что его сегодня осудят.

— У тебя вид человека, которому запретили убивать до обеда.

Джейс обнаружил меня возле кофемашины. На нём была серая толстовка, волосы ещё влажные после душа, а в руке — бумажный пакет с чем-то, что пахло корицей и сливочным маслом.

— Если ты пришёл шутить, — сказал я, — выбирай кого-нибудь другого.

— Я как раз принёс еду. Кстати, Тео ищет тебя: нужно обсудить следующего соперника.

Он достал из пакета булочку и протянул мне. Я отказался. Джейс пожал плечами и откусил почти половину.

— Как знаешь, — произнёс он с набитым ртом.

Я медленно повернул голову. Джейс невинно поднял брови и продолжил жевать.

Я поставил чашку под кофемашину и нажал кнопку. Механизм загудел, заглушая мой раздражённый вздох.

— У тебя нет тренировки?

— Через двадцать минут. — Джейс покачал пакет в руке. — Успею поесть.

— Потрать их на разминку.

Джейс прислонился к стойке. Улыбка постепенно сошла

с его лица.

— Серьёзно, что происходит? Ты вчера едва не сорвался на тренера, сегодня ходишь как натянутая проволока. Тео сказал, что у тебя снова был разговор с отцом.

Я взял чашку, обжигая пальцы.

— Тео слишком много говорит.

— Он беспокоится. И я тоже, если тебе интересно.

Джейс редко оставался серьёзным дольше минуты. Поэтому, когда он убрал пакет и посмотрел на меня без привычной насмешки, я почувствовал себя неловко.

— Я справлюсь, — сказал я.

— Знаю. Только иногда ты так занят тем, чтобы справиться, что не замечаешь остальных.

Я отвернулся к окну. На улице моросил дождь; люди прятали лица в воротники, торопились мимо стеклянного фасада клуба.

— Вчера я перегнул, — признал я. — С Блэр.

— Я знаю. Она не жаловалась. Но я слышал ваш разговор в коридоре.

— Мне не нравится, когда мои планы меняют в последний момент.

— Ей тоже, наверное, не понравилось, как ты с ней говорил.

Я посмотрел на друга.

— Вы с Тео сегодня сговорились?

— Нет. — Джейс отложил булочку. — Мы оба видим, что

дело не в расписании.

Он помолчал, подбирая слова, и добавил тише:

— А досталось почему-то ей.

Меня тянуло спорить с ней снова. Не потому, что я жаждал победы. Скорее потому, что во время этих споров она смотрела на меня так внимательно, будто видела человека, а не афишу с моим лицом.

Мне было проще выдерживать грубость, чем доброжелательное внимание. Джейс умел рассмешить меня даже в плохие дни, а Тео — заставить говорить, когда я намеревался молчать. Но оба знали, где проходит граница. Блэр не знала, где я провёл эти границы. Она заходила туда, куда другие старались не смотреть: в мою привычку командовать, в страх потерять контроль, в нелепую уверенность, что любое несогласие — нападение.

Я хотел возразить. Слова уже были готовы — о нагрузках, ответственности, предстоящем бое. Все звучали убедительно. Ни одно не отвечало на его замечание.

— Я не просил её терпеть меня, — сказал я.

— Тогда не заставляй, — ответил Джейс. Впервые за утро он не улыбнулся.

Кофе остыл, хотя я так и не сделал ни глотка.

Я купил ещё один кофе, прежде чем успел придумать этому разумное объяснение. У Блэр на столе с утра стоял пустой стаканчик.

Её кабинет был открыт, но самой Блэр не оказалось. Я

поставил стакан у края стола, подальше от бумаг, и тут же почувствовал себя идиотом.

Я вышел в коридор, пока не передумал. В боксе любой жест имел цель. Этот не приносил мне ни преимущества, ни защиты. Оттого и раздражал сильнее прочих.

К обеду выяснилось, что субботняя тренировка — не единственная проблема.

Менеджер прислал список приглашённых на закрытый просмотр моего следующего спарринга. Спонсоры, представитель промоутерской компании, двое журналистов. И фамилия человека, которого я не видел почти два года.

Марк Роуэн.

Я задержал взгляд на фамилии, и воспоминание о том вечере накрыло без предупреждения. Пока чужая семья ждала новостей в больнице, я на следующий день вышел на тренировку. Тогда привычный график казался способом не думать. Теперь — доказательством того, насколько легко мне было отвернуться.

Я снова открыл письмо. Роуэн работал в организации, проводившей бой Ноя. Его имя я слышал в закрытых разговорах после травмы Ноя; публично о нём почти не говорили. От одного взгляда на фамилию мне вспомнились запах антисептика возле раздевалок и холодный свет коридора арены.

Тогда я убеждал себя, что решения принимали другие. Сейчас, сидя за столом, я понимал: чужие решения не отменяли того, что я знал и о чём промолчал.

В памяти всплыл стол в тесном служебном кабинете после того боя. Роуэн сидел за ним и складывал бумаги в папку, не торопясь, словно речь шла о сорванной встрече, а не о человеке, которого увезли в больницу. Я тогда смотрел на его руки и не спросил, что именно он убирает.

Теперь я помнил это движение до мелочей: как он выровнял листы ребром ладони и закрыл папку. Мне хотелось верить, что прошлое можно запереть так же просто.

На мгновение мне показалось, что воздух в кабинете стал слишком плотным.

Телефон завибрировал.

«Ты так и не ответил. В субботу у нас будет возможность поговорить лично».

Я не сразу понял, что перестал дышать.

Два года я убеждал себя, что прошлое осталось позади. Что решения принимали другие люди, а моё молчание ничего не изменило бы. Что я не мог знать, насколько всё обернётся плохо.

Последнее было правдой лишь наполовину.

Я не знал, что Ной получит такую травму. Но знал достаточно, чтобы усомниться в том, почему его вообще допустили к бою. Знал, что кое-кто предпочёл не задавать неудобных вопросов. И, когда пришло время говорить, я позволил чужим людям убедить себя, что вмешательство разрушит карьеру, над которой я работал с детства.

Я закрыл письмо, открыл снова и заставил себя дочитать

список до конца.

— Ашер?

Тео стоял в дверях. Он не вошёл, пока я не кивнул.

— Мы переносим вечернюю работу на полчаса. Врач просил, чтобы ты успел на осмотр плеча. Блэр уже согласовала кабинет.

Я провёл ладонью по лицу.

— Хорошо.

Тео посмотрел на меня внимательнее.

— Что случилось?

Я развернул к нему экран.

Он прочитал имя, и выражение его лица изменилось. Незначительно, но я знал его достаточно хорошо, чтобы заметить.

— Ты уверен, что он придёт? — спросил Тео.

— Судя по сообщению, он очень на это рассчитывает.

Друг медленно прикрыл дверь.

— Мы можем поговорить с менеджером. Убрать его из списка, сослаться на закрытый формат.

— И что потом? Он напишет ещё раз? Придёт к дому? Свяжется с журналистами?

Тео не ответил. Он сел напротив меня, положив локти на колени.

— Ты всё ещё можешь сам решить, что с этим делать.

Я коротко рассмеялся. Звук получился неприятным.

— Забавно слышать это после двух лет молчания.

— Я не говорю, что будет легко.

— А я не говорю, что хочу облегчения.

Мы замолчали. За дверью кто-то катил тележку; колёса постукивали на стыках плитки.

Тео первым нарушил тишину:

— Ты не обязан обсуждать это со мной прямо сейчас. Но не делай вид, будто встреча с Роуэном не имеет значения. Ты слишком хорошо умеешь прятать проблемы за тренировками.

Я уставился на собственные руки. На костяшках кожа была стёрта, под ногтем большого пальца темнела тонкая полоска засохшей крови.

— Я думал, если достаточно долго не возвращаться к той истории, она перестанет иметь ко мне отношение.

— Перестала?

Я покачал головой.

— Нет.

Тео поднялся, но задержался у двери.

— Тогда хотя бы не повторяй ту же ошибку, когда придёт время выбирать.

После его ухода я ещё долго сидел неподвижно.

В коридоре раздался знакомый женский голос. Блэр объясняла кому-то, почему нельзя провести медицинский осмотр в помещении, где за десять минут до этого шла силовая тренировка. Она говорила спокойно, но в каждом слове слышалась твёрдость.

На столе Блэр я видел бумаги из клиники. Тогда я лишь мельком заметил фамилию получателя. Теперь она всплыла в памяти отчётливо.

Уинстон.

Меня пробрал настоящий холод.

После обеда тренировка не задалась.

Я промахнулся по лапе, хотя видел движение Тео заранее. Потом пропустил лёгкий встречный удар на спарринге и услышал, как тренер раздражённо потребовал держать подбородок ниже.

На третьем раунде я остановился сам.

— Хватит, — сказал я, снимая капу.

Тео опустил руки.

— Ты уверен?

— Если продолжу, сделаю что-нибудь глупое.

— Вот и остановимся, — сказал Тео.

Я сел на край ринга, локтями упёрся в колени. Пот стекал по спине. На самурайской татуировке, покрывавшей плечо и часть руки, блестели капли воды. Когда-то я выбрал этот рисунок из-за красивой легенды о дисциплине и чести. Сейчас мне было трудно смотреть на собственную кожу, не чувствуя насмешки.

Дисциплина у меня была.

С честью всё оказалось сложнее.

— Ты хочешь, чтобы я отменил вечернюю работу? — спросил Тео.

— Нет. Просто дай десять минут.

Он кивнул и отошёл к тренеру. Я остался сидеть, наблюдая, как в соседнем секторе подростки учатся правильно двигаться вдоль канатов. Один мальчишка постоянно сбивался с шага, злился на себя, но тренер терпеливо возвращал его в исходную стойку.

— Кейн, останься на минуту.

Голос Виктора заставил меня поднять голову. Тео уже спрыгнул с помоста, оставив нас вдвоём. Виктор подошёл к канатам, не спеша, с полотенцем через плечо.

— Ты сегодня не здесь, — сказал он.

— Я перед тобой.

— Тело здесь. А ты где?

Я потянулся за бутылкой и поморщился, прежде чем успел скрыть боль. Виктор проследил за движением.

— Завтра уменьшим нагрузку. И покажешь плечо врачу без привычных сказок.

— У меня бой через несколько недель.

— Поэтому я хочу видеть на ринге боксёра, который способен поднять руки в последнем раунде. А не человека, который сломал себя на тренировке.

— Я справлюсь.

— Знаю, — ответил он.

Я отвёл взгляд. Он говорил жёстко, без скидок на титулы. И всё-таки в его голосе не было знакомого удовольствия от чужой слабости. Отец назвал бы боль недостатком характера.

Виктор видел в ней причину остановиться.

Мне вдруг вспомнился Ной.

Мы не были друзьями. Несколько раз пересекались на соревнованиях, здоровались в коридорах, обменивались короткими замечаниями о соперниках. Он производил впечатление человека, которому бокс действительно нравился. Не как способ что-то доказать отцу или всему миру, а как дело, в котором он находил смысл.

Последний раз я видел его до того боя — в проходе возле раздевалок. Он поправлял бинт на запястье и разговаривал с кем-то из команды. Я помнил его улыбку. И то, что тогда отвернулся.

Эта деталь преследовала меня чаще всего.

Не удар, после которого он упал. Не крики вокруг ринга. А собственный шаг в сторону.

— Ашер Кейн?

Я поднял голову.

Она шла через зал быстрым шагом, обходя сумки и спортсменов. На рукаве рубашки виднелось чернильное пятно. Почему-то мне захотелось указать на него и посмотреть, как она закатит глаза.

У канатов стояла Блэр с планшетом в руках. Она выглядела собранной, но между бровями залегла тонкая складка. За её спиной шумел зал, и несколько человек оборачивались в нашу сторону.

— Врач ждёт тебя уже десять минут, — сказала она. —

Я звонила тренеру, но он попросил передать лично. Если задержишься ещё, следующему спортсмену придётся переносить приём.

В обычный день я нашёл бы повод возразить. Сегодня слова застряли в горле.

— Я сейчас подойду.

Блэр, кажется, ожидала спора. Она опустила планшет и внимательно посмотрела на меня.

— Ты в порядке?

Простой вопрос.

Никто не произнёс его за весь день без скрытого упрёка или требования немедленно исправиться.

Я поднялся с края ринга.

— Да. Просто устал.

Она не выглядела убеждённой.

— Тогда, возможно, стоит сказать об этом врачу.

Я поправил полотенце на шее. Она не торопила меня и не пыталась вытянуть признание. От этого почему-то стало труднее смотреть ей в глаза.

— Ты всегда лично следишь за тем, чтобы спортсмены доходили до врача? — спросил я.

— Только за самыми упрямыми. — Она взглянула на планшет. — Идём?

Я кивнул и поднялся.

— Ладно. Пойдём.

Она была красивой. Я признал это с досадой, как при-

знают очевидный факт, который давно пытались обойти. Но красота не объясняла, почему мне хотелось узнать, какой она бывает вне рабочего времени. Смеётся ли громко с друзьями. Умеет ли отдыхать. Кто поддерживает её, когда заканчивается рабочий день и ей больше не нужно держать спину прямо перед чужим высокомерием.

Я ловил себя на том, что запоминал её привычки, будто готовился к поединку. Но ни один из этих наблюдений не помогал мне защищаться. Напротив: чем больше я замечал, тем труднее становилось прятаться за обычной раздражённостью.

Она двигалась быстро, и мне пришлось чуть укоротить шаг. От неё пахло кофе и чем-то лёгким, едва уловимым — не духами в привычном смысле, а чистой тканью и прохладным воздухом улицы. Я заметил, как она на ходу поправила рукав, как проверила время на экране планшета, как, не глядя, отступила в сторону, пропуская подростка с тяжёлой спортивной сумкой.

Мы шли по коридору рядом. Блэр рассказывала, что врач сможет принять меня до следующего пациента, если я перестану задерживаться. Я слушал её голос и одновременно думал о том, как много вещей она не знает.

Она не знала о Роуэне.

Не знала о том, что я видел перед боем её брата.

И уж точно не знала, почему у меня каждый раз сжимался желудок, когда я слышал фамилию Уинстон.

У двери медицинского кабинета она остановилась.

— Пришли, — сказала Блэр, останавливаясь у кабинета. — Дальше ты справишься без сопровождения?

Я положил ладонь на дверную ручку, но не нажал.

— Блэр.

Она подняла глаза.

Слишком близко я заметил россыпь едва различимых веснушек на переносице и след усталости, который не скрывал даже уверенный взгляд. На её запястье болтался тонкий браслет. Она нетерпеливо поправила его свободной рукой.

— Что?

Я хотел сказать: «Мне жаль».

Не за вчерашний спор. Не за приказной тон. За всё, о чём она пока не имела ни малейшего представления.

Но слова, которые могли бы изменить слишком многое, так и не вышли наружу.

— Спасибо, — произнёс я вместо этого.

Она задержала на мне взгляд, словно не сразу поверила, что услышала.

— Не заставляй меня привыкать к твоей вежливости, Кейн.

— Не собирался.

— Вот и договорились.

Блэр чуть улыбнулась и повернула обратно к коридору.

Я остался у двери и почувствовал, как внутри всё неприятно сжалось.

Я умел выдерживать удары.

А вот смотреть человеку в глаза, когда знаешь о его боли больше, чем имеешь право скрывать, оказалось куда труднее.

После осмотра я вышел в коридор, но Блэр там уже не было. Её отсутствие почему-то ощущалось сильнее, чем недавнее присутствие. Я поймал себя на желании заглянуть в её кабинет под любым предлогом и разозлился: у меня были куда более веские причины искать её, чем внезапное желание снова услышать её голос.

Я напомнил себе, что она не обязана думать обо мне ни минуты после окончания рабочего дня. Вероятно, она закрывала ноутбук, собирала бумаги и возвращалась к заботам, о которых я почти ничего не знал. И всё же я пытался представить, кто встречает её дома, есть ли рядом человек, которому она может признаться, как сильно устала.

Мысль о том, что она может доверять кому-то так, как мне никогда не доверится, задела неожиданно остро. Я не имел права ревновать к воображаемому человеку — тем более не имел права ждать от Блэр близости, скрывая от неё правду о брате.

Я постоял возле окна, пока по стеклу не побежали первые вечерние капли дождя. Ничего из этого не было похоже на обычное раздражение. Признать это значило бы сделать следующий шаг, к которому я не был готов.

Домой ехать не хотелось. В квартире меня ждали дорогая

мебель, панорамные окна и тишина, которую раньше я считал роскошью. Сегодня в ней слишком громко прозвучали бы вопросы, от которых я весь день уходил. Я дождался, когда закончится вечерняя смена и опустеют коридоры, а потом снова направился в тренировочный зал.

К тому времени в клубе почти никого не осталось.

Свет горел только над рингом. Уборщики закончили работу, вентиляция гудела ровно, и каждый мой шаг отдавался по деревянному настилу. Я поднялся между канатами, сел в углу и достал телефон.

Сообщение Роуэна всё ещё было на экране.

«В субботу у нас будет возможность поговорить лично».

Я набрал ответ, стёр его, набрал снова.

«Что тебе нужно?»

Палец завис над кнопкой отправки.

Два года назад я позволил другим решить за меня, что считать правдой, а что — неудобной подробностью. С тех пор каждый новый бой, каждый контракт и каждый заголовок о моей победе словно прибавляли ещё один замок на дверь, которую я боялся открыть.

Но теперь была Блэр Уинстон.

Девушка, которая защищала чужие два часа тренировочного времени так, будто справедливость состояла из мелочей. Девушка, которая приходила на работу с больничными счетами в сумке и всё равно находила силы спорить с человеком, перед которым многие предпочитали молчать.

Я нажал «отправить».

Ответ пришёл почти сразу.

«Поговорим о том, что ты видел перед боем Уинстона. На этот раз без свидетелей, Кейн».

Я перечитал сообщение. Потом ещё раз.

За окнами дрожал ночной Нью-Йорк. Где-то внизу завыла сирена, и звук медленно растворился между зданиями.

Мне хотелось разбить телефон.

Вместо этого я положил его рядом, упёрся локтями в колени и позволил себе назвать происходящее настоящим именем.

Я боялся.

Не Роуэна. Не скандала. Не потери титула.

Я боялся дня, когда Блэр посмотрит на меня и поймёт, что человек, с которым она спорила из-за расписания, уже однажды выбрал промолчать, когда речь шла о её брате.

Глава 6

БЛЭР

«*Не волнуйся раньше времени*». Мама явно переоценивала мои способности.

Особенно когда писала это сразу после сообщения о том, что Ной плохо спал всю ночь, а врач снова изменил ему препараты.

Я перечитала её слова в третий раз.

«Я позвоню, когда поговорю с врачом».

Прекрасно. Значит, до этого момента мне оставалось только сидеть, смотреть на телефон и представлять все возможные причины, по которым мой брат не мог уснуть.

А воображение у меня, к сожалению, работало без выходных.

Я уже собиралась набрать маму, когда из кухни донёсся голос Мэдисон:

— Если ты там мысленно готовишься к концу света, имей в виду: кофе на двоих. И я не собираюсь пить твою порцию.

Я посмотрела на закрытую дверь.

Иногда мне казалось, что Мэдисон каким-то образом слышит мои мысли. Причём исключительно те, которыми я предпочла бы ни с кем не делиться.

— Иду! — отозвалась я, откладывая телефон.

Но прежде чем встать, ещё раз взглянула на экран.

Новых сообщений не было.

Я натянула толстовку и вышла на кухню.

Мэдисон стояла у плиты в пижамных шортах и огромной футболке с выцветшей надписью. На столе лежали два тоста, банка арахисовой пасты и раскрытый ноутбук, где мигала таблица с её рабочими задачами.

Она взглянула на меня — и улыбка стала осторожнее.

— Плохие новости?

— Пока непонятно. Ной плохо спал. Мама ждёт врача.

Мэдисон не стала говорить, что всё обязательно будет хорошо. За это я любила её особенно сильно: она никогда не пыталась залатать настоящую беду словами, которые ничего не стоили.

— Сядь, — попросила она, придвигая ко мне кружку. — Ты можешь позвонить после восьми, когда у них закончится обход, а сейчас хотя бы съешь тост. Вчера ты вернулась с работы и заявила, что ужинала, но я видела в мусорном ведре только обёртку от батончика.

— Ты проверяешь мусор?

— Я живу с тобой достаточно давно, чтобы отличать ужин от обёртки батончика.

Я невольно улыбнулась и села. Кофе был слишком горячим; я обхватила кружку ладонями, позволяя теплу медленно добраться до пальцев.

Я хотела ответить привычной шуткой, но слова застряли. Мэдисон сделала вид, что слишком занята тостом, и дала

мне время прийти в себя.

— На работе опять что-то случилось? — спросила Мэдисон. — Ты вчера смотрела на свой телефон так, словно он задолжал тебе деньги.

— Телефон хотя бы не разговаривает со мной голосом Ашера Кейна.

— Ага. Значит, всё-таки Кейн.

Я подняла глаза.

— Не произноси это таким тоном. Между нами нет ничего, кроме рабочих конфликтов и его таланта превращать обычное расписание в личное оскорбление.

Мэдисон намазала тост пастой, совершенно не впечатлённая моим объяснением.

— Я ничего и не сказала. Просто ты вчера десять минут рассказывала, как он посмотрел на тебя. Про Тео я знаю, что он нормальный. Про Джейса — что он болтун. А про Кейна, кажется, могу защитить диссертацию.

— Прекрасно. Назови её «Самовлюблённость как угроза трудовой дисциплине».

— И всё-таки ты заметила, как он на тебя посмотрел.

— Мэдисон, ещё одна такая улыбка — и я начну беспокоиться за твоё здоровье.

— Блэр, — невинно отозвалась она, и я бросила в неё салфетку.

Смех закончился быстро. Я снова посмотрела на телефон, лежавший рядом с тарелкой, и почувствовала, как внутри

всё сжимается. Мэдисон протянула руку через стол и легко коснулась моего запястья.

— Слушай, — сказала она уже без шуток. — Ты не обязана быть сильной каждую минуту. Давай сначала узнаем, что скажет врач.

— Я знаю. Просто каждый раз, когда мама пишет «не волнуйся», мне хочется бежать к ним. А потом я вспоминаю, сколько стоит один день лечения, и понимаю, что должна ехать на работу. Иногда я ненавижу себя за это.

Мэдисон нахмурилась.

— За то, что работаешь, чтобы помочь брату? — Ты к себе несправедлива.

— Когда Ной был здоров, он всегда появлялся, стоило мне позвонить. Даже если я жаловалась на полную ерунду. А теперь он в клинике, и я даже не могу приехать в любой момент.

— Ты приезжаешь, когда можешь. Ты звонишь. Помогаешь оплачивать лечение. — Мэдисон сжала мою ладонь. — Блэр, любовь не измеряется количеством часов у больничной кровати.

Я отвела взгляд к окну. Дождь усилился. На секунду захотелось расплакаться, но я сделала глоток кофе и обожгла язык. Боль оказалась простой и понятной — почти облегчение.

— Тогда начни с завтрака, — сказала Мэдисон и подвинула ко мне тарелку. — Я не прошу тебя перестать беспоко-

иться о Ное. Просто не хочу, чтобы ты исчезла за этим беспокойством.

Я взяла тост. Впервые за утро мне не пришлось придумывать ответ: Мэдисон и так всё поняла.

Позже, в лифте Northline, я разглядывала своё отражение в потемневшем зеркале: мокрые пряди у висков, упрямо сжатые губы, тени под глазами. На работе всё это следовало оставить за дверью. Здесь от меня ждали ответов, а не признаний, что я устала.

В Northline я приехала в восемь двадцать, с мокрыми волосами у висков и ощущением, будто утро уже длится целую неделю.

Клуб встречал меня привычным гулом. На первом этаже хлопали по мешкам перчатки, у стойки регистрации кто-то спорил о продлении абонемента, а из открытой двери зала доносились команды тренера. За несколько дней я научилась различать эти звуки: сухой щелчок скакалки, глухой удар по лапе, короткий звон таймера. Они всё ещё не нравились мне, но больше не сливались в одно угрожающее эхо.

У стойки меня окликнул незнакомый мужчина в тренировочной куртке Northline. Он держал под мышкой пару лап и явно не торопился в зал.

— Вы Блэр Уинстон? — спросил он. — Дэмиан Кросс. Меня пригласили вести спарринги на этой неделе. Виктор сказал, что вы знаете расписание лучше всех.

— Преувеличивают, — ответила я. — Но если вам нужен

тренировочный зал, он по коридору налево. Расписание у администратора.

— А если я хотел познакомиться не с расписанием? — Он улыбнулся, будто вопрос был вполне невинным.

Я посмотрела на лапы у него под мышкой. — Тогда начните с тренировки. У нас сегодня плотный график.

— Понял. Не буду мешать, Блэр. — Он отступил, освобождая проход, и добавил уже без насмешки: — Увидимся.

Я проводила его взглядом и вернулась к делам. Новый тренер показался самоуверенным, но в клубе это было почти профессиональным качеством.

Через несколько минут Дэмиан вернулся с расписанием, на котором кто-то карандашом переставил время работы юниоров. Он протянул лист мне через стойку.

— Мне сказали, что зал освободят пораньше. Сможешь передвинуть ребят?

Я сверила запись с утверждённым графиком и покачала головой.

— Нет. У детей занятие до десяти. Если вам нужен зал, я найду другое окно после тренировки.

Дэмиан задержал взгляд на листе, потом легко пожал плечами.

— Ладно. Ты здесь действительно всё решаешь.

Он ушёл, а я вернула расписание на место. В его голосе слышалась улыбка, но почему-то мне захотелось ещё раз проверить, кто внёс карандашную пометку.

На столе в моём кабинете лежала записка от Эвелин: «В 11:30 приедет команда для съёмки материалов к субботнему закрытому спаррингу. Проверь маршруты и доступ в зал. Никаких гостей без подтверждения».

Под ней кто-то нарисовал крошечную корону рядом с именем Кейна в распечатанном расписании.

Я узнала почерк Джейса по размашистому «Ваше Величество» на полях.

— Взрослые мужчины, — пробормотала я, снимая пальто. — Удивительная категория населения.

— Я слышал это, — отозвался знакомый голос из коридора.

Джейс стоял у двери с двумя бумажными стаканами. Его светлые волосы торчали после тренировки, на щеке краснел след от ремешка защитного шлема. Он выглядел довольным жизнью человеком, которому никогда не приходилось разбираться с последствиями собственных шуток.

— И всё равно вошёл? — спросила я.

— Потому что я не просто взрослый мужчина, а взрослый мужчина с кофе. Разница принципиальная.

Он поставил стакан на свободный край стола, внимательно изучил моё лицо и перестал улыбаться.

Я невольно прислушалась к шагам в коридоре. Разумеется, исключительно затем, чтобы вовремя заметить новую неприятность. У этого объяснения был один недостаток: я слишком хорошо знала, чьи шаги надеялась услышать.

— Ты сегодня какая-то тихая. Если я сейчас скажу глупость, ты меня убьёшь или сначала выдашь предупреждение?

— Зависит от глупости. И от того, насколько хороший кофе ты принёс.

— Отличный. Я даже запомнил, что ты не любишь слишком сладкий. — Джейс придвинул стул, но не сел. — Серьёзно, всё нормально?

Меня удивило, что он заметил. За шутками Джейса было удобно не видеть человека, который внимательно следил за реакциями окружающих.

— Семейные дела, — ответила я, доставая из сумки блокнот. — Ничего, что можно исправить одним разговором.

— Понял. Тогда не буду приставать. Но если понадобится отвлечься, я располагаю потрясающим запасом историй, в которых Ашер выглядит идиотом. Некоторые подтверждены свидетелями.

Он не стал расспрашивать дальше. За это я была ему благодарна.

Я усмехнулась.

— Почему-то подозреваю, что ты называешь это своей главной жизненной миссией.

— Одной из. Другая — не дать Тео превратиться в человека, который добровольно сортирует носки по оттенкам серого.

— Он хотя бы умеет вести себя как взрослый.

— Не спорю. Но вчера он десять минут объяснял мне, почему я неправильно храню протеиновые батончики. У нас у всех свои недостатки.

Джейс поднялся, собираясь уходить, и вдруг задержался в дверях.

— Кстати, Кейн сегодня странный. И нет, я не про его обычное желание уволить половину человечества. Если сорвётся — не принимай на свой счёт.

Я медленно закрыла блокнот.

— Джейс, я работаю здесь меньше недели, а уже получила достаточно поводов не принимать его поведение близко к сердцу. Но спасибо за предупреждение.

Он кивнул. На мгновение его лицо стало серьёзным.

— Я не оправдываю его, — сказал Джейс. — Просто иногда за злостью прячется кое-что ещё.

Я хотела спросить, что он имеет в виду, но Джейс уже отступил в коридор, привычно улыбнулся кому-то за моей спиной и исчез.

В десять пятнадцать позвонила мама.

Я вышла на лестничную площадку между этажами, где было тише. От свежевымытого пола пахло лимоном, а за маленьким окном висело серое небо.

Я провела пальцем по холодному металлическому поручню. В узком окне отражалось моё лицо — бледное и напряжённое, совсем не похожее на лицо человека, который уверяет всех, что справляется.

— Мам, что сказал врач? — спросила я, едва услышав её голос.

— Доброе утро и тебе, солнышко. — Она попыталась улыбнуться, я услышала это даже по телефону. — Ной сегодня спокойнее. Ночь была тяжёлая, но новых осложнений нет. Они скорректируют дозировку и понаблюдают ещё несколько дней.

Я опустилась на ступеньку. Колени вдруг перестали держать меня так уверенно, как минуту назад.

— Значит, ничего критического?

— По словам врача, нет. Он просил не делать выводов по одной ночи. Состояние у Ноя всё ещё сложное, Блэр, но сегодня нам не сообщили ничего нового плохого.

Я закрыла глаза. Облегчение не приносило радости — только ненадолго отпускало горло.

— Ты сама спала? — спросила я.

— Немного. Медсестра принесла мне чай и выгнала из коридора на час. Представляешь, меня пришлось выгонять.

— Потому что ты упрямая.

— Не знаю, в кого это у нас семейное.

Я тихо рассмеялась, а потом услышала шорох бумаг.

— Мам, что там?

Она помедлила.

— Пришёл обновлённый расчёт по реабилитации. Я пока не хочу тебя тревожить, разберусь вечером.

— Ты же понимаешь, что после такой фразы я буду тре-

вожиться ещё сильнее? Пришли мне копию. Мы посмотрим вместе.

— Блэр, я пришлю счета после разговора с клиникой. Хочу сначала сверить суммы.

— Хорошо. Только не откладывай надолго. Мне нужно понимать, сколько мы должны. Мы обе делаем то, что можем.

Я произнесла последние слова тише, чем собиралась. В них было больше, чем просьба прислать счёт. Мне хотелось, чтобы мама перестала защищать меня от нашей собственной жизни, как будто я всё ещё была маленькой девочкой, которой можно закрыть глаза ладонью.

На другом конце линии стало тихо.

— Хорошо, — сказала мама наконец. — Пришлю. Спасибо тебе, милая. Я знаю, что ты не любишь, когда я это говорю, но мне важно, чтобы ты слышала.

Я смотрела на мокрые крыши за окном и с трудом удерживала голос ровным.

— Я тоже тебя люблю. Позвони, если что-нибудь изменится. Даже если буду на работе.

После разговора я осталась сидеть на ступеньке. Пальцы дрожали, хотя в лестничном пролёте было тепло. Я положила телефон на колени и попыталась дышать, как когда-то учил Ной перед экзаменами: на четыре счёта вдох, на четыре — выдох.

Он стоял рядом, нарочито серьёзный, и отсчитывал секун-

ды голосом спортивного комментатора. Я всегда смеялась на третьем вдохе. Теперь мне пришлось вспоминать этот смех по частям — его голос, прищур, привычку взъерошить мне волосы.

Я почти услышала его голос.

— Уинстон?

Я подняла голову так резко, что затылком ударилась о стену.

Ашер стоял несколькими ступенями выше. На нём была тёмная футболка, спортивные брюки и лёгкая куртка, не застёгнутая до конца. Волосы оставались влажными после душа. Под глазами залегли тени, которых я раньше не замечала. Он держал в руке телефон, но, увидев меня, опустил его.

В тесном пролёте он казался ещё выше, чем в зале. От него пахло чистой тканью и чем-то древесным. Я разозлилась на себя за то, что вообще обратила внимание.

— Ты следишь за мной, Кейн? — спросила я, пытаясь подняться. — Или лестницы теперь тоже требуют твоего личного одобрения?

— Я шёл по лестнице, Уинстон. Это пока не запрещено твоим расписанием.

Его взгляд задержался на моём лице. Усмешка, уже появившаяся на губах, исчезла.

Я слишком поздно вспомнила, что не успела взять себя в руки. Ашер заметил это сразу.

— Ты ударилась? — спросил он, заметив, как я потёрла

затылок.

— Только гордостью. Она у меня крепче твоей репутации.

— Смелое заявление для человека, который проиграл стене, — отозвался он. Потом посмотрел мне в лицо внимательнее. — Ты плакала?

— А ты всегда задаёшь вопросы, на которые не хочешь слышать ответ?

— Блэр. Что случилось?

Он произнёс моё имя без привычной насмешки. С «Уинстон» я умела спорить. От «Блэр» хотелось защищаться совсем иначе.

— У моего брата тяжёлый период, — сказала я после паузы. — Врачи наблюдают его. Сегодня всё не так плохо, как могло быть. Просто я устала бояться каждого звонка.

Ашер побледнел. Едва заметно — другой человек, возможно, ничего бы не увидел. Но его пальцы стиснули телефон, а взгляд метнулся к окну.

— Мне жаль, — произнёс он негромко.

Он сказал это негромко. С таким усилием, будто слова застревали в горле.

Я отвела глаза.

— Не надо говорить это таким голосом. Ты ведь даже не знаешь его.

— Нет, — ответил он слишком быстро. — Не знаю.

Ответ прозвучал слишком резко. Я подняла голову, но он уже спустился на ступень ниже, оставляя между нами рас-

стояние.

— Если тебе нужно пять минут, возьми их, — сказал он. — Я не стану докладывать Портер, что ты прогуливаешь лестничный пролёт.

Я рассердилась — не потому, что он предложил помощь, а потому, что мне вдруг захотелось согласиться.

— Какая щедрость. Ещё немного — и я поверю, что у тебя есть сердце.

На его лице мелькнуло знакомое напряжение. Я приготовилась к ответной колкости.

Но Ашер только кивнул.

— Не распространяй слухи. Спонсоры платят мне за другое.

Уголок его рта дрогнул. Это ещё не было улыбкой — скорее её обещанием, от которого у меня вдруг стало чуть легче на душе. Я немедленно напомнила себе, что облегчение вызвано разговором с мамой, а не присутствием Кейна.

— И всё-таки спасибо, — сказала я, поднимаясь. — Но разрешения на передышку я не спрашивала.

— Я заметил. Ты вообще редко спрашиваешь разрешения, прежде чем спорить.

Я посмотрела на него. На секунду в его глазах появилось что-то почти насмешливое — но направленное на самого себя.

— А ты редко даёшь человеку закончить фразу.

— Вот видишь, у нас уже есть общая черта.

Я фыркнула и потянулась к поручню. Он чуть отступил, освобождая проход, но не ушёл сразу. Несколько секунд мы стояли на разных ступенях, словно оба забыли, кто первым собирался закончить разговор.

— Не увлекайся, Кейн. Следующее сходство может оказаться оскорбительным.

— Для кого из нас?

Я поднялась на следующую ступеньку и оказалась почти на одном уровне с ним. Вблизи заметила тонкий шрам у брови и усталые тени под глазами. Несколько секунд мы молчали — непривычно долго для людей, которые обычно ссорились быстрее, чем здоровались.

Первой отступила я.

— Мне нужно проверить подготовку к съёмке, — сказала я, пряча телефон в карман.

— А мне — позволить тебе хотя бы раз уйти без последнего слова.

— Слишком поздно. Ты только что его произнёс.

— Значит, завтра попробую снова, — бросил он мне вслед.

До кабинета я дошла быстрее обычного. Только за закрытой дверью поняла, что сердце бьётся слишком часто.

Я открыла рабочую почту и дважды перечитала одну и ту же строчку. Потом сердито придвинула расписание съёмки. У меня были дела поважнее, чем вспоминать, как Ашер Кейн впервые назвал меня по имени без издёвки.

В одиннадцать тридцать съёмочная группа прибыла с опозданием на восемь минут и уверенностью, что её ждут с распростёртыми объятиями.

Двое операторов тащили тяжёлые кофры, ассистентка говорила по гарнитуре, а высокий мужчина в дорогом пальто представился продюсером и немедленно попросил открыть все помещения первого этажа.

По коридору скрипели колёсики кофров с техникой; ассистентка прижимала к уху гарнитуру и говорила сразу с тремя людьми. Я ещё раз проверила список разрешённых зон, хотя могла повторить его наизусть.

— У нас согласованы зал А, проход у ринга и зона интервью, — сказала я, сверяясь с письмом Эвелин. — Раздевалки, медицинский кабинет и помещения для детских тренировок в доступ не входят.

— Нам нужны живые кадры, — возразил продюсер. — Спортсмены, атмосфера, настоящий клуб. Понимаете, зритель должен почувствовать масштаб.

— Настоящий клуб состоит не только из красивых кадров. Здесь есть люди, которые пришли тренироваться, а не участвовать в рекламе. Несовершеннолетних без разрешения родителей мы снимать не будем.

Он посмотрел на меня так, будто впервые обнаружил препятствие между собой и собственным замыслом.

— Камеры вполне могут работать и без нарушения правил, — ответила я.

— Послушайте, девушка, — продюсер нетерпеливо взмахнул рукой, — мы уже работали с Кейном. Раньше с этим было проще.

— Возможно, раньше было проще, — ответила я. — Сегодня действует утверждённый план. Если вам нужен другой, я свяжусь с Эвелин, но до её решения доступ останется прежним.

Продюсер тяжело вздохнул и вытащил телефон.

— Можете позвонить, — сказала я. — А пока операторы могут пройти в согласованную зону. Я покажу дорогу.

Когда мы вышли к залу, там уже разминались юниоры. Один мальчик лет тринадцати застыл у канатов, увидев камеру, и нервно поправил перчатки. Его тренер сразу шагнул вперёд, заслоняя детей от объектива.

— Мы договорились, что здесь не снимают, — сказал он мне.

— Договорённость остаётся в силе, — ответила я.

Оператор опустил камеру, но продюсер, всё ещё говоривший по телефону, махнул рукой в сторону ринга.

За стеклянной перегородкой подростки продолжали разминку. Один мальчишка, слишком худой для огромных перчаток, смеялся над товарищем. Я представила их лица на чужих экранах — без единого вопроса к родителям — и встала твёрже.

— Давайте хотя бы общий план, без крупных лиц. Это же не преступление.

Я встала между камерой и детьми.

— Нет. Мы сейчас уйдём в другую часть клуба. Пожалуйста, выключите запись.

Продюсер закончил разговор и недовольно посмотрел на меня.

— Кейн сейчас подойдёт. Объясните ему сами, почему вы мешаете работе.

— Отлично, — сказала я. — Пусть выслушает обе стороны.

Он появился через минуту. Шёл быстро, с прямой спиной и напряжёнными плечами. За ним следовал Тео, что само по себе выглядело дурным знаком. Ашер остановился возле продюсера, выслушал его короткую жалобу и перевёл взгляд на меня.

— Что произошло? — спросил он.

— Команда хочет снимать там, где идут занятия подростков, — объяснила я. — В согласованном плане этих кадров нет. Разрешений на съёмку детей тоже нет.

Продюсер раздражённо развёл руками.

— Никто не собирается делать из этого отдельный сюжет. Нам нужна атмосфера, несколько секунд. Я не понимаю, почему мы тратим столько времени.

Ашер посмотрел на мальчика у канатов, потом на оператора. Лицо его осталось неподвижным.

Он не повысил голос. Напротив, чем неподвижнее становился Ашер, тем быстрее затихал продюсер.

— Камеры уберите, — сказал он.

Продюсер моргнул.

— Ашер, мы же обсуждали, что клуб должен выглядеть живым. Пустой ринг не даст нужного эффекта.

— Я сказал убрать камеры из детского зала. — Голос Ашера стал тише. — Хотите живые кадры — снимайте мою тренировку. Дети сюда пришли не для того, чтобы работать на ваш материал.

Я удивлённо посмотрела на него. Он заметил мой взгляд, но не изменился в лице.

На его левом предплечье темнели линии татуировки. Когда он сжал ладонь, красные цветы будто сдвинулись вместе с мышцами. Я поспешно отвела глаза.

Продюсер открыл рот, закрыл его и наконец махнул операторам в сторону коридора.

— Ладно. Перестраиваем план. Но это создаст нам проблемы с монтажом.

— Переживёте, — отрезал Ашер.

Когда группа ушла, тренер поблагодарил нас и вернулся к занятиям. Тео коротко кивнул мне и направился следом за операторами, чтобы проверить новую площадку. Я осталась рядом с Ашером у дверей.

— Спасибо, — сказала я.

Он повернулся ко мне.

— За то, что не устроил сцену из-за слова «нельзя». Я уже начала подозревать у тебя аллергию.

— Ты правда думала, что я позволю снимать детей без согласия? — Он приподнял бровь. — Уинстон, у тебя обо мне совсем печальное мнение.

— Оно складывалось исключительно на основе наблюдений.

— Тогда обнови данные. Не всё, что я делаю, обязано тебя раздражать.

— Ты сейчас предлагаешь мне научный эксперимент?

— Нет. Просто не спорить со мной хотя бы тридцать секунд.

— Боюсь, условия невыполнимы.

— Я так и думал.

Он усмехнулся — быстро, почти неохотно. Без привычной жёсткости его лицо стало совсем другим. Я тут же разозлилась на себя за то, что заметила.

— И не рассчитывай, что я буду вставать на твою сторону каждый раз, — добавил он уже серьёзнее.

— Не переживай. Я не вынесу такого количества потрясений за неделю.

— В этом мы снова согласны.

Ашер направился к выходу из зала. Я посмотрела ему вслед, недовольная собой.

Он поступил правильно. Я могла признать это, не пересматривая весь список его недостатков.

И всё же, возвращаясь к работе, я вспоминала не спор с продюсером, а короткую улыбку Кейна.

К трём часам съёмка завершилась. В коридорах снова стало тихо, если не считать обычного шума тренировок. Я разобрала письма, отправила Эвелин отчёт и наконец получила от мамы фотографию нового расчёта из клиники.

Сумма была больше, чем я ожидала.

Я долго смотрела на цифры, пока они не перестали складываться в смысл. Дополнительные занятия с реабилитологом, наблюдение специалиста, расходные материалы. В каждом пункте была логика. В конце страницы — итог, от которого у меня похолодели ладони.

Я увеличила фотографию двумя пальцами, затем снова уменьшила. Будто от этого могла измениться сумма. Нелепо. Но именно такие мысли приходили в голову, когда хотелось одновременно плакать и открыть калькулятор.

Я открыла банковское приложение. Сверила остаток. Посчитала зарплату, которая должна была прийти только через две недели. Даже если отказаться от всего, кроме аренды и проезда, разница оставалась слишком большой.

В кабинет заглянула Эвелин.

— Блэр, ты свободна на минуту?

Я быстро заблокировала экран.

— Конечно.

Она села напротив и положила на стол папку с отчётами.

— Я хотела сказать, что ты сегодня хорошо справилась. Съёмочная группа прислала претензию из-за ограничений, но я проверила документы. Ты действовала правильно. Осо-

бенно в вопросе с детьми.

Я выдохнула, не осознавая до этого, насколько боялась услышать обратное.

— Спасибо. Я не хотела создавать клубу проблемы. Просто не могла позволить им снимать без согласия.

— И не должна была. — Эвелин сняла очки и внимательно посмотрела на меня. — Ты выглядишь уставшей. Если нагрузка слишком большая, скажи. Мы можем перераспределить часть задач.

— Я справлюсь, — ответила я автоматически.

Она не стала спорить, но задержала взгляд на моём лице.

— Знаешь, в Northline работают люди, которые уверены, будто просьба о помощи равносильна поражению. Обычно это спортсмены. Я не хотела бы, чтобы ты перенимала у них худшие привычки.

Я невольно улыбнулась.

— Постараюсь запомнить.

— И ещё. Завтра у нас закрытый спарринг Кейна. Твоя задача — только координация гостей и расписания. Если кто-то попытается обойти правила, сразу зови меня. Не нужно в одиночку спорить со всеми подряд.

— Даже если начнут уверять, что их все здесь знают?

— Даже если начнут уверять, что их все здесь знают? — уточнила я.

— Особенно тогда, — сухо ответила Эвелин.

Когда Эвелин ушла, я ещё несколько минут сидела перед

закрытым ноутбуком. Впервые за день хотелось не действовать и не доказывать, что я справляюсь, а просто положить голову на стол.

Но телефон снова завибрировал. Мама прислала второе сообщение: «Не пытайся решить всё сегодня. Мы поговорим вечером».

Я перечитала его дважды. Потом открыла блокнот и на чистой странице написала: «Позвонить в клинику. Уточнить рассрочку. Спросить о фонде поддержки пациентов». Рядом оставила место для ответов.

План не решал проблему. Зато возвращал мне возможность сделать следующий шаг.

В половине шестого я вышла из кабинета с сумкой на плече и обнаружила у автомата с водой Ашера.

Он стоял, опираясь спиной о стену, и смотрел в телефон. Вечерний свет из окон ложился на его лицо резкими полосами. Когда я подошла, он сразу убрал устройство в карман, будто разговор на экране был неприятнее любого разговора со мной.

— У тебя есть привычка появляться возле моего маршрута домой, — заметила я. — Надеюсь, это случайность.

— Поверь, Уинстон, я тоже предпочёл бы проводить вечер в обществе людей, которые не оценивают мои манеры по десятибалльной шкале.

— Пять. Сегодня добавлю один балл за защиту детей. И ещё полбалла за то, что ты не приказал мне молчать.

— Полбалла? Я начинаю подозревать, что комиссия предвзята.

— Комиссия видела тебя в понедельник. Скажи спасибо, что оценка не отрицательная.

Он посмотрел на меня внимательнее. В его взгляде не было утренней растерянности, но напряжение никуда не исчезло. Я заметила, что он несколько раз сжал и разжал пальцы правой руки, словно пытался избавиться от невидимой судороги.

— Завтра будет много гостей, — сказал он. — Если кто-нибудь начнёт требовать доступа туда, куда не положено, отправляй ко мне или к Тео. Не трать время на споры.

— Это звучит подозрительно похоже на заботу. Осторожнее, Кейн, пострадает образ Палача.

— Я берегу не твои нервы, Уинстон. Я берегу свои от очередного продюсера.

— Конечно. Как я могла подумать иначе.

Он едва заметно улыбнулся, но затем взгляд его ушёл куда-то мне за плечо. Я обернулась. В дальнем конце коридора двое сотрудников обсуждали список гостей на субботу. Один назвал фамилию Роуэн. Ашер резко выпрямился.

Он выпрямился так резко, словно услышал не фамилию, а предупреждение.

Я снова посмотрела на него.

— Ты знаешь этого человека?

— Кого?

— Роуэна. Его имя было в списке, который мне прислали утром. Ты так отреагировал, будто он должен тебе денег.

Ашер молчал несколько секунд. Его лицо стало непроницаемым.

— Он связан с организацией боёв, — сказал он наконец. — Мы пересекались раньше.

— Судя по твоему тону, встреча была не из приятных.

— Не все фамилии из списка гостей обязаны становиться темой для твоего расследования, Уинстон.

Слова прозвучали резче, чем всё, что он говорил мне сегодня. Я почувствовала, как прежнее раздражение возвращается, поднимаясь от груди к горлу.

— Тогда скажи «не хочу говорить». Это проще, чем изображать, будто я попросила пароль от сейфа.

Он отвёл взгляд и провёл рукой по волосам. На секунду мне показалось, что он скажет что-нибудь ещё более неприятное. Но Ашер медленно выдохнул.

— Не хочу говорить, — сказал он наконец. — Устроит?

— Вполне. Видишь? Целое предложение без попытки меня построить.

— Не испытывай удачу, Блэр.

— А то что? Поставишь мне двойку за поведение?

— Завтра будет непростой день. Просто будь внимательна.

Он произнёс это ровно, но улыбка так и не вернулась. Роуэн явно значил для него больше, чем просто фамилия в

списке. Я могла продолжить расспросы, но решила этого не делать.

— До завтра, Ашер, — сказала я, неожиданно для себя назвав его по имени.

Он поднял голову. Его взгляд задержался на моём лице так долго, что я почувствовала себя неловко.

Судя по тому, как он замер, Ашер тоже услышал разницу. На мгновение между нами повисла тишина — странно громкая посреди работающего клуба.

— До завтра, Блэр.

Я пошла к выходу, не оборачиваясь. Только оказавшись на улице, позволила себе остановиться под навесом и вдохнуть влажный вечерний воздух.

Я задержалась под козырьком, слушая, как капли барабанят по металлу, и только тогда поняла, что всё ещё сжимаю рабочую папку. На коже остались белые полоски.

Я перебрала события дня: лестница, съёмка, его внезапно жёсткий голос при упоминании Роуэна. С Кейном по-прежнему было проще спорить, чем разговаривать. И всё же сегодня я обнаружила неприятный факт: иногда он умел не только выводить меня из себя.

Иногда он умел меня удивлять.

Телефон завибрировал в кармане. Мэдисон написала: «Купила продукты. Дома суп. И, пожалуйста, не говори, что ужинала батончиком».

Я улыбнулась, ответила, что скоро буду, и шагнула под

ДОЖДЬ.

Глава 7

АШЕР

Ночь закончилась, но город ещё не проснулся. Дождь, весь вечер стучавший по стеклу, к утру стих. На подоконнике остались неровные дорожки воды.

Я лежал на спине и смотрел в потолок. Правое плечо тянуло после вчерашней тренировки — боль привычная, понятная. Стоило повернуться на бок, подложить под руку подушку, и она ослабевала. С тем, что давило под рёбрами, такой приём не работал.

Сегодня отец собирался наблюдать за закрытым спарингом. Сегодня же в клубе должен был появиться Марк Роуэн.

Два человека, которым я не хотел смотреть в глаза. И девушка, перед которой мне всё труднее было делать вид, будто ничего не происходит.

Накануне Тео сказал, что Кросс останется на закрытый спарринг в качестве приглашённого тренера. Я переспросил, не ослышался ли. После нашей последней встречи мне хватило его самоуверенной улыбки на неделю. Дэмиан умел замечать чужие промахи — и никогда не упускал случая напомнить о них при свидетелях.

Я потянулся к телефону. Последнее сообщение Роуэна всё ещё висело в переписке:

«Поговорим о том, что ты видел перед боем Уинстона. На

этот раз без свидетелей, Кейн».

Я перечитал его, хотя помнил наизусть. Слова не менялись.

В пятницу вечером Блэр назвала меня по имени. Просто «Ашер» — без издёвки, без нарочито вежливого «чемпион» и без интонации, с которой обычно произносила мою фамилию, словно пробовала что-то горькое. Я ответил ей тем же, а потом ещё несколько минут стоял в коридоре, глядя на пустое место у лестницы.

Меня раздражало, что я помнил эту мелочь. Меня ещё сильнее раздражало, что среди всех причин бояться сегодняшнего дня нашлось место и ей.

Я отбросил одеяло и встал. Холодный пол обжёг ступни. В ванной над раковиной висело зеркало, перед которым я привык проверять синяки после тяжёлых тренировок. Сегодня отражение выглядело обычно: растрёпанные тёмные волосы, тени под глазами, старый шрам у правой брови. Просто мужчина после плохой ночи.

Я открыл кран и долго держал ладони под холодной водой.

«Соберись», — сказал я отражению.

Голос прозвучал так похоже на отцовский, что мне захотелось отвернуться.

К половине восьмого Northline пах свежей краской разметки, кофе и разогретой резиной. Сотрудники готовили зал к закрытому просмотру: проверяли стойки для камер, ставили стулья вдоль одной стороны ринга, натягивали ленту,

чтобы гости не мешали спортсменам. Спарринг был тренировочным, не шоу, но слово «закрытый» неизменно привлекало людей, уверенных, что им положено увидеть нечто особенное.

Я пришёл раньше большинства. Мне нравились пустые залы — пока не собирались зрители и никто ничего от меня не ждал.

Тео ждал у ринга с планшетом. У его ног стояла спортивная сумка с запасными бинтами и защитным снаряжением.

— Ты похож на человека, который заранее решил ненавидеть сегодняшний день, — заметил он вместо приветствия.

— Я ещё не решил. У дня есть шанс удивить меня.

— С таким лицом ты не оставляешь ему шансов.

Он протянул мне лист с планом раундов. Я пробежал его глазами. Шесть трёхминутных отрезков, минута отдыха между ними. Первые два — контроль дистанции, следующие — работа с давлением, затем смена темпа и заключительный технический раунд. Партнёром назначили Лиама Харпера: крепкого левшу из полутяжёлого веса, достаточно опытного, чтобы не превращать спарринг в драку из-за самолюбия.

— Лиам сегодня в форме? — спросил я.

— В хорошей. И, прежде чем ты спросишь, да, он знает, что это спарринг, а не отборочный бой за твою голову. Ты тоже должен об этом помнить.

Я отдал ему лист.

— Ты уже предупредил.

— Потому что ты иногда слышишь только себя.

Тео говорил спокойно, но пальцы, сжимавшие планшет, выдавали напряжение. Он редко спорил ради спора. Если начинал, значит, уже какое-то время наблюдал и делал выводы.

— Отец приедет к началу? — спросил он.

— Он сказал, что будет к девяти.

— А Роуэн?

Я посмотрел на канаты. На одном из них кто-то оставил тёмный след от перчатки.

— В списке гостей. Время не уточнил.

— Мы можем попросить охрану не пускать его в служебные помещения.

— Попроси. Он всё равно найдёт способ поговорить.

Тео шагнул ближе, понизив голос:

— Ашер, если Роуэн собирается давить на тебя из-за истории Ноя, не встречайся с ним один. После разговора без свидетелей он сможет утверждать что угодно.

Мне не понравилось, что он произнёс имя Ноя вслух. Я быстро огляделся: возле дальней стены техник проверял кабели, но был слишком далеко, чтобы нас слышать.

— Не здесь, — отрезал я.

Тео сжал губы. Потом медленно кивнул.

— Хорошо. Но сегодня ты сначала боксёр. Разберём остальное после спарринга. Договорились?

— Договорились.

Он задержал взгляд на моём лице ещё на секунду, словно

проверял, не соврал ли я. Я и сам не был уверен.

Кросс появился в дверях тренировочного зала незадолго до начала подготовки. У стойки регистрации он остановился рядом с Блэр и сказал что-то, улыбаясь так, будто они давно знакомы. Она ответила вежливо, не отрываясь от списка гостей.

— Дэмиан, — окликнул я. — Виктор ждёт тренеров у ринга.

Кросс обернулся не сразу. — Уже иду. Мы с Блэр как раз знакомимся.

— Мы обсуждали пропуск, — спокойно уточнила она и протянула ему бейдж. — Проход в зал через правую дверь.

Он поблагодарил её и направился ко мне. Блэр не нуждалась в моём вмешательстве — только что сама это доказала. Но Дэмиан умел принимать чужую вежливость за приглашение продолжать разговор.

— Слышал, ты теперь работаешь с молодёжной группой, — сказал Дэмиан, поравнявшись со мной. — Неплохо. У клуба хорошая репутация. Жаль, что с гостевыми пропусками здесь строже, чем на чемпионатах.

— Блэр отвечает за безопасность. Делает свою работу.

— Я и не спорю. — Он улыбнулся шире. — Наоборот, приятно видеть человека, которого не пугают известные фамилии.

Он говорил легко, почти дружелюбно. Именно это и настораживало: Дэмиан никогда не давил там, где мог добить-

ся своего улыбкой.

— Давно ты работаешь с Виктором? — спросил я.

— Достаточно, чтобы понять: здесь любят порядок. — Дэмиан окинул взглядом зал, где техники устанавливали камеры. — И достаточно мало, чтобы ещё не успеть его возненавидеть.

Он заметил Лиама у ринга и поднял руку в приветствии. Лиам ответил кивком. С виду Кросс был безупречен: спокойный голос, открытая улыбка, ни одного лишнего движения. В старых залах, где мы когда-то пересекались, он держался точно так же — даже когда разговор заканчивался чужой ссорой.

— Я слышал, ты сегодня выходишь против Харпера, — продолжил он. — Хороший левша. Не любит, когда его загоняют в угол. Если понадобится взгляд со стороны, скажи.

— У меня есть тренер.

— Разумеется. — Он не обиделся. — Тогда удачи, Кейн.

Кросс отошёл к рингу, успев по дороге помочь технику поднять упавшую стойку. Тот поблагодарил его. Я поймал себя на неприятной мысли: если бы не прошлое, мне тоже было бы легко счесть Дэмиана просто приятным человеком.

Позже он снова оказался у стойки регистрации. На этот раз предложил Блэр донести коробку с бейджами. Она показала на тележку у стены и сказала, что справится. Дэмиан всё равно протянул руку к верхней коробке, но она придержала её ладонью.

— Спасибо, помощь не нужна, — повторила Блэр.

— Как скажешь. — Он отступил и поднял ладони. — Не хотел мешать.

Она вернулась к списку, а он ушёл без малейшего признака раздражения. Я не вмешался. Блэр умела обозначать границы. Мне оставалось научиться их уважать — в том числе тогда, когда хотелось оградить её от человека, которому я не доверял.

Я сел на скамью у входа в зал и принялся затягивать шнурки. За стеклянной перегородкой раздался голос Блэр — ясный, немного хрипловатый с утра. Она объясняла гостю, почему проход к раздевалкам закрыт, и делала это так терпеливо, что я невольно прислушался.

— Я понимаю, что у вас приглашение от промоутера, — говорила она, держа в руках список. — Но оно даёт доступ в гостевую зону. Если вам нужна съёмка спортсменов до спарринга, согласуйте её с пресс-службой. Нет, я не могу «просто на минутку» сделать исключение. Именно из таких минут потом складываются проблемы.

Мужчина в дорогом пальто недовольно повёл плечом, но всё-таки отступил. Блэр отметила что-то ручкой и повернулась к столу регистрации.

На ней были чёрные прямые брюки, белая рубашка и тёмный бейдж на шнурке. Я видел её в рабочей одежде всю неделю. Ничего нового. И всё же поймал себя на том, что смотрю не на список в её руках, а на то, как она привычным движе-

нием заправляет прядь за ухо, пока другой рукой удерживает папку на весу.

«Займись делом», — приказал я себе.

Я опустил глаза к шнуркам. Через секунду поднял снова.

Возле стойки появился Джейс с двумя стаканами кофе. Он протянул один Блэр, что-то сказал и изобразил такую трагическую гримасу, будто его только что лишили права выходить на ринг. Она сначала покачала головой, затем рассмеялась.

Она рассмеялась по-настоящему — коротко, запрокинув голову, на мгновение забыв про папку, гостей и расписание.

Я замер со шнурком между пальцами.

Я думал, что знаю её лицо: приподнятая бровь перед спором, складка между бровями от усталости, сжатые губы, когда кто-то пытался продавить её решение. Но такой я её ещё не видел.

Что он ей сказал?

Я даже попытался прочитать по губам, прежде чем понял, насколько нелепо это выглядит.

Джейс наклонился к ней, продолжая рассказывать. Блэр ткнула его папкой в плечо. Он театрально отшатнулся, прижал ладонь к груди и, судя по всему, объявил себя смертельно раненным. Она засмеялась снова.

Я слишком резко дёрнул шнурок. Тот затянулся тугим узлом.

— Что с обувью? — спросил подошедший Тео.

— Ничего, — резко ответил я.

Он проследил за моим взглядом. По лицу Тео я понял: объяснять ничего не придётся.

— Джейс опять развлекает сотрудников, — заметил Тео.

— Он мог бы потратить энергию на разминку.

— У него тренировка только после обеда.

— Тогда на что-нибудь полезное.

Тео посмотрел на меня, потом на стойку регистрации.

— Например, на доставку кофе человеку, который с семи утра проверяет списки гостей?

Я встал так резко, что скамья скрипнула по полу.

— У нас через полчаса работа на лапах. Ты собираешься обсуждать расписание Джейса или пойдём?

Тео ничего не ответил. Он явно понял больше, чем собирался обсуждать.

Мы прошли к рингу. Я слышал за спиной смех Блэр ещё несколько секунд. Он раздражал меня не громкостью. Я просто не мог избавиться от мысли, что рядом со мной она никогда не звучала так легко.

Мне не было до этого дела.

Я повторил эту мысль дважды. Ни разу не поверил.

В раздевалке я бинтовал руки медленнее обычного. Белая лента проходила между пальцами, ложилась на костяшки, возвращалась к запястью. Ритуал был настолько привычным, что тело выполняло его само, пока голова металась между сегодняшним спарингом, отцовскими замечаниями и совер-

шенно ненужной картинкой у стойки регистрации.

Джейс, облокотившийся на соседний шкафчик, заметил мой взгляд в зеркале.

— У тебя такой вид, будто бинты лично тебя оскорбили, — сказал он. — Мне выйти?

Я косо посмотрел в его сторону, отвечать не стал. Он присел на скамью и вытянул ноги. Я затянул бинт, проверил, не пережимает ли пальцы, и взял второй рулон.

— Слышал, ты уже успел устроить представление на входе, — произнёс я, стараясь, чтобы голос звучал равнодушно.

Джейс поднял брови.

— Представление? Я принёс Блэр кофе и рассказал, как один наш общий знакомый перепутал вход на благотворительный вечер с дверью в подсобку.

— И кто этот знакомый?

— Ты.

Я медленно повернул к нему голову. Джейс широко улыбнулся.

— История до сих пор работает, — довольно заметил Джейс.

— Ты серьёзно рассказал ей об этом?

— Конечно. Особенно та часть, где ты пять минут стоял среди коробок с салфетками и отказывался признать, что заблудился. Она смеялась.

Я представил, как Блэр смеётся над этим рассказом. В груди неприятно кольнуло — не столько от злости, сколько от

того, что мне хотелось увидеть её лицо в этот момент.

— Тебе нечем заняться, Морган?

— Есть. Но сейчас мне интереснее другое. — Он подался вперёд. — Тебе правда мешает, что я с ней разговариваю?

— Меня раздражает, когда ты отвлекаешь людей от работы, — ответил я и продолжил наматывать бинт.

— Она закончила проверять список ещё до того, как я подошёл. Если бы ты хоть раз спросил, как у неё дела, возможно, заметил бы, что девушка устала. Она вчера снова задержалась из-за подготовки зала.

Я хотел сказать, что знал об этом. В пятницу вечером я видел её у лестницы, видел усталость в глазах. Но признание застряло на языке.

Джейс покачал головой.

— Ты замечаешь всё, что она делает, — сказал Джейс. — Но ведёшь себя так, будто само её присутствие тебя раздражает.

Я затянул последний виток бинта и поднялся.

— Если ты закончил анализировать мою жизнь, освободи проход.

Он не сдвинулся сразу. Посмотрел на меня уже без улыбки.

— Я не пытаюсь тебя задеть. Просто не срывайся на ней из-за того, с чем сам не можешь разобраться. Блэр не обязана читать твои мысли.

Я молчал. Он встал, хлопнул меня по плечу и направился

к выходу.

Когда дверь закрылась, я остался перед зеркалом. Из-под чёрной майки выглядывал край татуировки на левом плече: самурай в доспехах среди ветвей сакуры. Когда-то я выбрал его как напоминание о дисциплине. Теперь это казалось издёвкой. Воин на моей коже знал, за что сражается. Я всё чаще сомневался, что могу сказать то же о себе.

Отец приехал без десяти девять.

Я увидел его через стеклянную стену зала: тёмное пальто, безупречно завязанный шарф, прямая спина. Он не оглядывался с любопытством, как остальные гости. Шёл уверенно, будто здание принадлежало ему, а все находившиеся внутри люди обязаны были подвинуться.

Он остановился возле ринга и коротко пожал руку главному тренеру. Затем посмотрел на меня.

Я знал этот взгляд с детства. Быстрый осмотр — плечи, осанка, выражение лица. Проверка товара перед продажей.

— Опоздал на разминку? — спросил отец, когда я подошёл.

— Нет. Начал раньше. Сейчас перерыв перед работой на лапах.

Он кивнул, но одобрения в этом движении не было.

— Посмотрим, не потратил ли ты силы впустую. На прошлой записи ты слишком высоко поднимал подбородок после правого прямого.

— Мы разобрали этот момент с Тео.

— Значит, сегодня я не должен его увидеть.

Я почувствовал, как напряглась шея. Ответить хотелось резко, почти грубо. Вместо этого я заставил себя разжать зубы.

— Не увидишь.

Отец поправил манжет пальто.

— Надеюсь. У тебя впереди серьёзный бой. Спонсорам нужен человек, который умеет контролировать себя, а не парень, устраивающий истерики из-за тренировочного расписания.

Он произнёс это достаточно тихо, чтобы окружающие не разобрали слов. Именно так он разговаривал со мной всегда, когда хотел унизить и сохранить видимость заботы.

— Этот вопрос уже закрыт, — сказал я.

— Тогда почему о нём знает половина клуба?

Я не ответил. Отец наклонился ближе.

— Слушай внимательно, Ашер. Тебя любят, пока ты выигрываешь. Люди, которые сейчас улыбаются тебе в коридорах, завтра будут обсуждать твоё поражение за ужином. Не давай им повода.

В его голосе не было злости. Только уверенность человека, который считает жестокость разновидностью полезного совета.

— Я знаю, как устроен спорт, — произнёс я.

— Тогда веди себя соответственно.

Он отступил и повернулся к тренеру. Разговор для него

закончился.

Я стоял на месте, чувствуя, как поднимается знакомая горячая волна. В четырнадцать лет я боялся его молчания после поражения. В двадцать восемь всё ещё ждал хотя бы одного предложения без слова «недостаточно».

За моей спиной кто-то осторожно передвинул стул. Я обернулся.

Блэр стояла у бокового прохода с папкой и несколькими гостевыми пропусками. Она явно направлялась к столу регистрации и остановилась, когда отец заговорил. Я не знал, сколько она услышала. Достаточно, судя по тому, как изменилось её лицо.

Она не смотрела на меня с жалостью. Это было бы легче перенести. В её взгляде появилась тихая, внимательная серьёзность, будто она увидела трещину там, где я годами изображал гладкую стену.

Я резко отвернулся.

Пусть ненавидит мою грубость. Пусть считает высокомерным идиотом. Только не это.

На разминке я бил по лапам сильнее, чем требовалось.

Тео принимал удары, слегка смещаясь назад, и каждые несколько комбинаций заставлял меня начинать заново. Джеб. Правый прямой. Шаг в сторону. Левый хук по корпусу. Выход с линии атаки. Я знал рисунок работы так хорошо, что мог бы выполнить его с закрытыми глазами. Но сегодня постоянно ускорялся на полудара, будто пытался до-

гнать собственную злость.

— Не спеши, — сказал Тео, опуская лапы. — Ты вкладываешься в первый удар и остаёшься открытым после второго.

— Я контролирую дистанцию.

— Нет. Ты пытаешься доказать кому-то, что сильнее. Лиам не будет стоять на месте, пока ты это делаешь.

Я резко выдохнул и отошёл к канатам. В груди глухо стучало сердце. Отец разговаривал с кем-то из приглашённых, время от времени поглядывая на ринг. Я старательно не смотрел в его сторону.

— Слушай мой голос, а не его, — тихо произнёс Тео.

Я встретился с ним взглядом. Он не уточнил, о ком говорил.

— Ещё раз, — попросил я.

На этот раз удары легли точнее. Тело постепенно вспомнило порядок вещей: движение начинается со стоп, сила проходит через корпус, плечо не должно опережать бедро. Когда я перестал пытаться победить невидимого противника, воздух стал проходить в лёгкие свободнее.

Перед выходом на спарринг врач проверил моё плечо и убедился, что ограничений по движению нет. Тренер напомнил правила: защитные шлемы, большие перчатки, капы, контролируемая сила, немедленная остановка по команде. Никаких попыток добить партнёра после сигнала. Здесь отрабатывали технику, а не выясняли, кто кому больше должен.

Лиам Харпер поднялся на ринг первым. Светловолосый, коренастый, с длинными для своего роста руками, он двигался мягко и экономно. Мы коснулись перчатками. Он посмотрел мне прямо в глаза.

— Давай сегодня без войны, Кейн, — сказал он негромко. — Мне ещё домой ехать.

— Тогда не стой на месте, — ответил я.

Лиам усмехнулся.

— Вот это уже похоже на рабочий разговор.

Тренер дал сигнал.

В первом раунде я не торопился.

Лиам работал из стойки левши: правая нога впереди, правая рука искала мою защиту коротким джебом, левая оставалась готовой для прямого. Я двигался по внешней стороне его передней стопы, стараясь не выходить на линию сильной руки. Под подошвами поскрипывал настил. В шлеме было жарче, чем на обычной тренировке; дыхание возвращалось к лицу влажным воздухом. Мне нужно было сохранять собственный ритм и постепенно сбивать его ритм.

Он дважды проверил меня передней рукой. Первый джеб я встретил перчаткой, второй ушёл мимо после короткого уклона. Ответил прямым в защиту, не вкладываясь, и сместился вправо.

— Не застывай после атаки! — крикнул Тео из моего угла.

Я сделал шаг, разорвал дистанцию. Лиам попытался поймать меня левой навстречу, но я успел убрать голову и по-

чувствовал только скользящее касание по шлему.

Так выглядел правильный спарринг. Не красиво для зрителей — зато честно для тела. Ты изучаешь человека напротив: как он переносит вес, когда моргает, что делает плечом перед ударом. Иногда целая минута уходит на то, чтобы понять одну привычку.

К концу раунда я заметил, что Лиам после двойного джеба чуть задерживает переднюю ногу. На последней комбинации обманул его движением плеча, шагнул наружу и коснулся перчаткой корпуса под локтем. Он тут же закрылся, а я отошёл до ответного удара.

Прозвучал сигнал.

Я вернулся в угол. Тео снял с меня капу, подал воду и говорил спокойно, не повышая голоса ради публики.

— Хорошо. Он отдаёт тебе внешнюю сторону, когда отступает. Но не гоняйся за ней любой ценой. Держи центр, заставляй его ошибаться. И перестань проверять, кто на тебя смотрит.

Я резко поднял глаза.

— Я смотрю на соперника.

— Пока да. Так и продолжай.

На противоположной стороне ринга Лиам слушал своего тренера, согнувшись вперёд. Я заметил отца в первом ряду. Он сидел неподвижно, скрестив руки на груди. Чуть дальше у прохода Блэр что-то объясняла сотруднику с рацией.

Она подняла голову на звук сигнала. Наши взгляды встре-

тились на долю секунды. Блэр не улыбалась, просто внимательно следила за рингом. И всё же я почему-то задержался на её лице дольше, чем следовало. Первым отвёл глаза.

Во втором раунде Лиам прибавил.

Он начал поджимать меня к канатам, чаще работать по корпусу и не позволял спокойно выбрать угол для выхода. Один его левый прямой пришёлся в мои поднятые перчатки так плотно, что удар отозвался в предплечьях. Я сместился, встретил его коротким джебом и ответил двойкой в защиту.

В зале кто-то негромко одобрительно присвистнул. Я почти не слышал гостей. Звуки становились отдельными слоями: шорох подошв, резкий выдох Лиама, хлопок перчатки о перчатку, команда тренера, пронзающая общий гул.

На середине раунда Лиам неожиданно сменил ритм. Показал джеб, сделал паузу и ударил по корпусу. Я успел опустить локоть, но удар всё равно ощутимо встряхнул рёбра. Воздух вылетел из лёгких коротким хрипом.

Хорошо. Именно за этим мы сюда и пришли.

Я не стал отвечать сразу. Сделал полшага назад, заставил его потянуться за мной и встретил коротким прямым в защиту. Затем ушёл вправо, не оставаясь на линии его левой руки.

— Вот так! — донёсся голос Тео. — Думай, Ашер!

За десять секунд до конца Лиам попробовал прижать меня к канатам ещё раз. Я поднырнул под широкий удар и вышел сбоку. Тренер хлопнул в ладони, давая понять, что эпи-

зод закончен.

В углу Тео промокнул мне лицо полотенцем.

— Ты наконец здесь, — сказал он. — Не теряй это состояние.

Я кивнул. Сердце билось ровно, мышцы работали послушно. На несколько минут всё, что происходило за пределами ринга, действительно исчезло.

А потом я услышал отцовский голос.

— Он слишком осторожен, — сказал отец кому-то рядом. — Боится идти первым.

Фраза была произнесена негромко, но я узнал каждое слово. Внутри будто щёлкнул выключатель.

Тео тоже услышал. Я понял это по тому, как его ладонь замерла на моём плече.

— Смотри на меня, — произнёс он. — У нас техническая работа. Ты не обязан ничего доказывать людям у ринга.

Я кивнул слишком быстро.

Сигнал третьего раунда прозвучал, прежде чем я успел успокоиться.

Лиам двинулся ко мне, ожидая прежней осторожной работы. Я пошёл вперёд первым. Двойной джеб, правый прямой, шаг, ещё один удар. Он принял комбинацию на перчатки и отступил. Я продолжил давить.

Первые несколько секунд мне казалось, что всё получается. Лиам пятился, его плечи напряглись, он перестал задавать темп. Но я слишком увлёкся. Вместо того чтобы закон-

чить атаку и сместиться, сделал ещё один шаг по прямой.

Лиам увидел это раньше меня.

Его левая рука вылетела коротко и точно. Удар пришёлся в боковую часть шлема. Не нокаутирующий — мы оба работали в контролируемом темпе, — но достаточно плотный, чтобы голова дёрнулась, а зрение на мгновение смазалось. Под ногами качнулся настил.

Я отступил и поднял защиту. Во рту появился металлический привкус: я прикусил щёку.

— Стоп! — скомандовал тренер.

Мы разошлись. Он подошёл ко мне, внимательно посмотрел в глаза и спросил, ориентируюсь ли я, нет ли головокружения. Я ответил, что всё в порядке. Он не удовлетворился словами, заставил меня проследить взглядом за его пальцем и только после этого разрешил продолжить, предупредив обоих снизить темп.

За канатами стояла Блэр.

Она оказалась ближе, чем я думал. Папку прижимала к груди, свободная рука лежала на верхнем канате. Лицо у неё побледнело. Она смотрела не на публику и не на тренера — на меня.

На одну глупую секунду мне захотелось, чтобы она не видела этого удара. Не потому, что я боялся выглядеть слабым перед ней. По крайней мере, не только поэтому. В её глазах мелькнуло выражение, которого я раньше не замечал: внезапный страх, быстро спрятанный под привычной собранно-

стью.

Я вспомнил Ноя. Его улыбку перед тем самым боем. И то, как в тот вечер люди у ринга тоже сначала убеждали друг друга, что всё под контролем.

Желудок свело.

— Ашер, — позвал Тео. — Смотри сюда, смотри на меня.

Я перевёл взгляд на него.

— Работаем головой, — сказал он. — Если не можешь сосредоточиться, заканчиваем. Мне не нужен герой, который пытается наказать себя чужими руками.

Я хотел возразить, но тренер уже смотрел на меня так, что спорить было бессмысленно.

— Могу продолжать, — ответил я. — Спокойно.

Тео подержал паузу.

— Тогда покажи.

Оставшуюся часть третьего раунда я провёл осторожно. Не пытался вернуть пропущенный удар любой ценой. Работал джебом, менял дистанцию, уходил с линии атаки. Лиам тоже сбавил темп, и между нами снова появилась рабочая ясность, ради которой существовали такие тренировки.

Но в голове уже что-то изменилось.

После третьего раунда тренер собрал нас у канатов и объявил, что интенсивную часть на сегодня закончим. Четвёртый раунд оставим техническим: без силовых ударов, только перемещения, защита и лёгкие касания. Пятый и шестой отменили.

Отец поднялся со стула ещё до того, как тренер договорил.

Я увидел это краем глаза и ощутил знакомый прилив злости. Ему не понравится. Он скажет, что я недостаточно выложился, что тренер бережёт меня, что настоящий чемпион должен был отработать весь план.

На этот раз я не стал ждать его оценки.

Технический раунд прошёл ровно. Мы с Лиамом двигались по кругу, проверяли защиту, обозначали удары, не вкладываясь в них. Я несколько раз специально задержался на дальней дистанции, чтобы заставить себя не бросаться вперёд. Лиам заметил и одобрительно кивнул. Когда прозвучал финальный сигнал, мы коснулись перчатками и обменялись короткими словами благодарности.

— Хорошо поработали, — сказал он, тяжело дыша. — В третьем ты решил снести мне голову, но потом вспомнил, что у нас суббота, а не чемпионат мира.

Я выдавил улыбку.

— А ты вовремя напомнил, что нельзя идти по прямой с открытым подбородком.

— Для этого и нужны партнёры, — ответил Лиам. — Чтобы ошибки оставались в зале, а не на большом экране.

Я снял шлем и спустился с ринга. Тео протянул полотенце, а тренер попросил зайти к врачу ещё раз из-за контакта в третьем раунде. Я согласился без спора. Не хотелось превращать чужую заботу в очередной поединок.

Отец ждал возле выхода из зала.

— Четыре раунда вместо шести, — сказал он, когда я подошёл. — И в одном из них ты позволил левше поймать себя на элементарной ошибке.

Я остановился в двух шагах от него. За спиной ещё звучали голоса гостей, кто-то собирал оборудование, тренер объяснял Лиаму замечания по технике.

— Это был спарринг, — ответил я. — Мы остановили интенсивную работу после плотного контакта. Так и должно быть.

Отец посмотрел на меня с холодным удивлением.

— Ты оправдываешься?

— Объясняю решение тренера.

— Хороший боксёр не даёт повода принимать такие решения.

У меня напряглись пальцы, всё ещё стянутые бинтами.

— Хороший боксёр умеет остановиться, когда теряет контроль. Сегодня я допустил ошибку и исправил её. Это и была задача тренировки.

На секунду мне показалось, что он ударит меня словами сильнее, чем обычно. Но отец только выпрямился.

— С тех пор как вокруг тебя появились люди, готовые гладить по голове за посредственный результат, ты стал слишком доволен собой.

Я посмотрел на его лицо. На тонкие морщины возле глаз, на неподвижный рот. Когда-то мне казалось, что стоит вы-

играть ещё один титул — и это выражение изменится.

— Мне не нужно, чтобы меня гладили по голове, — сказал я. — Но и твои унижения не делают меня сильнее.

Он медленно прищурился.

— Осторожнее с тоном.

Внутри всё дрожало от желания сорваться. Я мог бы рассказать ему о четырнадцатилетнем мальчишке, который боялся возвращаться домой после поражения. О тренировках, где похвала доставалась реже, чем отдых. О том, что даже теперь, стоя перед ним взрослым мужчиной, я ждал приговора. Но вокруг были люди, и я знал: каждое лишнее слово он использует против меня.

— Я пойду к врачу, — произнёс я. — Разговор закончен.

Отец отступил в сторону, однако напоследок бросил:

— Не забывай, кому ты обязан всем, что имеешь.

Я прошёл мимо, не ответив.

В коридоре воздух показался холодным. Я шёл быстро, чувствуя, как стучит кровь в висках. Внутри было столько злости, что хотелось ударить кулаком в стену. Но я только сильнее сжал полотенце.

И услышал позади:

— Кейн, подожди.

Блэр догнала меня возле поворота к медицинскому кабинету.

Она шла быстро, удерживая папку под мышкой, и, остановившись, несколько секунд переводила дыхание. Я смот-

рел на неё, пытаясь угадать, сколько она видела. Не хотел спрашивать.

— Врач освободился, — сказала она. — Тео просил передать, чтобы ты не ушёл, пока тебя не осмотрят.

— Я как раз туда и иду.

Ответ прозвучал резче, чем я намеревался. Блэр заметила это сразу: её плечи слегка расправились, подбородок поднялся.

— Тогда отлично. Мне не придётся снова искать тебя по всему зданию. Сегодня и без того хватает людей, которые считают, что правила написаны для кого угодно, только не для них.

Я остановился. В её голосе не было насмешки — лишь усталость после напряжённого утра. Но моя злость уже искала выход.

— Ты можешь хотя бы пять минут не читать мне лекции? — Я сам не заметил, как повысил голос.

Блэр замерла. Затем медленно переложила папку из одной руки в другую.

— Я сообщила, что врач свободен. Если это теперь считается лекцией, боюсь представить, как ты переживаешь настоящие разговоры.

— Ты прекрасно поняла, что я имел в виду.

— Нет, Ашер. Я как раз пытаюсь понять. Ты только что вышел с ринга, тебе нужно пройти осмотр, а ты разговариваешь со мной так, будто я лично виновата в твоём плохом

настроении.

Я резко выдохнул. Хотел сказать, что она ничего не знает. Что отец умеет превращать любой мой результат в поражение. Что рядом с ней мне всё труднее держать себя в руках. Но признаться в этом значило впустить её туда, куда я почти никого не пускал.

— Не вмешивайся в то, что тебя не касается, — отрезал я.

На её лице что-то изменилось. Не обида — по крайней мере, не та, которую легко заметить. Скорее решение отступить на шаг и закрыть дверь, которую она даже не собиралась открывать.

— Хорошо, — произнесла Блэр тихо. — Тогда давай определимся. Я отвечаю за расписание и организацию работы клуба. Это касается меня. Твои отношения с окружающими — нет. Но если ты снова решишь сорваться на мне из-за чужих слов, я не буду молчать только потому, что у тебя тяжёлый день.

Она не повышала голос. От этого её слова звучали особенно отчётливо.

— Ты не знаешь, что произошло, — сказал я уже тише.

— И не обязана знать. — Она посмотрела прямо на меня. — Но то, что кто-то привык причинять тебе боль, не даёт тебе права причинять её другим, Кейн.

Я застыл.

Она произнесла это без победной усмешки. Не как человек, который нашёл удачную колкость, а как тот, кто увидел

чужую рану и отказался позволить превратить её в оружие.

Я почувствовал, как злость внутри меня оседает, оставляя после себя что-то тяжёлое и стыдное.

— Ты слышала разговор, — произнёс я.

Блэр чуть помедлила.

— Не весь. Я не собиралась подслушивать. Просто он говорил достаточно громко, чтобы я поняла: ты не обязан терпеть такое.

Я усмехнулся без веселья.

— Ты удивишься, сколько лет человек может терпеть то, что ему не нравится.

Она опустила взгляд на мои руки. Бинты были испачканы, пальцы всё ещё сжимали полотенце. Затем снова посмотрела мне в лицо.

— Не думаю, что удивлюсь, — ответила она. — Иногда кажется, будто если долго молчать, другого способа жить уже нет. А потом выясняется, что выбор всё-таки был. Пусть и неприятный.

Я хотел спросить, о чём она подумала. О Ное? О матери? О самой себе? Но её лицо было таким закрытым, что вопрос показался бы вторжением.

Между нами повисла тишина. За дверью медицинского кабинета щёлкнул замок, кто-то позвал пациента по фамилии. Мы оба одновременно повернули головы на звук, и это странным образом разрядило напряжение.

— Ты прав в одном, — сказала Блэр. — Я не знаю всей

твоей жизни. Но видела, как ты вернулся к работе после пропущенного удара. Ты не стал мстить партнёру. Послушал тренера. Это выглядело сильнее, чем если бы ты продолжил бросаться вперёд.

Я смотрел на неё, не находя ответа.

Мне всю жизнь объясняли, что сила — это не останавливаться. Блэр только что назвала силой противоположное.

— Ты разбираешься в боксе лучше, чем утверждаешь, — сказал я наконец.

Её лицо напряглось.

— Я знаю достаточно, чтобы понимать, чем заканчивается, когда люди игнорируют опасность.

Слова повисли между нами. Я вспомнил её брата и почувствовал, как внутри холодеет.

— Блэр…

Она покачала головой.

— Не надо. Пора к врачу.

Я кивнул. Она уже собиралась уйти, когда я произнёс:

— Прости, что сорвался на тебе.

Блэр остановилась. Повернулась не сразу, будто проверяла, правильно ли расслышала.

— Спасибо, — сказала она. — Но, Ашер, извинение имеет смысл, только если в следующий раз ты попробуешь поступить иначе.

Она ушла по коридору, а я остался стоять у двери, сжимая полотенце в руке.

Врач осмотрел меня тщательно: проверил реакцию зрачков, равновесие, задал несколько вопросов о самочувствии и головной боли. Я отвечал честно. Головокружения не было, тошноты тоже, но после контакта он всё равно велел следить за симптомами и воздержаться от дальнейшей контактной работы до повторной оценки. Я не спорил.

Когда я вышел, коридоры уже опустели. Гости разъезжались, сотрудники убирали временные ограждения. Джейс помогал складывать стулья, громко жалуясь на то, что за тяжёлый физический труд ему не выдали медаль. Где-то внизу Блэр отвечала на звонок. Я различил её голос и неожиданно замедлил шаг.

Мне хотелось спуститься, сказать ей что-нибудь обычное. Спросить, успела ли она поесть. Поблагодарить за то, что сказала после спарринга. Возможно, впервые за всё время поговорить без попытки выиграть спор.

Я даже сделал шаг к лестнице.

— Кейн.

Голос прозвучал из бокового коридора.

Я обернулся.

Марк Роуэн стоял у двери переговорной. На нём был светлый плащ, под которым виднелся дорогой костюм. Он держал телефон в одной руке и улыбался так, будто мы договорились встретиться за кофе.

— Наконец-то, — произнёс он. — Я уже начал думать, что ты решил меня избегать.

Я посмотрел на пустой коридор за его спиной. Потом на стеклянную дверь, через которую ещё можно было увидеть людей у стойки регистрации.

— Тебе не стоило приходить сюда, — сказал я.

— Ты сам знаешь, что разговор давно назрел. — Он приблизился на шаг, не теряя улыбки. — Особенно теперь, когда сестра Уинстона работает буквально в нескольких метрах от тебя.

Я почувствовал, как кровь ударила в виски.

— Не произноси её имя.

Роуэн слегка поднял брови.

— Значит, ты уже познакомился. Интересно. Я-то думал, ты постараешься держаться от этой семьи подальше.

Я заставил себя опустить плечи. За годы на ринге я научился отличать удар от провокации. Роуэн хотел, чтобы я сорвался. Чтобы начал угрожать ему посреди клуба, где повсюду были камеры.

— Говори, зачем пришёл.

Он перестал улыбаться.

— Ты помнишь, как перед боем Ноя организаторы свели вас на обязательный предматчевый инструктаж? — спросил Роуэн. — Тебе тогда попался на глаза предварительный лист допуска. Там было требование повторного осмотра. А вечером вам объявили, что оба спортсмена допущены.

Я смотрел на него, не двигаясь.

— Мне не давали медицинскую карту Ноя, — ответил я.

— Я видел только лист для участников инструктажа. И окончательного заключения мне не показывали.

— Конечно. Но видел достаточно, чтобы понять: там не всё чисто. А потом предпочёл заняться собственной карьерой.

Каждое слово попадало в место, которое я два года пытался закрыть.

— Что тебе нужно? — повторил я.

Роуэн помолчал. Впервые за весь разговор его лицо стало настороженным.

— Скоро начнут задавать вопросы. У некоторых людей появились копии старой переписки. Я хочу знать, что ты собираешься говорить, если к тебе придут за комментариями.

Я коротко усмехнулся.

— То есть ты пришёл не предупредить меня. Ты пришёл убедиться, что я снова промолчу.

Он развёл руками.

— Называй как хочешь. Тебе есть что терять. Мне тоже. Мы оба понимаем, насколько разрушительной может оказаться эта история.

Внизу раздался смех Джейса. Затем я услышал Блэр: она кого-то благодарила за помощь и просила не забыть пропуск на выходе.

Роуэн проследил за тем, как изменилось моё лицо.

— Не советую делать из этого личную драму, — сказал он тише. — Особенно из-за девушки, которая пока ничего

не знает.

Я шагнул ближе, но остановился, прежде чем расстояние между нами стало угрозой.

— Не приближайся к ней, — произнёс я. — И не пытайся использовать её, чтобы договориться со мной.

Он посмотрел на меня долгим, неприятным взглядом.

— Тогда решай быстрее, на чьей ты стороне, Кейн.

Роуэн развернулся и ушёл по коридору, оставив после себя запах дорогого парфюма и чувство, будто стены клуба внезапно стали теснее.

Я стоял неподвижно, пока не перестал слышать его шаги.

«Решай, на чьей ты стороне».

Два года назад я уже сделал выбор. Тогда мне казалось, что молчание не равно лжи. Теперь я понимал: иногда именно молчание позволяет лжи прожить достаточно долго, чтобы разрушить чужую жизнь.

Я спустился к выходу, когда в холле почти никого не осталось.

Блэр стояла за стойкой регистрации и складывала пропуска в коробку. Она выглядела уставшей: волосы окончательно выбились из причёски, а плечи опустились так, будто только теперь она позволила себе почувствовать тяжесть длинного дня.

Я остановился в нескольких шагах. Она подняла голову.

— Ну что, чемпион, врач тебя отпустил? — спросила она. Голос звучал ровно, но в глазах мелькнуло беспокойство, ко-

торое она тут же попыталась скрыть.

— Да. Сегодня без тренировок.

— Удивительно разумное решение. Надеюсь, ты не собираешься оспаривать его в письменной форме.

Я покачал головой.

— Не сегодня.

Она чуть прищурилась. Видимо, мой ответ оказался недостаточно язвительным, чтобы соответствовать её ожиданиям.

— Тогда день действительно необычный, — сказала Блэр, закрывая коробку. — Кстати, Лиам попросил передать, что ты хорошо отработал последние минуты. Он сказал, что после третьего раунда вы оба наконец вспомнили, зачем вообще проводят спарринги.

Я почувствовал слабую улыбку.

— Он прав.

Блэр смотрела на меня несколько секунд. Потом отвела глаза к списку и осторожно разгладила загнувшийся угол страницы.

— Ты сегодня выглядел очень злым, — произнесла она, не поднимая головы. — Не только после разговора с отцом. Ещё до начала.

Я мог снова сказать, что её это не касается. Мог спрятаться за привычным раздражением, оттолкнуть её, пока она не подошла слишком близко к тому, что я скрывал.

Но после разговора с Роуэном слова «не твоё дело» пока-

зались особенно подлыми.

— Был сложный день, — ответил я. — И я сделал его хуже, чем должен был.

Она подняла взгляд. В её лице не было торжества.

— По крайней мере, ты это заметил.

Я посмотрел на её руку, лежавшую на краю стойки. На тонкий браслет на запястье, на чернильное пятнышко возле большого пальца. Вспомнил, как она смеялась утром с Джейсом, и неожиданно понял, что мне не хочется отнимать у неё эту лёгкость. Даже если она никогда не будет смеяться так рядом со мной.

Это открытие оказалось неприятнее ревности.

— Блэр, — сказал я.

Она чуть наклонила голову.

— Что?

Я хотел спросить, как Ной. Хотел узнать, почему она работает без выходных и спит ли по ночам. Хотел сказать, что есть вещи, которые она должна узнать не от посторонних. Но ни один вопрос не был честным, пока я продолжал скрывать главное.

— Спасибо за то, что сказала сегодня в коридоре, — произнёс я наконец. — Я не собираюсь делать вид, что мне понравилось это слышать. Но ты была права.

Она удивлённо моргнула, затем опустила взгляд. Уголок её рта едва заметно дрогнул.

— Сохраню этот день в календаре, — сказала Блэр. —

Ашер Кейн признал, что кто-то другой может быть прав.

Я усмехнулся.

— Не привыкай, Уинстон.

— Не собиралась. У меня слишком много работы, чтобы надеяться на чудеса.

Она закрыла папку и перекинула сумку через плечо. Я отступил, освобождая ей проход. На секунду мы оказались рядом — достаточно близко, чтобы я уловил лёгкий запах её шампуня сквозь кофе и пыль спортивного зала.

Она посмотрела на меня снизу вверх.

— Береги голову, Кейн. Хотя бы иногда.

Блэр кивнула и направилась к дверям. Я смотрел, как она выходит в вечерний свет, как поправляет ремень сумки на плече и исчезает за стеклом.

Мне хотелось окликнуть её.

Я не окликнул.

Телефон завибрировал в кармане. Сообщение от Тео:

«Роуэн уехал. Нам нужно поговорить сегодня. И на этот раз без отговорок».

Я посмотрел на закрывшуюся за Блэр дверь.

Ещё утром меня раздражало, что она смеётся над шутками Джейса. Теперь я думал о том, как быстро её улыбка исчезнет, когда правда наконец выйдет наружу.

На ринге я пропустил удар, потому что позволил злости ослепить себя. За его пределами уже два года жил с последствиями куда более страшной ошибки.

Мне стало ясно: если я снова выберу молчание, то потеряю не только уважение Блэр. Я окончательно перестану уважать самого себя.

Глава 8

БЛЭР

Сегодня я должна была увидеть Ноя.

Эта мысль не отпускала меня с самого пробуждения. На кухне Мэдисон стучала ложкой о край чашки, пахло кофе и подгоревшим тостом, а я сидела на кровати, держа телефон обеими руками.

Мама написала полчаса назад: «Ной сегодня спокойнее. После завтрака будет заниматься с терапевтом. Приезжай к одиннадцати, если получится».

Если получится.

Как будто существовала причина, по которой я могла бы не приехать. Я ждала воскресений всю неделю — и боялась их. В клинике можно было взять брата за руку, услышать его голос, убедиться, что он рядом. Но там же приходилось видеть, насколько сильно изменилась наша жизнь.

На экране появилось служебное уведомление из Northline: обновлённый график на понедельник. Я открыла его машинально и заметила фамилию Кейна рядом с утренней физиотерапией. Перед глазами возник вчерашний спарринг и лицо Ашера после разговора с отцом.

Я перевернула телефон экраном вниз.

Сегодня я хотела думать только о брате.

— Если ты ещё жива, подай знак! — крикнула Мэдисон

из кухни. — Я приготовила завтрак. Выглядит сомнительно, но свидетели мне пригодятся.

— Если твой тост снова напоминает уголь, я вызову пожарных, — ответила я и наконец выбралась из постели.

Я натянула старую толстовку Ноя — тёмно-зелёную, с выцветшими буквами университетской команды. Она была велика мне на два размера. На левом манжете сохранилось пятнышко краски: несколько лет назад брат помогал перекрашивать мою комнату и уверял, что малярный скотч придумали трусы.

Я до сих пор носила её по утрам, когда особенно сильно скучала.

Мэдисон стояла возле плиты в пижамных шортах и футболке с надписью, которую сама называла «философией выживания». Увидев меня, подруга приподняла тарелку с двумя вполне съедобными тостами.

— Прошу заметить, сегодня ни один продукт не пострадал. Я взрослею.

— Мне даже немного грустно. Раньше завтрак с тобой был приключением с риском для жизни.

Она поставила тарелку передо мной и внимательно посмотрела на толстовку.

— К Ною сегодня?

Я кивнула, усаживаясь на высокий табурет. Мэдисон не стала спрашивать, волнуюсь ли я. За последние месяцы она научилась отличать дни, когда мне нужны вопросы, от дней,

когда достаточно молча подвинуть ко мне чашку.

— Мама сказала, он спокойнее. После смены препаратов ночи стали тяжёлыми, но вчера осложнений не было.

— Это хорошие новости, Блэр.

— Я знаю. — Я обхватила чашку ладонями. — Просто теперь каждую хорошую новость я будто проверяю на наличие мелкого шрифта. «Сегодня лучше», и сразу хочется спросить, на сколько часов.

Мэдисон села напротив. Она не улыбалась.

— Можно радоваться и бояться одновременно, Блэр. Не нужно делать вид, что всё хорошо каждую минуту.

Я опустила взгляд на кофе. На поверхности дрожал маленький круг света от лампы.

— Когда он был здоров, — произнесла я после паузы, — я могла не отвечать ему на сообщения по полдня. Он присылал глупые фотографии, спрашивал, поела ли я, а я закатывала глаза и писала: «Ной, перестань вести себя как моя вторая мама». Теперь я храню даже голосовые, где он просто просит купить молоко.

Мэдисон потянулась через стол и накрыла мои пальцы своей ладонью.

— Ты скучаешь по обычному, — тихо сказала она. — По тому, что раньше даже не замечала.

Я сглотнула. Её слова попали так точно, что на мгновение захотелось отвернуться.

— Да. По обычному. По тому, как он воровал картошку

с моей тарелки. По его ужасной музыке в машине. По тому, что он называл меня Кнопкой, хотя я давно перестала быть маленькой.

— Он и сейчас может тебя так называть.

— Может, — согласилась я. — Просто ему трудно говорить. И я боюсь, что начну ждать от него того, чего он пока не может дать.

Мэдисон крепче сжала мою руку.

— Тогда сегодня просто побудь с ним.

Я подняла на неё глаза. Она уже улыбалась — осторожно, без попытки превратить всё в шутку.

— И поешь нормально, — добавила подруга. — Иначе он первым делом спросит, почему ты опять питаешься кофе и упрямством.

Я рассмеялась. Смех вышел неровным, но настоящим.

— Он именно так и скажет.

— Значит, у вас обоих отвратительный вкус в вопросах самосохранения.

Мы доели тосты, и только когда я встала мыть чашку, Мэдисон будто невзначай спросила:

— А как прошёл вчерашний спарринг?

Я слишком быстро повернулась к раковине.

— Шумно. Мужчины били друг друга по голове, остальные делали вид, что это важнейшее событие недели.

— Очень содержательно. Тебя можно отправлять спортивным корреспондентом.

— Там были спонсоры, отец Кейна, люди из промоутерской компании. Ашер весь день был на взводе.

— Ты заметила? — Мэдисон приподняла бровь.

— Это было сложно не заметить. Он чуть не снёс сопернику голову на тренировочном ринге.

— Я спрашиваю не о спарринге.

Я вытерла руки полотенцем, хотя они уже были сухими.

— Мэдисон, пожалуйста. Я не собираюсь обсуждать, насколько несчастным выглядит Ашер Кейн. У него есть друзья.

— Ладно. — Она подняла ладони. — Просто ты уже второй раз за пять минут произносишь его имя.

Я бросила в неё кухонным полотенцем. Мэдисон поймала его и рассмеялась.

Мне было проще рассердиться, чем признать, что вчерашний взгляд Ашера не выходил у меня из головы. Особенно после разговора с отцом. На ринге Кейн двигался так, будто контролировал каждую секунду. Рядом с отцом на мгновение потерял эту уверенность.

Но чужая боль не превращала его в загадку, которую я обязана разгадать.

Я напомнила себе об этом, собирая сумку.

По дороге в клинику я зашла в маленький магазин на углу и купила пакет кислых мармеладных полосок.

Они лежали у кассы в яркой упаковке, совсем не подходившей к серому воскресному утру. Ной обожал их с под-

росткового возраста. Когда мы были детьми, он покупал два пакета, один отдавал мне, а второй прятал в карман куртки. Потом утверждал, что мой исчез исключительно из-за «естественной убыли сладостей», и делал такое невинное лицо, что даже мама не могла не улыбнуться.

Я стояла у полки чуть дольше, чем нужно.

Врачи следили за тем, что Ной мог есть, я не собиралась нарушать их рекомендации. Но мне хотелось принести не только свежие носки, документы и очередной увлажняющий крем. Хотелось принести что-нибудь из нашей прежней жизни. Пусть даже просто упаковку, которую он узнает.

В метро пахло влажными пальто и железом. Напротив меня сидела девочка лет восьми и без умолку рассказывала старшему брату о школьном спектакле. Мальчик изображал равнодушие, но каждый раз, когда поезд дёргался, придерживал её за плечо.

Я смотрела на них слишком долго. Девочка заметила мой взгляд и смущённо спряталась за шарфом.

— Извините, — пробормотала я и отвернулась к окну.

В стекле отражалось моё бледное лицо. За ним мелькали стены тоннеля. Я вспомнила, как Ной учил меня ездить на метро одной. Он стоял на платформе и говорил, что я справлюсь, а сам до последнего следил, не испугалась ли я.

«Если заблудишься, звони. Даже если это будет три часа ночи, Кнопка. Особенно если три».

Тогда мне казалось, что он слишком драматизирует.

Теперь я бы отдала многое, чтобы услышать это снова тем прежним, уверенным голосом.

В холле клиники было тепло и слишком светло. У стойки регистрации стоял букет белых хризантем, а рядом работал автомат с кофе, от которого пахло пережжёнными зёрнами. На стене висели фотографии людей, улыбающихся после реабилитации. Я старалась не задерживать на них взгляд: чужие счастливые финалы иногда помогали, а иногда делали ожидание невыносимым.

Мама ждала меня возле лифта.

За последние месяцы она словно уменьшилась. Не ростом — мама по-прежнему держала спину прямо и старалась аккуратно укладывать волосы, — но чем-то невидимым, что раньше заполняло вокруг неё пространство. Сегодня на ней был тёмно-синий кардиган, который я помнила ещё со школы. Она улыбнулась, увидев меня, и сразу потянулась поправить воротник моей куртки.

— Ты опять без шарфа. На улице холодно, Блэр.

— Мам, мне двадцать три. Я умею определять температуру воздуха.

— Это никак не мешает тебе одеваться так, будто ты заключила с простудой мирный договор.

Я обняла её. Сначала осторожно, чтобы не помять сумку, потом крепче. Мама выдохнула мне в волосы, и на несколько секунд мы просто стояли посреди холла, не произнося ни слова.

— Как он? — спросила я, когда мы отстранились.

— Сегодня лучше. Утром занимался с логопедом, потом устал. Но когда я сказала, что ты приедешь, попросил меня открыть окно. Представляешь? Сказал, что ты опять принесёшь с собой «весь городской шум».

Я улыбнулась, чувствуя, как к горлу подступает что-то горячее.

— Это похоже на него.

Мама заметила пакет мармелада, торчавший из сумки.

— Ты всё ещё покупаешь их?

— Только чтобы он видел упаковку. Я спрошу у врача, можно ли ему хотя бы одну полоску.

— Спроси. — Она погладила меня по щеке. — Ему понравится, что ты вспомнила.

Мы поднялись на четвёртый этаж. По коридору медленно шёл пожилой мужчина с ходунками, рядом медсестра подбадривала его после каждого шага. За одной дверью звучала тихая музыка, за другой кто-то смеялся. Жизнь здесь не останавливалась; она просто измерялась другими расстояниями и победами.

Перед палатой Ноя я привычно задержалась.

Всего на секунду.

Я делала так каждый раз, словно могла оставить за дверью свой страх и войти к брату только с хорошими новостями.

Мама заметила паузу, но не стала торопить.

Я постучала и открыла дверь.

Ной сидел в кресле у окна, накрытый клетчатым пледом. За стеклом серело небо, по ветвям голого дерева перебегали мелкие птицы. На подоконнике стояла фотография нас двоих: он обнимал меня за плечи, я смеялась с закрытыми глазами. Снимок был сделан за год до боя.

Брат повернул голову не сразу. После травмы некоторые движения давались ему медленнее, и я научилась ждать, не подталкивая его ни словом, ни жестом. На правой стороне лица у него остался тонкий шрам возле виска. Его пальцы лежали на подлокотнике, и один слегка подрагивал от усилия.

А потом Ной увидел меня.

Уголок его рта поднялся. Не так широко, как прежде, зато совершенно узнаваемо.

— Кноп… ка, — выговорил он с паузой.

Я почувствовала, как в груди что-то болезненно сжалось.

— Ну всё, — объявила я, заставляя себя улыбнуться. — Я приехала через полгорода, чтобы услышать это прозвище? Мог бы начать с «любимая сестра».

Ной тихо фыркнул. Это был короткий, неровный звук, но я узнала его смех мгновенно.

Я подошла, поставила сумку на стул и присела рядом так, чтобы наши глаза оказались на одном уровне.

— Привет, — сказала уже тише. — Я скучала.

Он посмотрел на меня внимательно, будто проверял, насколько правдивы мои слова. Потом медленно протянул ру-

ку.

Я взяла её обеими ладонями.

Его пальцы были тёплыми. Когда-то этими руками он ловил меня, когда я прыгала с гаражной крыши, учил завязывать шнурки на коньках и поднимал мой велосипед из канавы после неудачного поворота. Сейчас, чтобы сжать мои пальцы, ему требовалось сосредоточиться.

Он всё-таки сжал.

Я улыбнулась ещё шире, хотя глаза защипало.

— Вот так. Ты всё ещё сильнее меня. Это нечестно: я столько времени хожу в твой любимый спортивный центр, а мышцы так и не появились.

Ной приподнял бровь. Его взгляд опустился на мою толстовку, и он чуть заметно усмехнулся.

— Моя, — произнёс он.

— Формально да. Но срок исковой давности истёк. Ты оставил её у нас три года назад.

— Укра… ла.

— Я предпочитаю термин «взяла на бессрочное хранение».

Мама засмеялась у двери. Я услышала этот смех и вдруг поняла, как давно не слышала его таким лёгким.

Ной покачал головой. Медленно, с усилием, но совершенно по-старшему-братски неодобрительно.

Я достала мармелад.

— А ещё я принесла доказательство того, что в нашей се-

мье есть люди с хорошим вкусом.

Его лицо изменилось раньше, чем он успел произнести слово. В глазах вспыхнуло узнавание, потом весёлое недоверие. Он перевёл взгляд с пакета на меня и снова поднял бровь.

— Врач сначала разрешит, — быстро сказала я. — Не смотри на меня так. Я не собираюсь устраивать подпольную торговлю сладостями в реабилитационном отделении.

Ной шевельнул губами. Я наклонилась ближе, не желая заставлять его повторять без необходимости.

— Две, — разобрала я.

— Он торгуется, — сообщила я маме. — Даже сейчас пытается выбить две штуки вместо одной.

— Потому что знает, с кем имеет дело, — ответила мама.

Мы втроём рассмеялись, и на несколько секунд палата стала похожа на нашу кухню в те годы, когда самым большим семейным спором было количество сахара в чае.

Потом Ной устал. Я заметила это по тому, как его плечи опустились, а взгляд стал медленнее. Он не жаловался, но я уже научилась читать такие перемены.

— Давай я расскажу тебе новости, а ты просто послушаешь, — предложила я. — Обещаю, ничего скучного. Хотя про мою новую работу будет сложно рассказывать без ненормативной лексики.

Он повернул ко мне лицо с явным интересом.

— Работа? — спросил он, старательно разделяя слоги.

Мама села у окна и взяла вязание. Я знала, что она слушает, даже когда смотрит на петли.

— Да. Я устроилась координатором в Northline. Составляю расписание тренировок, слежу, чтобы взрослые мужчины не устраивали войны за квадратные метры, и пытаюсь объяснить людям, что часы существуют не только для украшения стен.

Я произнесла название центра осторожно. Ной когда-то тренировался там на сборах, и я не знала, как он отреагирует. Он опустил глаза на наши соединённые руки, потом снова посмотрел на меня.

— Тяжело? — спросил он.

От этого простого вопроса мне захотелось заплакать сильнее, чем от любого сочувствия.

Он сидел в реабилитационной палате, каждое слово давалось ему трудом, а всё равно спрашивал, тяжело ли мне.

— Иногда, — призналась я. — Но справляюсь. Мэдисон кормит меня завтраками, мама по-прежнему переживает из-за шарфа, а ты заставляешь терпеть спортивные шутки.

Ной внимательно смотрел на меня. Потом медленно коснулся пальцем края моей ладони — так он делал в детстве, когда хотел, чтобы я перестала шутить и сказала правду.

Я замолчала.

— Я боюсь, — произнесла я наконец почти шёпотом. — Не потому, что не верю в тебя, а потому, что не могу сделать за тебя ни одного шага. Мне хочется всё исправить, а я даже

не знаю, с чего начать.

Ной не ответил сразу. Он глубоко вдохнул, нахмурился, подбирая слова. Я видела, как много усилий ему стоила эта работа, и заставила себя не подсказывать.

— Ты… здесь, — сказал он наконец.

Я опустила голову.

— Да. Я здесь.

— Это… много.

В палате стало тихо. За окном хлопнула дверца автомобиля, в коридоре позвали медсестру. Я боялась пошевелиться и разрушить этот момент.

— Ты всегда делал для меня больше, — сказала я, осторожно вытирая щёку тыльной стороной руки. — Помнишь, как я боялась перейти дорогу возле школы? Ты держал меня за руку, даже когда твои друзья смеялись. И говорил, что ничего страшного, если мне нужно чуть больше времени.

Ной едва заметно кивнул.

— Так вот, — продолжила я, крепче сжимая его пальцы, — теперь моя очередь. Можешь идти сколько угодно медленно. Я никуда не уйду.

Его глаза заблестели. Он повернул ладонь и накрыл мои пальцы своими.

— Знаю, — сказал он тихо, но отчётливо.

Я не выдержала и прижалась лбом к его руке.

Я скучала по брату, который мог поднять меня одной рукой и смеялся над моими катастрофическими свиданиями.

Но рядом со мной был и другой Ной — упрямый, внимательный, иногда раздражённый, всё ещё способный утешать меня одним словом. Я боялась, что, оплакивая утраченное, не замечу человека, который каждый день сражается за возможность вернуться к себе.

Я подняла голову и улыбнулась сквозь слёзы.

— Только не вздумай использовать эту сцену против меня, когда снова начнёшь воровать мою картошку.

Ной с трудом, но вполне узнаваемо закатил глаза.

— Твою? — переспросил он.

— Вот именно. Мою. Не начинай.

Он рассмеялся, и я рассмеялась вместе с ним.

Позже пришла специалист по реабилитации, женщина по имени Лорен, с мягким голосом и привычкой сначала обращаться к Ною, а не к родственникам. Я была ей за это благодарна.

— Как насчёт короткой прогулки по коридору? — спросила она у брата, присев возле кресла. — Сегодня мы не будем гнаться за рекордами. Дойдём до окна и обратно, если ты сам захочешь.

Ной кивнул. На его лице появилась знакомая сосредоточенность, та, с которой он когда-то затягивал бинты перед тренировкой.

Я отступила к стене, пока Лорен помогала ему подняться. Рядом стояли ходунки. Ной ухватился за них, медленно перенёс вес на ноги и выпрямился. На лбу выступили капли

пота.

Моё сердце забилось так сильно, будто это мне предстояло сделать первый шаг.

— Хорошо, — спокойно сказала Лорен. — Не торопись. Почувствуй опору. Теперь левую ногу, совсем немного.

Он шагнул.

Движение получилось неровным, но он удержался. Потом ещё раз. Мама стояла рядом со мной, сложив руки перед собой так крепко, что побелели пальцы. Я хотела подбежать, поддержать, сделать что угодно, лишь бы брату стало легче.

Но Лорен была рядом. Ной справлялся сам.

На третьем шаге он остановился, тяжело дыша. Лорен предложила передохнуть. Ной раздражённо качнул головой и попытался сделать ещё один шаг. Нога дрогнула, и он резко выдохнул сквозь зубы.

— Ной, — начала я.

Он поднял на меня глаза. В них мелькнуло такое знакомое упрямство, что я осеклась.

— Не… командуй, — выговорил он.

Мама тихо ахнула, а я неожиданно улыбнулась.

— Извини. Профессиональная привычка. Теперь я составляю расписания людям, которые считают себя королями мира.

Ной чуть заметно усмехнулся, затем позволил Лорен помочь ему сесть.

Он не дошёл до окна.

Но прошёл несколько шагов. Сам. И когда я наклонилась, чтобы поправить плед, он поймал мою руку.

— Завтра… дальше, — сказал он.

— Я знаю. Только давай без героизма. Ты мне нужен не как победитель соревнования, а как мой брат. Даже если сегодня ты прошёл три шага, а завтра решишь весь день ругаться на больничную кашу.

Он нахмурился, изображая возмущение.

— Каша… ужас.

— Вот видишь. Важнейший вопрос современной медицины наконец решён.

Лорен рассмеялась и похвалила его за работу. Я заметила, как Ной выпрямился от этих слов. Ему было важно не только то, что мы любим его. Ему было важно, что его усилия видят.

Когда Ной задремал после занятий, мы с мамой вышли в небольшой коридорный уголок с двумя креслами и автоматом для воды.

Мама села, положила сумку на колени и некоторое время молча перебирала ремешок. Я знала этот жест. Она делала так, когда не хотела меня тревожить.

— Что случилось? — спросила я.

— Ничего нового. — Она посмотрела на меня и тут же отвела глаза. — Пришло письмо по поводу оплаты следующего этапа реабилитации. Они готовы обсудить рассрочку, но нужно внести часть суммы заранее.

Я села рядом. Внутри всё похолодело, хотя я ожидала

именно таких новостей.

— Сколько?

Мама назвала сумму. Я мысленно пересчитала зарплату, остаток на карте, деньги, которые удастся отложить в этом месяце. Цифры не сходились. Они почти никогда не сходились.

— Я возьму дополнительные смены, — сказала я.

— Блэр, ты только устроилась. Тебе нужно хоть иногда спать.

— Я справлюсь, мам. Правда.

Мама не улыбнулась.

— Я не хочу, чтобы ты считала, будто жизнь брата держится только на тебе.

Я посмотрела в сторону палаты. Сквозь приоткрытую дверь был виден край его кровати и полоска солнечного света, внезапно прорвавшегося через облака.

— Я так не считаю, — ответила я после паузы. — Но я хочу участвовать. Это не одно и то же.

— Я знаю. — Мама потёрла переносицу. — Просто иногда мне кажется, что я подвела вас обоих. Должна была раньше заметить, насколько серьёзно всё было после того боя. Должна была задавать больше вопросов.

Я резко повернулась к ней.

— Мам, нет. Ты не была его врачом. Не ты решала, допускать ли его к рингу, и не ты наносила удары. Пожалуйста, не бери на себя чужую ответственность.

Она закрыла глаза. Я увидела, как дрогнули её губы, и обняла её за плечи.

— Мы найдём способ. Я поговорю с бухгалтерией клиники, узнаю о программах помощи пациентам. Давай решать это вместе.

Мама прижалась щекой к моему виску.

— Ты так похожа на Ноя, когда начинаешь командовать.

— Вот уж сомнительный комплимент.

— Самый настоящий. Он тоже всегда считал, что сможет защитить всех сразу.

Я улыбнулась и прижала её крепче.

— Значит, у нас семейная проблема с характером.

Мама тихо засмеялась. В этом смехе всё ещё была усталость, но уже не было той беспомощности, которая звучала в её голосе минуту назад.

Перед уходом я вернулась к Ною. Он проснулся и смотрел на дерево за окном. Я поправила ему подушку, поставила пакет мармелада на тумбочку — врач разрешил одну небольшую полоску под присмотром, и брат уже успел объявить это недостаточной щедростью.

— В следующий раз принесу что-нибудь полезное, — пообещала я. — Например, сборник твоих самых ужасных шуток. Будем тренировать чувство юмора.

Ной прищурился.

— У тебя… нет, — сказал он.

Я приложила руку к груди.

— Ты только что поставил под сомнение моё чувство юмора? После всего, что я для тебя сделала?

Он улыбнулся. Потом посерьёзнел и медленно поднял руку к моему лицу. Кончиками пальцев коснулся моей щеки, словно хотел убедиться, что я действительно здесь.

— Живи, — произнёс он.

Я замерла.

— Что?

Он нахмурился, подбирая слова. Я ждала, хотя сердце колотилось где-то у горла.

— Не… только… здесь. — Он чуть сильнее коснулся моей щеки. — Живи, Кнопка.

Мне захотелось сказать, что без него прежняя жизнь не имеет смысла. Что я не могу смеяться без чувства вины, покупать новые вещи, строить планы на следующий месяц, когда его дни измеряются процедурами. Но он смотрел на меня так серьёзно, что я поняла: ему не нужна красивая ложь.

— Я пытаюсь, — прошептала я.

Ной медленно кивнул.

— Ещё… раз, — сказал он.

Я улыбнулась сквозь слёзы.

— Хорошо. Ещё раз.

Когда я вышла из палаты, мне пришлось остановиться у окна в конце коридора. За стеклом город сиял влажными крышами. Я прижала ладонь к холодной раме и долго смотрела на прохожих внизу.

Ной не просил меня спасать его любой ценой.

Он просил не исчезать из собственной жизни, пока я рядом с ним.

К вечеру дождь вернулся.

Я вышла из метро, подняла воротник куртки и поняла, что забыла зонт в клинике. Мэдисон написала, что задержится у подруги и принесёт ужин позже. Я ответила, что прогуляюсь немного, хотя на самом деле не хотела сразу возвращаться в квартиру. После палаты Ноя стены дома казались слишком тихими.

На соседней улице горел свет маленькой круглосуточной кофейни. Я зашла туда, заказала чай и села у окна. Внутри пахло корицей и свежей выпечкой. За стойкой бариста спорил с посетителем о том, можно ли считать молоко без кофе полноценным заказом.

Я раскрыла блокнот, чтобы записать вопросы для бухгалтерии клиники. Получилось всего три строчки. Потом я начала рисовать на полях маленькие квадраты, не замечая этого.

— Уинстон?

Голос прозвучал позади меня. Низкий, знакомый и совершенно неуместный в этом тихом месте.

Я подняла голову.

Ашер Кейн стоял возле стойки с бумажным стаканом в руке. На нём были тёмные джинсы и белый джемпер, подчёркивавший широкие плечи. Волосы потемнели от дождя,

несколько прядей прилипли ко лбу. На скуле оставалась краснота после вчерашнего спарринга. Он выглядел усталым, хотя держался всё с той же раздражающей уверенностью.

— Кейн, — произнесла я. — Надо же. Оказывается, ты существуешь за пределами спортивного центра.

Его взгляд задержался на мне, потом скользнул к блокноту и нетронутому чаю.

— Иногда меня выпускают. За хорошее поведение.

— Тогда сегодня у охраны выходной.

Он усмехнулся, но улыбка быстро исчезла. Я заметила, как он перенёс вес с одной ноги на другую, словно решал, стоит ли продолжать разговор.

— Ты ждёшь кого-то? — спросил он.

— Нет.

— Я хотел спросить, свободен ли стул, — ответил он, кивнув на место напротив.

Я посмотрела на него внимательнее. В его голосе не было обычной резкости. Скорее усталое желание не ссориться, которое почему-то насторожило меня сильнее очередной претензии.

— Садись, — сказала я.

Ашер поставил стакан на стол и сел. Стул оказался для него тесноват, колени почти коснулись края столешницы. Он отодвинулся, провёл ладонью по влажным волосам и посмотрел в окно.

Несколько секунд мы молчали. На стекле дрожали капли дождя, а за нашей спиной кофемашина выпускала пар с коротким сердитым шипением.

— Как плечо? — спросила я наконец.

Он повернул голову. В карих глазах мелькнуло удивление.

— Живое. Врач велел уменьшить нагрузку на пару дней. Тео уже составил список причин, по которым я обязан его послушаться.

— Тут я с Тео согласна.

Ашер опустил взгляд на стакан. Его пальцы медленно повернули картонную крышку.

— Я допустил ошибку, — сказал он.

— На ринге?

— И там тоже.

Я подняла брови. Он не стал объяснять. Впрочем, впервые это молчание не выглядело попыткой заставить меня чувствовать себя глупой. Скорее он искал слова, которые не привык произносить.

— Я видела, как твой отец разговаривал с тобой после спарринга, — сказала я осторожно. — Не слышала всего и не собираюсь делать вид, что понимаю ваши отношения. Но выглядело это неприятно.

Ашер медленно поднял на меня глаза. Лицо его стало неподвижным.

— Ты наблюдала?

— Я работала там, Кейн. Люди иногда оказываются в од-

ном коридоре. Я не пряталась за дверью с блокнотом.

Он сжал губы, и на секунду я решила, что сейчас начнётся знакомая перепалка. Ашер выдохнул, посмотрел на дождь и произнёс:

— Он всегда считает, что можно было лучше.

Я ждала продолжения. Он провёл большим пальцем по краю стакана.

— Когда я был младше, мне казалось, что однажды я выиграю достаточно, чтобы он просто сказал: «Хорошая работа». Без замечаний о слабом сопернике или опущенной руке. Просто сказал — и всё.

Я не знала, что ответить. Его признание прозвучало без жалости к себе, почти буднично.

— И что произошло, когда ты начал выигрывать? — спросила я.

Он усмехнулся одним уголком рта.

— Появились более сильные соперники. И новые причины быть недовольным.

Я посмотрела на его руки. На костяшках виднелись свежие ссадины, хотя он сидел спокойно, не сжимая кулаков. Впервые мне пришло в голову, что иногда человек может научиться бить так хорошо не потому, что любит драку, а потому, что всю жизнь пытается доказать кому-то собственную ценность.

— Мне жаль, что он так с тобой разговаривает, — сказала я. — Правда. Только знаешь, что меня злит?

Ашер посмотрел на меня с настороженным интересом.

— Подозреваю, список длинный.

— Сегодня речь не обо всём списке. — Я чуть наклонилась вперёд. — Ты знаешь, каково это, когда с тобой разговаривают так, будто твоих усилий никогда не достаточно. И всё равно иногда делаешь то же самое с другими. Со мной. С сотрудниками.

Он отвёл взгляд. На его челюсти обозначилась напряжённая мышца.

— Я знаю, что перегибаю.

— Знать и останавливаться — разные вещи.

— Думаешь, я этого не понимаю? — Его голос стал жёстче. Он тут же понизил его, заметив, что бариста обернулся. — Ты видишь меня несколько дней, Блэр. Не стоит думать, что ты уже разобралась во всём, что происходит у меня в голове.

Я почувствовала знакомый укол раздражения, но удержалась от мгновенного ответа.

— Я и не утверждала, что разобралась. Я говорю только о том, как ты обращаешься с людьми. Для этого мне не нужно знать всё твоё прошлое.

Он замолчал. За окном проехало такси, разбрызгав воду из лужи. Ашер проследил за ним взглядом, затем снова посмотрел на меня.

— Ты права, — произнёс он наконец.

Я едва не подавилась чаем.

— Кейн, предупреждай заранее. Я могла не пережить второго признания за неделю.

Он покачал головой, и на его лице мелькнула усталая улыбка.

— Я не обещаю стать приятным собеседником к понедельнику.

— Тогда я бы решила, что тебя подменили.

Он тихо рассмеялся. Не той короткой насмешкой, которой обычно сопровождал мои колкости, а настоящим смехом, низким и неожиданно тёплым. Я поймала себя на том, что смотрю на него слишком внимательно.

У Ашера было красивое лицо. Я знала это с первой встречи и считала совершенно несущественным фактом. Сейчас свет лампы смягчил резкую линию его скул, а усталость убрала из взгляда привычный вызов. На мгновение он выглядел просто мужчиной, который не знает, куда деть собственную боль.

Я отвела глаза к чашке.

— Ты сегодня необычно разговорчив, — сказала я, чтобы заполнить паузу.

— Возможно, ты впервые не пытаешься меня выгнать из кабинета.

— Потому что это не мой кабинет.

Его улыбка погасла чуть медленнее, чем появилась.

— Как прошёл твой день? — спросил он.

Вопрос застал меня врасплох. Я привыкла, что он интере-

суется расписанием, свободными залами и тем, кто виноват в очередной накладке. Но не тем, как прошёл мой воскресный день.

Я опустила пальцы на обложку блокнота.

— Навещала брата.

Ашер замер.

Перемена была незаметной: он перестал вращать стакан, плечи чуть напряглись, взгляд на мгновение опустился к моим рукам. Но я заметила. После недели рядом с Кейном я уже начала узнавать, как он прячет эмоции.

— Как он? — спросил он тихо.

— Сегодня прошёл несколько шагов с ходунками. — Я не смогла удержать улыбку. — Для тебя это, наверное, звучит смешно. Ты каждый день пробегаешь километры. А мы сегодня чуть не устроили праздник из-за трёх шагов по коридору.

Ашер резко поднял голову.

— Это не смешно, Блэр.

Он сказал так серьёзно, что я замолчала.

— Я видел людей после тяжёлых травм, — продолжил он. — Знаю, сколько усилий может стоить то, что со стороны кажется мелочью. Если твой брат сегодня сделал три шага, значит, он проделал большую работу.

Я смотрела на него, не находя слов. В его голосе не было жалости. Только уважение, и это заставило меня снова почувствовать ком в горле.

— Спасибо, — произнесла я. — Мне было важно это услышать.

Он кивнул, но взгляд его оставался тяжёлым.

— Он любит бокс? — спросил Ашер после паузы.

Вопрос удивил меня. Я обхватила чашку ладонями и задумалась.

— Любил. Очень. Даже когда я ненавидела запах его перчаток и шум телевизора по вечерам, он мог часами рассказывать, почему один боксёр вовремя ушёл в сторону, а другой слишком поздно опустил руку. Он говорил о ринге так, как другие говорят о музыке. — Я улыбнулась воспоминанию. — А ещё обещал научить меня защищаться, но каждый урок заканчивался тем, что я пыталась ударить его по ноге, а он смеялся.

Ашер смотрел на меня неподвижно. Я не могла понять выражения его лица.

— Ты говоришь о нём так, будто он больше не сможет заниматься тем, что любит, — сказал он наконец.

— Я не знаю, сможет ли. Он пока тоже не знает. — Я выпрямилась. — Но стараюсь не решать за него. Сегодня он сказал, что завтра пройдёт дальше. Вот и посмотрим.

Ашер кивнул. Его пальцы сжали стакан, и картон тихо хрустнул.

— Это правильно, — произнёс он.

Я заметила, что он не спросил имени брата. Может быть, просто не хотел лезть в чужую жизнь. Но в его молчании бы-

ло что-то ещё — напряжённое, почти болезненное.

— Ты как будто хочешь что-то сказать, — заметила я.

Он посмотрел на меня, и на секунду в его глазах мелькнуло то, чего я никак не ожидала: страх.

— Я хотел сказать, — медленно произнёс он, — что ты не обязана всё тащить одна.

Я невольно усмехнулась, хотя улыбаться не хотелось.

— Ты не первый, кто мне это говорит. Но иногда люди произносят такие вещи так легко, будто достаточно согласиться, и счета сами исчезнут, а врачи сообщат хорошие новости.

— Я не думаю, что это легко.

— Тогда что ты предлагаешь?

Он замолчал. Я увидела, как напряглась его челюсть. Возможно, я задала слишком прямой вопрос. Возможно, ему было привычнее решать проблемы деньгами и приказами, чем разговорами.

— Пока ничего, — ответил он наконец. — Не хочу обещать то, чего ты не просила.

Это был неожиданный ответ. И, пожалуй, единственный, который не вызвал у меня желания немедленно возразить.

— Хорошо, — сказала я. — Потому что я действительно не просила.

Он кивнул. Мы снова замолчали, но на этот раз тишина не была враждебной.

Я посмотрела на часы и обнаружила, что мы сидим вместе

почти сорок минут.

Сорок минут. С Ашером Кейном. Без единой попытки выгнать друг друга из помещения.

Это следовало считать тревожным событием.

— Мне пора, — сказала я, закрывая блокнот. — Завтра рано вставать. Некоторые люди считают, что тренировки в семь утра — разумная идея.

Ашер поднялся вместе со мной.

— Некоторые люди хотя бы не опаздывают на собственные тренировки.

— Зато приходят заранее, чтобы успеть поспорить с координатором.

Он взял свою куртку со спинки стула и, не надевая её, посмотрел на окно. Дождь усилился, стекло почти исчезло за струйками воды.

— У тебя есть зонт? — спросил он.

— Нет. Забыла в клинике. Но до дома недалеко.

Он достал из кармана складной чёрный зонт и положил на стол.

— Возьми.

Я посмотрела на него с подозрением.

— И что я должна за это подписать? Обязательство освободить тебе зал А на следующую неделю?

— Блэр, — устало усмехнулся он, — это просто зонт.

Я взяла его. Ручка была тёплой от его ладони.

— А ты как пойдёшь?

— У меня машина за углом. И куртка, которая, по словам продавца, переживёт конец света.

Я покачала головой.

— Спасибо. Верну завтра.

— Не торопись. Я переживу один день без него.

Я рассмеялась, прежде чем успела остановиться. Ашер посмотрел на меня так, словно хотел что-то запомнить. Его взгляд задержался на моём лице, и я вдруг остро почувствовала расстояние между нами — всего шаг, но почему-то его стало слишком мало.

Он первым отвёл глаза и отступил к двери.

— До завтра, Уинстон.

— До завтра, Кейн.

На улице я раскрыла зонт и остановилась под навесом кофейни. Сквозь стекло было видно, как Ашер остался у стойки, расплачиваясь за свой кофе. Потом он поднял голову и заметил меня.

Я могла бы отвернуться.

Вместо этого чуть приподняла зонт в молчаливом приветствии.

Он ответил коротким кивком.

По дороге домой я пыталась понять, почему мне было так трудно вернуться к привычной мысли о нём как о самодовольном, невыносимом чемпионе.

Он по-прежнему оставался человеком, который мог сорваться на сотрудника из-за неудобного расписания. Его

редкая вежливость не отменяла сказанных прежде слов. И я не собиралась забывать об этом только потому, что сегодня он выслушал меня и одолжил зонт.

Но он не высмеял три шага Ноя.

Не предложил денег, которых я не просила.

И когда я рассказала о брате, посмотрел на меня так, словно услышал нечто, что причинило ему боль.

Последнее я никак не могла объяснить.

У подъезда телефон завибрировал. Мэдисон прислала фотографию двух контейнеров с ужином и сообщение:

«Возвращайся. Я купила слишком много еды и отказываюсь героически страдать в одиночку».

Я улыбнулась, подняла взгляд к тёмным окнам нашего дома и набрала ответ.

«Уже иду. И у меня есть история, в которую ты не поверишь».

Потом убрала телефон и на секунду задержалась под чужим зонтом.

Сегодня Ной попросил меня жить, а не только ждать его выздоровления.

Вечером я провела сорок минут, не думая о счетах, диагнозах и завтрашних процедурах.

Меня пугало, что эти сорок минут случились рядом с Ашером Кейном.

И ещё сильнее — что какая-то часть меня хотела повторить их.

Глава 9

АШЕР

В понедельник утром я открыл расписание тренировок, а через минуту обнаружил, что изучаю прогноз погоды.

На экране обещали дождь.

Вчера возле кофейни я отдал Блэр Уинстон свой складной чёрный зонт. Она приняла его с таким недоверием, будто вместе с ручкой я вручал ей обязательство, которого она не просила. Теперь мне почему-то хотелось знать, вспомнит ли она о нём утром.

За выходные мысли о Блэр начали появляться там, где прежде была только работа.

Это раздражало сильнее, чем следовало.

За окном Манхэттен просыпался нехотя. По стеклу ползли мутные полосы от ночного дождя; над крышами висело серое небо, а снизу доносились гудки машин и металлический скрежет мусоровоза. На кухне пахло крепким кофе. Я оставил чашку на столе и снова проверил телефон.

Нормальное начало недели.

Я никогда не анализировал чужие улыбки за завтраком. Но стоило закрыть глаза, и я видел Блэр у окна кофейни: капля дождя на кончике носа и улыбка, которую она словно не успела спрятать.

Мне не нравилось, что я запомнил эту каплю.

Ещё меньше нравилось, что мне хотелось увидеть её снова.

Я поставил чашку в раковину и открыл переписку с Тео. Последнее сообщение пришло в субботу: «О Роуэне поговорим без посторонних. Не откладывай». Я обещал встретиться в воскресенье, но день ушёл на восстановление, разговор с тренером и безуспешные звонки человеку, который мог знать, где хранились старые документы о допуске Ноя Уинстона. До Тео я так и не добрался.

На экране высветилось новое сообщение, отправленное десять минут назад.

«Я буду в зале к восьми. И не делай вид, что не видел».

Я усмехнулся без особого веселья. Тео знал меня слишком давно.

«Вижу. Приеду».

Я уже собирался убрать телефон, когда снова заметил прогноз. К вечеру обещали дождь. Представил, как Блэр возвращает зонт, и поморщился: даже выражение её лица успел придумать.

Мне было двадцать восемь. Я зарабатывал на жизнь тем, что сохранял холодную голову, пока другой человек пытался её отбить. Мог разобрать бой по раундам, рассчитать дистанцию и не показать публике, насколько болит рассечённая бровь.

И при этом думал о том, как она вчера стояла под моим зонтом.

Я сунул телефон в карман и ушёл, не позавтракав.

***

В Northline всё было привычно спокойно. Разметка на полу, натянутые канаты, звон таймера, тяжёлое дыхание людей, которым никто не обещал лёгкой работы.

Здесь всё имело назначение.

В отличие от моих мыслей.

В большом зале ещё не было толпы. Пара любителей отрабатывала шаги вдоль зеркальной стены, уборщик протирал скамьи, а из дальней комнаты слышался размеренный стук скакалки. Я поднялся по лестнице к кабинету тренера, но на повороте увидел Блэр.

Она стояла у высокого стола возле расписания, зажав телефон между ухом и плечом, и перекладывала папки. На ней были чёрные брюки с высокой талией и бордовый топ с широким вырезом, открывавшим ключицы. Она просто пришла на работу. А я вдруг забыл, зачем шёл к тренеру.

Я задержался у поворота. Блэр повела плечом, удерживая телефон, и поправила ремешок сумки. Я сжал ручку спортивной сумки, заставляя себя идти дальше. Не вышло.

Можно было спросить о расписании или времени тренировки. Но я знал, зачем остановился: хотелось ещё немного смотреть, как она раздражённо морщит нос, слушая собеседника.

Желание само по себе не было для меня открытием. Непривычным было другое: теперь я искал Блэр глазами, ед-

ва входил в центр, и сердился на себя, когда находил.

— Нет, мистер Фелпс, — говорила Блэр в трубку терпеливым голосом, за которым я без труда услышал усталость. — Я понимаю, что ваша группа привыкла к третьему залу. Но там с девяти до одиннадцати проверяют покрытие. Я могу предложить второй, и он точно такой же площади. Да, я проверила. Нет, я не могу отменить проверку ради ваших привычек.

Она прижала ладонь к переносице. Я видел, как напряглась тонкая мышца у её челюсти.

— Прекрасно. Тогда я подтверждаю второй зал. Спасибо, что согласились. Хорошего утра.

Она положила телефон на стол и несколько секунд смотрела на него с выражением человека, который всерьёз обдумывает убийство неодушевлённого предмета.

— Судя по лицу, переговоры прошли успешно, — сказал я.

Блэр подняла голову. Удивление мелькнуло в её глазах, но быстро уступило место знакомой настороженности.

— Мистер Фелпс переживёт переселение в соседний зал. Возможно, даже без медицинской помощи.

Я взглянул на схему залов, лежавшую поверх папок. Блэр успела исправить два времени и обвести третье красным.

— Тебе удалось убедить его без боя. Впечатляет.

— Учусь у профессионалов, — отозвалась она и едва заметно улыбнулась. Я поймал себя на том, что задержал

взгляд на её лице.

— Как выходные? — спросил я, прежде чем успел решить, зачем.

Блэр медленно закрыла папку.

— Ты сейчас серьёзно? — Она прищурилась. — Вчера зонт, сегодня светская беседа. Что с тобой, Кейн?

— Ничего, — ответил я. И, помедлив, добавил: — Ты выспалась?

Блэр опустила взгляд на папку. — Не очень. Но сегодня слишком много дел, чтобы об этом думать.

Мне захотелось спросить, что не давало ей спать. Но Блэр уже вернулась к папкам, и я не стал настаивать.

Я заметил в её руке стаканчик с давно остывшим кофе и не стал задавать ещё один вопрос.

Она перевернула страницу, но не прочла ни строчки. Вчера она рассказывала о Ное — о трёх шагах на занятии с реабилитологом и страхе радоваться раньше времени.

В её лице тогда одновременно были надежда и усталость. Сегодня усталость никуда не делась.

Я хотел спросить, как он сегодня. Слова уже почти сложились. Но между нами лежало то, чего она не знала. Моё молчание двухлетней давности.

— Надеюсь, всё прошло нормально, — произнёс я вместо этого.

Блэр посмотрела на меня внимательнее.

— В целом да. А ты? После субботы голова не болит?

Вопрос застал меня врасплох. Я ожидал колкости, недоверия, очередного напоминания о моём поведении. Не спокойной заботы, высказанной так, будто она сама не придала ей значения.

— Врач проверил. Всё в порядке, — ответил я. — После спарринга к контактной работе не возвращался.

— Хорошо. Потому что у меня нет желания снова искать врача, пока ты изображаешь непобедимость.

Я пожал плечами. Спорить о собственном упрямстве было бессмысленно.

Блэр посмотрела на меня поверх папки.

— Значит, сегодня обойдёмся без подвигов, — сказала она.

Я невольно улыбнулся. Она заметила и на мгновение растерялась.

— Что? — спросил я.

— Ничего. Просто не ожидала.

Я не стал уточнять, чего именно. Она и так знала.

Она спрятала улыбку, опустив глаза. Я снова едва не спросил о Ное, но не решился. Не после того, что услышал от Роуэна.

За моей спиной открылась дверь.

— О, вы уже ругаетесь без меня? — раздался голос Джейса. — Это жестоко. Я специально пришёл пораньше, чтобы занять лучшие места.

Он появился с бумажным пакетом в руке, в расстёгнутой

спортивной куртке и с привычной улыбкой человека, которого мир никогда не заставлял отвечать за лишние слова.

— Мы обсуждали работу, — сказала Блэр, возвращаясь к папкам.

Джейс оглядел нас и выразительно поднял брови. Я показал ему взглядом на дверь тренировочного зала.

— Разминка, Морган.

Он подчинился не сразу: сперва поставил пакет на стол, словно у него было дело поважнее.

Он поставил пакет на край стола и достал оттуда булочку в бумажной обёртке.

— Уинстон, я обещал принести тебе нормальный завтрак, если этот автомат снова выдаст кофе со вкусом сожаления. Держи.

Блэр удивлённо моргнула.

— Ты запомнил?

— Случается, — сказал Джейс с непривычной скромностью. Правда, ухмылка его выдавала.

Блэр рассмеялась. Я поймал себя на неприятном желании оказаться на месте Джейса — тем, кто сумел вызвать этот смех. Разумеется, права на это у меня не было.

— Спасибо, — сказала Блэр, принимая булочку. — Я действительно не успела поесть.

Я вспомнил, что сам ушёл из дома без завтрака. Джейс заметил то, чего не заметил я.

— Не благодари заранее, — предупредил Джейс. — Я всё

ещё рассчитываю на удобное время в пятницу.

— Ты уже получил дополнительный час в пятницу.

— Тогда мы в расчёте, — сказал он, и Блэр улыбнулась.

Я почувствовал раздражение и тут же одёрнул себя: Джейс всего лишь принёс ей завтрак.

Я развернулся, прежде чем кто-то заметил, как сильно мне хочется стереть с лица Джейса самодовольную улыбку.

— Тео ждёт меня, — сказал я.

— Ашер, — окликнула Блэр.

Я обернулся слишком быстро.

Она достала из нижнего ящика мой складной чёрный зонт.

— Спасибо за вчера. Я его высушила.

Она протянула зонт ручкой вперёд. Наши пальцы оказались рядом, но не соприкоснулись.

— Можешь оставить до следующего дождя, — сказал я.

— Тогда он рискует поселиться у меня навсегда. Это Нью-Йорк.

— Я переживу.

Она улыбнулась — уже тише — и всё-таки вложила ручку мне в ладонь.

— Я предпочитаю возвращать чужие вещи.

Она просто возвращала чужую вещь. А я услышал в этом напоминание: не брать того, на что не имеешь права.

— Хорошего дня, Блэр.

— Постарайся никого не укусить до обеда, Кейн.

***

Тео ждал в маленьком кабинете за тренерской, где обычно разбирали записи поединков. На стене висел экран, под ним стояли два кресла, а стол был завален распечатками тренировочных планов. Воздух пах бумагой, пылью и мятной жвачкой, которую Тео жевал, когда нервничал.

— Ты опоздал на шесть минут, — сказал он, не поднимая головы.

— Садись, — сказал Тео, закрывая на планшете запись спарринга.

Я поставил возвращённый Блэр зонт у двери и опустился в кресло. На столе лежал блокнот с именем Роуэна.

Тео заметил зонт возле двери, но не стал спрашивать. Я был ему за это благодарен.

Он отложил планшет и придвинул блокнот.

На первой странице стояли дата субботнего спарринга и несколько вопросов, записанных его аккуратным почерком.

— Ты уже что-то выяснил? — спросил я.

— Пока только то, что нужно услышать твою версию без недомолвок.

— Что именно Роуэн сказал тебе после спарринга? — спросил Тео.

Вопрос словно вернул субботний воздух: запах пота, гул голосов за дверью, чужую спокойную улыбку. Марк Роуэн стоял у переговорной и говорил о старых бумагах так, будто речь шла о неудачно оформленной страховке, а не о челове-

ке, который едва не умер на ринге.

Я пересказал разговор. Не смягчая. Тео не перебивал, но постепенно перестал жевать.

— Он упомянул журналистов? — уточнил он, когда я замолчал.

— Сказал, что могут возникнуть вопросы о допуске Ноя. И что всем будет лучше придерживаться прежней версии.

Тео подчеркнул слово «всем» на листе. Чернила расплылись на рыхлой бумаге.

— Организаторам, людям, подписавшим допуск. Возможно, мне.

— Тебе не нужно гадать, Ашер. Ты должен выяснить, что именно осталось в документах.

Я провёл ладонью по лицу. Под пальцами чувствовалась шероховатость утренней щетины.

— Думаешь, я не пытаюсь? — Я взял блокнот, но не открыл его.

— Думаю, ты пытаешься справиться один. И называешь молчание контролем.

Я поднял глаза. Тео не отводил взгляда.

— Мне не нужна лекция.

— Тогда мне нужны факты, — ответил он. — И действия, Ашер.

Он говорил ровно. Именно это и выводило из себя. Тео никогда не повышал голос без необходимости; ему хватало точности.

Я вспомнил слова отца: «Если сомневаешься, никто не должен этого видеть». Я следовал этому совету так долго, что почти перестал отличать выдержку от страха.

— Я видел, как ты выглядел после разговора с ним, — продолжил он. — И видел, как ты смотрел на Блэр. Ты понимаешь, что это не две разные истории?

— Она не знает, — сказал я.

Я отвернулся к экрану. На чёрном стекле отражалось моё лицо.

Тео не торопил. Тишина вынудила меня сказать то, что я повторял себе два года.

— Тогда не делай её доверие ещё одной вещью, которую ты собираешься удержать силой.

Я повернулся к нему.

— Я ничего от неё не требую.

— Сейчас — нет. Но ты начинаешь хотеть, чтобы она видела в тебе кого-то другого. А сам продолжаешь прятать самое важное.

Тео не обвинял меня в том, чего я ещё не совершил. От этого было хуже.

Я вспомнил, как Блэр спросила о моей голове. Как рассказывала о трёх шагах Ноя. Как вернула зонт, хотя могла оставить. Для неё это были обычные человеческие поступки. Для меня — доверие, которое я не заслужил.

— Я не знал всего тогда, — произнёс я. — Перед боем нас с Ноем вызвали на инструктаж. На предварительном

листе допуска напротив его фамилии стояло: «Повторный осмотр». Координатор забрал лист и сказал, что врачи разберутся. Вечером объявили окончательный допуск, но подтверждения осмотра я так и не увидел. Я не мог отменить решение комиссии. Зато мог спросить, сказать Ною или отказаться выходить, пока не получу ответ. Я испугался сорвать бой и промолчал.

— Ты говоришь это мне уже два года.

Тео раскрыл блокнот и рядом со словом «осмотр» поставил вопросительный знак.

— Тогда ищи подтверждение, — сказал он. — Не очередное объяснение самому себе.

Я посмотрел на костяшки. Следы субботней тренировки почти исчезли. С тем, чего я не сделал два года назад, всё было сложнее.

— Я найду документы, — сказал я. — Через независимого юриста. Если там были нарушения, прикрывать их не стану.

Тео молчал. Я достал телефон и открыл переписку с юристом, чей номер он дал мне месяц назад. Пустое поле сообщения ждало ответа, которого я сам боялся.

Я написал: «Нужна независимая проверка документов по бою Ноя Уинстона. Готов предоставить свои записи и объяснить, что видел перед поединком». Перечитал текст и нажал «Отправить».

Тео посмотрел на экран моего телефона, затем коротко кивнул. Отправленное сообщение уже нельзя было забрать

обратно.

— Я помогу найти специалиста, не связанного с федерацией. Но, Ашер…

Я поднял голову. Тео колебался, словно выбирал, стоит ли продолжать.

— Блэр — не способ искупить твою вину.

Я стиснул зубы.

Я хотел возразить, но не нашёл слов. За дверью кто-то уронил металлическую стойку, и резкий звон заставил нас обоих вздрогнуть.

— Ты понимаешь, о чём я, — сказал Тео. Я кивнул не сразу.

В коридоре прозвенел таймер. Из соседнего зала донёсся голос Блэр: она объясняла кому-то, как пройти к физиотерапевту. Я невольно прислушался. Тео заметил.

— Вот именно, — тихо сказал он.

Я ненавидел, когда он был прав.

***

Первую тренировку я провёл так, будто мог выжечь из головы все лишние мысли работой. Тренер поставил мне задачу: сорок минут техники без контакта, затем работа ног, лёгкая нагрузка на мешке и растяжка. После субботы он не собирался позволять мне доказывать что-либо ударами.

Я согласился. Это само по себе стало событием.

Пол в зале был слегка липким от недавно нанесённого средства для уборки. Под подошвами скрипела резина, в воз-

духе стоял острый запах магнезии и разогретых бинтов. Я двигался вдоль линии, переносил вес с ноги на ногу, выбрасывал джеб в пустоту и возвращал руку к подбородку. Каждый шаг требовал внимания к равновесию. В обычный день этого хватило бы, чтобы сознание очистилось.

Сегодня — нет.

Я видел, как Блэр вошла в зал с планшетом. Остановилась возле тренера детской группы, что-то уточнила, отметила в расписании и прошла дальше. На ходу убрала прядь волос за ухо — привычным движением, настолько незначительным, что я не должен был его замечать.

Но заметил.

— Кейн, левая нога, — рявкнул тренер.

Я опустил взгляд. Ступня ушла наружу на несколько сантиметров.

Я вернул ступню на линию и заново прошёл связку. На этот раз смотрел не на дверь, а на отметку на полу.

Тренер ничего не сказал. Его молчание означало, что ошибка исправлена.

Джейс, работавший у соседнего мешка, издал тихий смешок. Я даже не повернул головы.

Дело было не только в том, что Блэр красива. Я замечал, как она терпеливо разговаривает с трудными посетителями, как морщит нос перед смехом, как принимает помощь лишь убедившись, что за неё не придётся расплачиваться.

Я хотел знать, когда она в последний раз спала без трево-

ги.

Хотелось увидеть её улыбку в день, когда ей не придётся ждать плохих новостей. Я потерял счёт шагам и закончил тренировку с раздражением на самого себя. У кулера Блэр пыталась удержать планшет, стопку пропусков и стаканчик. Два пропуска выскользнули из её рук.

Я подхватил оба, прежде чем они упали в лужицу возле кулера.

— Спасибо, — сказала она, поднимая голову. — У меня сегодня явно не хватает рук.

Я протянул ладонь за планшетом. Блэр секунду поколебалась, потом передала его мне.

Она принялась сортировать пропуска, и я молча держал планшет так, чтобы ей было удобно сверяться со списком.

Между нами оставалось совсем немного места. Я почувствовал лёгкий цитрусовый запах её волос.

Блэр раскладывала пропуска по алфавиту. Вырез топа чуть сдвинулся, открыв родинку у основания шеи. Я отвёл взгляд к экрану.

Она ничего не замечала. Искала фамилию в списке, хмурилась, поправляла листы. А я вдруг остро захотел, чтобы она посмотрела на меня не потому, что ей нужна помощь.

На мгновение представил, как касаюсь её плеча, как она сама делает шаг навстречу. Фантазия оказалась настолько ясной, что я крепче сжал планшет.

Блэр доверила мне простую работу, а я едва мог сосредо-

точиться. Стало неловко.

— Можешь посмотреть, есть ли в списке Грейсон? — спросила Блэр, не поднимая головы. — Я уверена, что пропуск был, но он куда-то исчез.

Я посмотрел на экран. Буквы расплылись, прежде чем мне удалось заставить себя прочитать их.

— Вторая страница. Восемнадцатая строка.

— Отлично. Спасибо.

Она резко выпрямилась и всмотрелась в моё лицо. Я заставил себя смотреть ей в глаза.

— Ты какой-то странный, — заметила Блэр, всматриваясь в моё лицо.

— Устал после тренировки.

Она скользнула взглядом по бинтам на моих руках и нахмурилась.

— Тогда иди отдохни. С пропусками я справлюсь.

Я хотел сказать, что дело не в тренировке, но вместо этого вернул ей планшет.

— Спасибо, — произнесла она уже мягче.

— Не за что.

Она перевела взгляд на список. Я всё ещё держал два пропуска, которые поднял с пола.

Блэр протянула руку за ними.

— И эти тоже, пожалуйста.

Я отдал пластик. Наши пальцы соприкоснулись на долю секунды.

Она вернулась к работе, а я задержался у кулера, пытаясь вспомнить, зачем вообще пришёл сюда после тренировки.

Из соседнего зала донёсся голос тренера. Он позвал меня на заминку.

Я ответил, что иду, и наконец сдвинулся с места.

По дороге поймал себя на том, что улыбаюсь. Тут же перестал.

***

К обеду центр наполнился голосами. По коридорам катили тележки с инвентарём, на втором этаже проводили занятие для подростков, а в тренерской кто-то разогревал еду, пахнувшую чесноком так сильно, что запах пробрался даже в кабинет физиотерапевта.

Я сидел на скамье возле раздевалки и перебинтовывал руки для короткой вечерней сессии, когда рядом плюхнулся Джейс.

— Я наблюдал за тобой сегодня, — сообщил он.

Я продолжил наматывать бинт. Джейс придвинул к себе свободную бутылку воды, повертел её в руках и поставил обратно.

Он редко молчал так долго. Значит, пришёл не только поддразнить.

Я затянул бинт вокруг запястья.

— Если речь о моей технике, поговори с тренером.

— Не о технике, — ответил он.

Я затянул бинт и посмотрел на него.

Джейс кивнул в сторону зала, где Блэр разговаривала с инструктором.

— Ты весь день на неё смотришь.

Я хотел отмахнуться, но Джейс уже перестал улыбаться.

— Я не собираюсь лезть, — сказал он. — Просто будь осторожен.

Я опустил взгляд на запястье.

Он подождал, пока я закончу с бинтом. Обычно Джейс заполнял любую паузу шуткой. Теперь — нет.

Он откинулся к стене, вытянул ноги и некоторое время молчал. Я почти поверил, что разговор закончился.

— Она хорошая, — произнёс он наконец. — Блэр. И у неё и без тебя хватает сложностей.

Мои пальцы замерли на бинте.

— Я знаю.

— Ты умеешь быть жёстким, когда теряешь контроль. Не переноси это на неё.

— Я не собираюсь делать ей больно.

Джейс посмотрел на меня без улыбки. Редкое выражение для его лица.

— Намерения — это хорошо. Но люди запоминают поступки.

Слова неприятно перекликались с тем, что Блэр сказала мне в субботу: извинение имеет смысл, только если после него меняется поведение. Я отвёл взгляд к рингу, где подросток старательно повторял связку под присмотром тренера.

Я затянул узел. Бинт лёг слишком туго; пришлось ослабить его и перевязать заново.

Джейс поднялся. У двери он всё-таки обернулся: — И не смотри так на мою булочку. В следующий раз принесу две.

Я покачал головой, но не ответил.

Он ушёл, оставив после себя тишину, которую я не спешил нарушать.

Я остался на скамье. Ревность была неприятным словом: в нём слышалась претензия на то, чего у меня не было. Блэр могла смеяться с кем угодно. Моё желание ничего не меняло.

***

После трёх Эвелин попросила меня зайти к ней. Её кабинет располагался над главным залом, за стеклянной перегородкой. На столе стояла чашка с давно остывшим чаем, рядом лежали договоры с партнёрами и схема предстоящего благотворительного вечера центра.

— Я слышала, суббота прошла напряжённо, — сказала она, когда я закрыл дверь.

— Спарринг остановили вовремя. Врач меня осмотрел.

Эвелин сняла очки и положила их на стол. За стеклянной перегородкой инструктор собирал детей после занятия.

Эвелин сняла очки и положила их на стол.

— Твой отец пришёл без предупреждения. Марк Роуэн тоже. У меня нет желания превращать Northline в место для ваших личных разборок.

Я кивнул. Вспомнил, как в субботу отец прошёл мимо

стойки охраны, будто центр принадлежал ему.

— Ты можешь обещать за себя. Не за них.

Она была права. Я прислонился к спинке стула и посмотрел на схему мероприятия, чтобы не выдать раздражения.

— Я предупрежу охрану, — начал я.

— Сначала меня, — перебила Эвелин. — Это мой центр, Ашер. Я сама решу, кого сюда пускать.

Я кивнул. Раньше я обязательно нашёл бы, что возразить. Сегодня устал от собственного голоса ещё до того, как открыл рот.

— Хорошо.

Эвелин помолчала, затем придвинула ко мне лист.

— В четверг у нас встреча с организаторами детской программы. Тебя попросят присутствовать двадцать минут, без прессы и камер. Блэр подготовит маршрут и список участников. Я хочу, чтобы ты выполнил её указания без демонстрации характера.

— Я приду вовремя и выполню указания Блэр.

Эвелин задержала на мне взгляд, словно проверяла, не шучу ли я.

— Именно это я и хотела услышать, — сказала она.

Она вернулась к договорам. Я поднялся, но у двери остановился.

За стеклом Блэр помогала мальчику застегнуть ремень спортивной сумки. Я подождал, пока она отойдёт.

Она снова надела очки, давая понять, что разговор окон-

чен. Я встал, но у двери задержался.

— Эвелин, если кто-то будет спрашивать о старом бое Ноя Уинстона…

Она подняла голову. Взгляд стал осторожным.

— Почему кто-то должен спрашивать?

— Возможно, появятся журналисты. Я не знаю наверняка.

— Тогда сообщи мне, когда узнаешь.

— Сообщу, — ответил я.

В коридоре я снова подумал о Блэр. Если правда о том бое выйдет наружу, она окажется в самом центре событий. И чем дольше я молчу, тем меньше оснований говорить, что пытаюсь её защитить.

***

Я собирался уходить, когда заметил Блэр возле двери служебного кабинета. Она стояла на стремянке, пытаясь дотянуться до верхней полки шкафа. На полу лежали коробки с архивными бейджами, а у её ног — раскрытая папка.

— Осторожнее, — сказал я, остановившись у стремянки.

Она вздрогнула, повернула голову и тут же схватилась за полку.

Блэр вцепилась в полку и обернулась. — Кейн! Ты можешь предупреждать, когда подходишь?

Я придержал стремянку, заметив, как одна ножка сместилась на плитке.

— Сейчас предупреждаю: она качается.

Я подошёл ближе, придержал стремянку за боковую пере-

кладину.

— Что ищешь?

— Коробку с пропусками для четверга. Эвелин уверена, что они здесь, но кто-то поставил их выше моего роста и здравого смысла.

— Спускайся. Я достану.

— Я почти достала, — возразила Блэр, но посмотрела на ступени под ногами.

Я продолжал держать стремянку. Она вздохнула и осторожно начала спускаться.

Когда Блэр оказалась на полу, я поднялся за коробкой. Верхняя полка была пыльной; пришлось смахнуть пыль рукавом.

Она помедлила, затем осторожно спустилась на две ступеньки. Я отступил, освобождая ей место, и дождался, пока обе её ноги окажутся на полу. Только после этого поднялся сам и снял коробку, на которой было написано «ПРОГРАММА / ЧЕТВЕРГ».

Я поставил коробку на стол.

— Спасибо, — сказала Блэр, раскрывая крышку. — Теперь хотя бы не придётся искать эти пропуска по всему центру.

Я придержал коробку, пока она перебирала пачки карточек.

На её лице проступила усталость. Я заметил тени под глазами и то, как она разминает затёкшее запястье.

— Ты сегодня распустила волосы, — сказал я и тут же понял, насколько странно это прозвучало.

Блэр подняла голову. В её взгляде вспыхнуло искреннее изумление, а затем осторожная насмешка.

— Неужели это был комплимент? — спросила она.

— Тебе идёт, — сказал я. Без привычной попытки спрятаться за колкостью.

Она замерла, не сразу найдя ответ. Щёки чуть порозовели, хотя я не стал приписывать это себе.

— Спасибо, — сказала Блэр. На этот раз без насмешки. Она поправила волосы, и я отвёл взгляд.

— Ты давно здесь? — спросил я.

— С половины восьмого. Сегодня всё навалилось разом.

— Уже почти семь.

Она закрыла коробку и потёрла запястье. Я заметил, как устало она опирается на край стола.

— Блэр.

Она подняла голову. Я редко произносил её имя без насмешки, и она это заметила.

— Что?

— Ты можешь закончить завтра.

— Могу. Но в четверг начнётся мероприятие, и завтра я хочу заниматься тем, что появится завтра. У меня нет твоей роскоши — сосредоточиться только на одном деле.

Я хотел возразить, что моя жизнь не ограничивается рингом. Но вспомнил, сколько дел она тянет одна, и промолчал.

— Извини, — сказал я. — Прозвучало так, будто я решаю за тебя.

Она замерла, потом чуть кивнула. Извинения между нами всё ещё звучали непривычно.

— Я знаю, что ты хотел помочь, — сказала она. — Просто не решай за меня.

Я кивнул. Этого было достаточно.

За окном зашуршал дождь. Сначала едва слышно, затем сильнее — капли забарабанили по металлическому отливу. Блэр посмотрела на стекло и покачала головой.

— Ну конечно. Весь день держалось, а теперь решило напомнить о себе.

— У тебя есть зонт? — спросил я.

— Сегодня да. Собственный, — ответила она и слабо улыбнулась.

Я посмотрел на окно. Капли стекали по стеклу, собираясь в неровные дорожки.

За день волосы Блэр растрепались, несколько прядей прилипли к шее. Я отвёл взгляд к окну.

— Как Ной? — спросил я наконец.

Её рука замерла.

Я уже приготовился услышать, что это не моё дело. И, возможно, она имела бы полное право так ответить.

— Сегодня устал, — сказала Блэр после короткой паузы. — Мама звонила днём. После воскресной нагрузки у него болели ноги, поэтому занятие сделали легче. Врач сказал,

что это ожидаемо, но…

Она не закончила. Провела ладонью по столу, словно стирала невидимую пыль.

— Но когда происходит что-то хорошее, страшно, что завтра всё откатится назад, — тихо сказал я.

Блэр посмотрела на меня с таким выражением, что я пожалел о своей догадке. Не потому, что ошибся. Потому, что попал слишком близко.

— Да, — ответила она. — Именно так.

Мы помолчали. Из дальнего зала донёсся удар по мешку, затем голос тренера. В шкафу щёлкнула лампа датчика движения.

— Он всегда был упрямым, — сказала Блэр, неожиданно улыбнувшись. — В детстве научил меня кататься на велосипеде. Я трижды падала, ободрала оба колена и сказала, что больше никогда не сяду на эту дурацкую штуку. Ной сел рядом прямо на асфальт и заявил, что тогда будет ждать со мной, пока велосипед сам не попросит прощения.

Я представил мальчишку на тротуаре и девочку с разбитыми коленями. Представил так ясно, что в горле стало тесно.

— Дождались? — спросил я.

— Нет. Через час я снова попробовала. А он бежал рядом, держась за седло, пока не понял, что я еду сама. Потом отпустил и заорал на всю улицу, будто я выиграла чемпионат мира.

Она рассмеялась, но глаза заблестели.

— Я тогда обернулась на его голос и сразу врезалась в куст. Он до сих пор считает, что это была моя самая эффектная победа.

— Похоже, у него был хороший тренерский подход.

— У него был ужасный тренерский подход. Он смеялся так громко, что мама вышла из дома проверить, кого убивают.

Я улыбнулся. Для меня Ной долго оставался именем из истории о трагическом бое. Для Блэр он был мальчишкой, бегущим рядом с велосипедом, братом, умевшим превратить падение в шутку.

Она улыбалась, вспоминая его, но стоило разговору вернуться к настоящему, как плечи опускались. Мне захотелось, чтобы хотя бы ненадолго ей не приходилось нести всё одной.

Ной был человеком, а не папкой с документами.

— Надеюсь, он снова будет кричать на всю улицу, — сказал я.

Блэр медленно кивнула.

— Я тоже.

Она посмотрела на меня пристально, будто хотела задать вопрос, но передумала.

— Знаешь, ты иногда бываешь совсем не таким, каким стараешься казаться.

Я почувствовал, как напряглись плечи.

— И каким же я стараюсь казаться? — спросил я.

— Человеком, которому никто не нужен.

Ответ оказался точнее, чем мне хотелось.

— А каким бываю? — спросил я после паузы.

Блэр отвела глаза к дождю.

— Пока не решила.

Мне хотелось подойти ближе, но я остался на месте. Она не обязана была отвечать на то, о чём я даже не решался спросить.

Она закрыла коробку и взглянула на часы.

— Тебе ещё много осталось?

— Минут десять. Потом домой. Мэдисон обещала устроить мне допрос с пристрастием, если снова задержусь.

— Она за тебя переживает.

— Да, — ответила Блэр. — Иногда слишком громко.

Блэр подняла коробку, и я придержал дверь, чтобы ей было удобнее пройти. Она остановилась на пороге, глядя на меня снизу вверх. Мы стояли достаточно близко, чтобы я различал золотистые крапинки в её глазах и тонкую линию усталости возле губ.

— Ашер, — сказала она тихо.

От того, как прозвучало моё имя, у меня перехватило дыхание.

— Да? — Я едва узнал собственный голос.

— Спасибо, что спросил о Ное. Не все умеют говорить о нём так, чтобы мне не хотелось немедленно закончить разговор.

Я не заслуживал этой благодарности. Она легла на меня тяжестью, от которой невозможно было отмахнуться.

— Он важен для тебя, — произнёс я. — Значит, о нём стоит спрашивать.

Блэр долго смотрела мне в лицо. Потом кивнула и вышла в коридор.

Я остался у открытой двери, пока за поворотом не стихли её шаги.

Только тогда разжал пальцы, всё ещё сжимавшие край стола.

Домой я вернулся поздно. На парковке я задержался за рулём и открыл сообщение от Тео. Он прислал контакт адвоката, не связанного с федерацией, и короткую приписку:

«Позвони завтра. Не тяни».

Я сохранил номер. Затем открыл список вызовов и нашёл пропущенный звонок от отца. Ни сообщения, ни объяснения. Только знакомое имя, которое с детства означало требование явиться и выслушать, чем я снова недостаточно хорош.

Я не перезвонил.

Поднявшись в квартиру, я снял куртку и долго стоял перед окном. Возвращённый Блэр зонт остался у двери, куда я поставил его после работы. Город подо мной продолжал двигаться, равнодушный к чужим ошибкам. Где-то в этом городе Блэр, наверное, рассказывала Мэдисон о своём дне. Может быть, смеялась. Может быть, проверяла телефон, ожи-

дая новостей от матери.

Я поймал себя на желании узнать, добралась ли она домой. Номер Блэр был у меня в рабочем списке. Достаточно было написать одно сообщение. Я даже взял телефон.

Но остановился. Дело было не в дороге домой. Я искал повод получить ещё несколько минут её внимания. Пока я скрывал от неё правду, даже такое простое сообщение казалось нечестным.

Я положил телефон экраном вниз.

На ринге контроль означал простую вещь: не позволять импульсу выбирать за тебя. Не бросаться вперёд после пропущенного удара. Не путать злость с силой. Оставлять себе возможность остановиться.

Вне ринга я годами называл контролем совсем другое — молчание, давление, привычку держать людей на расстоянии, пока они не могли причинить мне боль. Отец научил меня этой подмене задолго до первого профессионального боя.

Блэр разрушала её без всякого усилия.

Мне хотелось не только поцеловать её. Хотелось слышать, как она спорит из-за расписания, рассказывает о брате и смеётся, забыв хотя бы на минуту о своих тревогах. Хотелось стать человеком, рядом с которым она не ждала бы подвоха.

Я подошёл к столу и проверил переписку с юристом. Моё утреннее сообщение было доставлено, но ответа пока не было. Я набрал второе — с просьбой назначить встречу — и

отправил.

Это не делало меня лучше. Не отменяло того, что я уже однажды промолчал. Не гарантировало, что Блэр когда-нибудь посмотрит на меня так же спокойно, когда узнает правду.

Но сегодня я хотя бы перестал выдавать бездействие за осторожность.

Телефон завибрировал почти сразу. Не адвокат. Тео.

«Ты звонил?»

Я ответил: «Написал. Встречусь, как только сможет».

Через минуту пришло: «Хорошо».

Я открыл окно. Холодный воздух пах мокрым камнем. На столе лежал телефон с номером адвоката; рядом — зонт, который Блэр вернула утром.

Я взял телефон и проверил, ушло ли сообщение. Ушло. На этот раз я не стал искать повод написать ей.

Правда о бое Ноя никуда не исчезнет, если я ещё день буду молчать. А вот её доверие — может.

А для этого предстояло сделать то, чего я избегал два года. Перестать прятаться за собственным контролем.

Глава 10

БЛЭР

— У нас закончился кофе.

Мэдисон произнесла это таким тоном, словно только что получила известие о закрытии всех кофеен Нью-Йорка.

Я стояла у раковины и оттирала с чашки коричневый ободок. За спиной щёлкнул тостер. Мэдисон вытащила хлеб двумя пальцами и с видом судебного эксперта осмотрела обугленный край.

— Это всё из-за твоего боксёра, — заключила она.

Я повернула кран слишком резко. Вода брызнула на рукав свитера.

— У меня нет боксёра.

— Тогда почему ты вчера улыбалась телефону, а сегодня вскочила раньше будильника?

Мэдисон говорила легко, но смотрела внимательно. За три года совместной жизни она научилась различать мои улыбки: настоящие, вымученные и те, которыми я пыталась скрыть тревогу. Сейчас подруга отложила тост и прислонилась к столешнице, ожидая ответа.

— Я не улыбалась телефону, — сказала я.

— Конечно. Ты улыбалась чёрному экрану. Совсем другое дело.

Я рассмеялась. Мэдисон победно подняла палец, но не

успела ничего добавить: на столе завибрировал мой телефон. Увидев имя мамы, я сразу вытерла руки полотенцем.

Мама прислала видео. Ной отказался от дополнительной помощи на утренней тренировке и теперь шёл вдоль поручня, глядя под ноги. Его левая рука заметно дрожала. На последнем шаге он остановился, поднял голову и показал в камеру средний палец. За кадром мама возмущённо рассмеялась.

Я включила запись снова. Радость за брата больно переплеталась с памятью о том, как легко он прежде взлетал по лестнице, перепрыгивая через ступеньки. Я тут же одёрнула себя. Ной не нуждался в том, чтобы мы бесконечно сравнивали его нынешние успехи с прошлой жизнью.

Реабилитолог шёл рядом, готовый подхватить его, если ноги подведут. После последнего шага Ной долго стоял, вцепившись в поручень, и лишь потом поднял руку к камере. Именно эта пауза делала его победу такой большой.

Мэдисон подошла и молча заглянула мне через плечо.

— Посмотри на его лицо, — сказала она. — Он доволен собой.

— Он всегда доволен собой, когда показывает маме средний палец.

— Значит, идёт на поправку.

Мы рассмеялись. Я вытерла влажные глаза, прежде чем Мэдисон успела их заметить.

К половине девятого спортивный центр встретил меня

знакомым глухим стуком по мешкам. Где-то на втором этаже тренер считал подходы; его голос тонул в шуме вентиляции. Я любила этот час: клуб ещё не успевал превратиться в улей из звонков и просьб от людей, уверенных, что их расписание важнее любого другого.

Эвелин стояла у стойки администратора с планшетом. Волосы были собраны так туго, что у висков не выбивалось ни пряди. По её сжатым губам я поняла: день уже пошёл не по плану.

— Пятничная встреча со спонсорами, — произнесла она вместо приветствия. — Подтверждена. Они хотят отдельный зал для переговоров, доступ к тренировочной площадке и кофе, который не выглядит оскорблением.

— Значит, наш автомат отпадает.

Уголок её рта дрогнул. Эвелин протянула мне список гостей и попросила проверить, кто из спортсменов будет свободен к шести. Я открыла расписание и обнаружила, что один из тренеров снова перенёс занятие, никого не предупредив.

До обеда я трижды поднялась на второй этаж, нашла потерянный пропуск, перенесла сеанс физиотерапии и объяснила раздражённому менеджеру, почему одну переговорную нельзя отдать сразу двум группам. Вернувшись к столу, я обнаружила на подоконнике бумажный стаканчик. Рядом лежала записка: «Автомат всё ещё преступление против человечества. Кейн».

Я сняла крышку. Капучино без сиропа — именно такой, какой я обычно брала по дороге на работу. Ашер запомнил.

От стаканчика пахло корицей и тёплым молоком. Пустяковый жест, ничего не обещающий. Но на мгновение я почувствовала себя не координатором чужих расписаний и не сестрой пациента, которой необходимо всё выдержать. Просто Блэр.

Я сделала глоток и поспешно закрыла крышку. Растрогаться из-за кофе? Серьёзно? И ведь принёс его Ашер Кейн.

— Надо же, — раздалось от двери.

Ашер стоял в дверях, придерживая створку локтем. Волосы после тренировки ещё были влажными, а из-под закатанного рукава виднелись линии татуировки. Он смотрел на меня, не на стаканчик. Я зачем-то поправила волосы.

— Ты решил подкупить человека, который составляет тебе расписание? — спросила я.

— Учитывая твою власть, это разумная инвестиция.

Уголки его рта чуть приподнялись. Я заметила свежую ссадину на правой костяшке и спросила, больно ли ему, прежде чем успела прикусить язык.

Ашер посмотрел на руку, словно до этого не вспоминал о ней.

— Ничего серьёзного. Как Ной?

Я рассказала о видео: о лишних шагах, мамином смехе и неприличном жесте Ноя. Ашер слушал, прислонившись к косяку. Услышав имя брата, он отвёл взгляд в пустой кори-

дор и потёр повреждённую костяшку большим пальцем. Я замолчала на полуслове. Что-то в его лице изменилось, но уже через мгновение он снова смотрел на меня как обычно.

— Он упрямый, — сказала я.

— Похоже, это семейное.

— Не знаю, на что ты намекаешь.

— Разумеется.

Ашер отступил, пропуская сотрудника с коробкой бинтов. Когда коридор опустел, он будто собирался что-то сказать, но лишь кивнул на кофе и ушёл. Я ещё немного посидела, прислушиваясь к его шагам.

К трём часам у меня разболелась голова от таблиц. Я спустилась согласовать с Эвелин список приглашённых, когда телефон завибрировал. Писала Мэдисон:

«Я рядом. Занесу твой обед, который ты героически забыла дома. Не спорь».

Я ответила, что встречу её у входа, но меня перехватил тренер, которому срочно понадобился другой зал. Пока мы выясняли, где есть свободное время, стеклянные двери распахнулись.

Мэдисон вошла с бумажным пакетом и двумя стаканами в руках. Рыжие волосы рассыпались по плечам. Она быстро оглядела холл и заметила меня у стойки.

— Блэр, — позвала она, — ты правда собиралась прожить день на кофе и упрямстве?

Я двинулась к ней, но из тренировочного коридора вышел

Ашер со спортивной сумкой на плече. Он остановился, чтобы пропустить Мэдисон. Она посмотрела на него с тем любопытством, после которого мне обычно хотелось немедленно исчезнуть.

— Так вот ты какой, — произнесла она негромко.

Ашер приподнял бровь и перевёл взгляд на меня. Судя по выражению его лица, он уже догадался, кто перед ним.

— Боюсь спросить, — ответил он.

Я подошла к ним и забрала у Мэдисон пакет, надеясь отвлечь её от дальнейших откровений.

— Ашер, это Мэдисон Рид. Моя соседка и лучшая подруга. Мэдисон, Ашер Кейн.

Мэдисон протянула ему руку. Он пожал её коротко и вежливо. Подруга улыбнулась так, что я заранее приготовилась к неприятностям.

— Приятно наконец познакомиться, — сказала она. — Блэр редко рассказывает о коллегах столько, сколько о тебе.

Я едва не уронила пакет.

— Мэдисон.

— Что? Я не сказала ничего плохого.

Ашер повернулся ко мне. В его глазах мелькнуло удовольствие, но он не спешил пользоваться ситуацией. Почему-то от этого становилось ещё неловче.

— Надеюсь, она хотя бы иногда говорит обо мне что-нибудь хорошее, — произнёс он.

— Пока статистика спорная, — невозмутимо ответила

Мэдисон.

Щёки у меня горели. Я взяла Мэдисон под локоть и повела к кабинету, не дав ей развить тему. У поворота всё же оглянулась. Ашер стоял возле турникета и смотрел нам вслед. Наши взгляды встретились, и он едва заметно склонил голову.

Мэдисон заметила и это.

— О господи, — прошептала она, едва мы свернули за угол. — Теперь я понимаю.

— Ты ничего не понимаешь.

Она посмотрела на меня уже без улыбки — так же, как смотрела, когда спрашивала о Ное или замечала, что я опять забыла поесть.

— Я понимаю, что ты давно не смотрела ни на кого так, Блэр.

Я поставила пакет на стол и принялась разворачивать салфетку. Слова Мэдисон не были ни упрёком, ни шуткой. Оттого и задевали сильнее.

Подруга достала контейнер с пастой, нашла вилку в ящике и подвинула обед ко мне. Больше не расспрашивала. Она всегда умела оставить мне возможность заговорить первой.

— Он не такой, каким я его представляла, — сказала я, глядя на пластиковую крышку.

— Это хорошо или плохо?

— Вот именно в этом проблема.

Мэдисон улыбнулась, но не стала дразнить. За окном

по стеклу ползла дождевая капля. Мне нравились редкие улыбки Ашера, его внимательность, которую он старательно скрывал, и даже манера отвечать вопросом на вопрос. Признавать это вслух я пока не собиралась.

За час до закрытия я вернулась в тренировочный зал за папкой, оставленной у Виктора. Свет над рингом горел вполсилы. Джейс сидел на краю мата и возился с сумкой, Тео что-то записывал у зеркала, а Ашер стоял с тренировочными лапами в руках.

— Уинстон, — позвал Джейс, заметив меня. — Ты как раз вовремя. У нас тут спор.

— Если он связан с тем, кто из вас красивее, я заранее отказываюсь быть судьёй.

Тео усмехнулся. Ашер повернул голову и посмотрел на меня с привычной настороженностью.

— Речь о том, — продолжил Джейс, — что Кейн утверждает: любой человек способен научиться правильно бить, если перестанет думать о том, как выглядит со стороны.

— Я сказал «почти любой», — поправил Ашер.

— Слышала? Он уже сомневается в тебе.

— Я вообще-то за папкой, — напомнила я, но взгляд задержался на лапах. — Хотя теперь мне интересно.

Джейс довольно улыбнулся, а Тео убрал блокнот. Через минуту я стояла на мате в носках, оставив туфли у скамьи. Ашер сначала показал стойку: левое плечо вперёд, подбородок ниже, вес распределён так, чтобы можно было отступить.

Он двигался без показной эффектности, уверенно и точно.

— Я работаю с расписанием, — предупредила я. — Если сломаю руку, будешь сам отвечать на звонки спонсоров.

— Тогда мне придётся следить за твоими руками особенно внимательно.

— Договорились. Только без синяков.

Он коротко усмехнулся, затем поднял лапы.

— Сначала прямой. Без силы. Мне нужна точность.

Я ударила, как мне показалось, вполне прилично. Лапа едва шевельнулась. Джейс тихо присвистнул.

— Это была угроза? — поинтересовался Ашер.

— Предупреждение.

— Тогда предупреди ещё раз. Только не выворачивай кисть.

Ашер показал движение на собственном кулаке, не касаясь меня. Я повторила. На третьем ударе получилось лучше, на четвёртом он одобрительно кивнул. И я неожиданно обрадовалась — словно сдала экзамен, к которому не готовилась.

— Неплохо, Уинстон.

— Это редкое событие. Я запомню.

— Просто повтори удар.

Я ударила снова. Ашер чуть отвёл лапу, и мой кулак прошёл мимо. Я возмущённо выдохнула. Он рассмеялся — открыто, хрипловато. На мгновение я забыла, что собиралась сердиться: раньше я не слышала, чтобы он смеялся так.

— Ты специально! — Я опустила руки.

— В бою противник тоже не обязан стоять на месте.

— Прекрасно. Значит, я подам на тебя жалобу за нарушение педагогической этики.

— Подай Виктору. Он повесит её рядом с моими штрафами.

Тео, проходя мимо, заметил, что впервые видит Ашера таким терпеливым с новичком. Кейн швырнул в него полотенце. Джейс поймал его на лету и объявил, что им срочно нужно проверить душевые. Вскоре мы остались вдвоём.

Из соседнего зала доносились удары по мешку. Ашер опустил лапы и спросил, не болит ли запястье. Я покачала головой. Когда он потянулся за водой, тёмные линии татуировки на предплечье сместились вместе с мышцами. Я проследила за движением и спохватилась только тогда, когда он поднял глаза.

— Что? — спросил он.

— Смотрю, не пострадали ли лапы.

— Они переживут.

Он стоял близко, но не пытался сократить расстояние. Я потянулась за туфлями, чувствуя, как колотится сердце. Несколько минут я смеялась и не думала ни о счетах, ни о больничных коридорах. И это случилось рядом с человеком, с которым ещё недавно я едва могла находиться в одной комнате.

— Спасибо за урок, — сказала я, обуваясь.

— Не благодари. Твой прямой всё ещё ужасен.

— А твоё чувство такта всё ещё требует реабилитации.

Ашер улыбнулся и на этот раз не стал прятать улыбку. Я забрала папку Виктора, обулась и направилась к выходу из зала. Он пошёл следом, перекинув полотенце через плечо.

Уже в коридоре Ашер неожиданно заговорил:

— Твоя подруга опасна.

— Ты ещё легко отделался.

Он задержал взгляд на моём лице, словно решал, продолжать ли разговор. Даже Ашер Кейн, оказывается, умел сомневаться.

— Она права в одном, — сказал он. — Ты действительно много обо мне рассказываешь.

Я крепче сжала папку под мышкой, стараясь не показать, как меня задело его замечание.

— Не обольщайся. В основном это жалобы.

Ашер улыбнулся — на мгновение совсем открыто. Потом придержал передо мной дверь в холл. Мы пошли к выходу рядом, не касаясь друг друга, но расстояние между нашими руками ощущалось почти как прикосновение.

Глава 11

АШЕР

В среду я пропустил два удара, которых не должен был пропускать.

Первый скользнул по скуле — не больно, скорее обидно. Второй пришёлся в корпус, точно под ребро. Воздух вышел из лёгких коротким злым звуком. Я отступил к канатам, поднял перчатки и увидел, как Тео опускает руки.

— Ты сегодня со мной дерёшься или с собственными мыслями?

— Не останавливайся.

— Я уже дважды попал туда, куда обычно даже не успеваю прицелиться. И дело не в том, что я внезапно стал гением.

Я дёрнул головой в сторону центра ринга. Тео не сдвинулся. За его плечом виднелась дверь в коридор, и я, поймав себя на том, что снова смотрю туда, выругался.

— Вот именно, — сказал он. — Ты ждёшь, что она войдёт.

— Не начинай.

— Я ещё не начал.

Виктор хлопнул ладонью по канату.

— Перерыв. Кейн, в следующий раз оставишь голову за дверью — будешь работать на мешке до закрытия.

Я стянул капу и отвернулся, чтобы не видеть довольного лица Тео. В зале пахло нагретой резиной, потом и средством,

которым по вечерам протирали покрытие ринга. Знакомый запах, знакомый шум. Всё должно было возвращать меня в привычное состояние. Вместо этого я вспоминал Блэр.

Блэр даже не было в зале, а я всё равно искал её глазами.

Тео перегнулся через канаты и протянул мне бутылку.

— С адвокатом говорил?

Я открутил крышку. Холодная вода ударила по зубам.

— Говорил. Она хочет увидеть всё, что осталось от переписки с Роуэном.

— Отдашь?

— Да.

— Затем же, зачем последние два года открываешь ту папку и снова закрываешь. Чтобы убедить себя, что однажды что-нибудь сделаешь.

Я сжал бутылку. Пластик хрустнул под пальцами.

— Осторожнее, — негромко добавил Тео. — Я не враг тебе.

Я знал. От этого его слова задевали сильнее.

— Отдам, — произнёс я. — Всё, что есть.

Тео кивнул и больше не стал давить. За это я был ему благодарен.

Когда я вышел из раздевалки, Блэр стояла у принтера в конце коридора и пыталась удержать крышку лотка локтем. В другой руке у неё была стопка листов, между плечом и ухом — телефон. Из косы выбились несколько светлых прядей.

— Да, Эвелин, я поняла, — говорила она. — Нет, фотограф не может поставить свет прямо перед пожарным выходом. Потому что это пожарный выход.

Я остановился рядом. Она подняла на меня серо-зелёные глаза и беззвучно показала на застрявший лист.

Я протянул руку к крышке, но прежде вопросительно посмотрел на неё. Блэр чуть отступила, освобождая место. Я вытащил смятую бумагу. Принтер наконец ожил.

— Всё, — сказала она в трубку. — Разберусь.

Закончив разговор, Блэр взяла у меня лист и прищурилась.

— Кейн, ты только что спас принтер, — сказала Блэр, разглядывая расправленный лист. — Эвелин будет рада узнать, что у нас появился специалист по чрезвычайным ситуациям.

— До чрезвычайной ситуации не дошло. Бумага застряла.

— Ты умеешь портить торжественные моменты.

Она попыталась выровнять стопку, но листы снова разъехались. Я придержал их за угол, пока она не освободила руку. В другой день мы бы поспорили ещё немного. Сейчас мне почему-то хватило того, что она позволила помочь.

Она улыбнулась, и я вдруг заметил у неё на указательном пальце тонкую красную полоску. Бумага порезала кожу. Желание взять её руку оказалось таким быстрым и нелепым, что я сунул собственные ладони в карманы спортивных брюк.

— Ты порезалась, — сказал я, кивнув на палец.

Она посмотрела на палец.

— Заметила. Не первый мой бой с офисной техникой.

Я хотел предложить пластырь, но представил, как нелепо это прозвучит после нашей перепалки. Вместо этого посмотрел на тонкую полоску крови и всё-таки спросил:

— У тебя есть чем заклеить?

— В сумке. — Она помедлила. — Спасибо, Ашер. За принтер тоже. Я кивнул, не сразу придумав, куда деть руки. Когда Блэр потянулась за очередным листом, я уловил слабый запах ванили и задержался рядом дольше, чем требовалось.

— Через десять минут собрание, — напомнила она, заметив, что я всё ещё стою рядом.

— Помню.

Блэр прижала бумаги к груди и вопросительно приподняла брови. Я мог бы уйти. Вместо этого ещё секунду смотрел на неё, пытаясь понять, когда обычный разговор в коридоре стал для меня событием, которое не хочется заканчивать.

Потому что рядом с ней я на несколько минут забывал о том, чего от меня все ждали.

— Увидимся там, — сказал я наконец.

— Увидимся. — На этот раз она улыбнулась первой.

Она прошла мимо, едва задев меня локтем. Я посмотрел ей вслед и поймал себя на улыбке.

***

На собрании по поводу пятничного вечера один из менеджеров предложил отменить занятие подростковой группы.

По его мнению, спонсорам требовалось больше пространства для фотографий и фуршета. Я слушал вполуха, пока Блэр не отложила ручку.

— Мы обещали ребятам зал, — сказала она. — Они готовятся к соревнованиям. За два дня половина родителей не сможет перестроить расписание.

— У клуба есть более важные обязательства, мисс Уинстон.

Блэр выпрямилась. Я увидел, как напряглись её пальцы на краю блокнота, но голос остался ровным.

— Именно поэтому я предлагаю выполнить уже данное обещание.

За столом стало тихо. Эвелин подняла взгляд от планшета.

— Блэр права. Перенесём фотозону в малый зал. Подростковую группу не трогаем.

Менеджер поджал губы. Блэр снова взяла ручку и записала решение так спокойно, будто не только что спорила с человеком, от которого зависела часть её работы.

Она не пыталась никого впечатлить. Просто не хотела, чтобы взрослые нарушали обещание, данное детям. Я поймал себя на том, что горжусь ею.

После собрания я догнал её у лестницы.

— Ты была права.

Блэр остановилась на ступеньку выше меня. С этого расстояния я видел россыпь веснушек на переносице и малень-

кую родинку у ключицы, открывшуюся там, где край джемпера чуть сдвинулся.

— Это стоит записать, — сказала она, но привычная насмешка прозвучала неуверенно. Кажется, она ждала подвоха.

— Я серьёзно.

Блэр провела пальцем по перилам и взглянула на меня внимательнее. Я привык, что мои слова воспринимают как приказ, претензию или начало спора. Простая похвала почему-то давалась труднее всего.

— Тогда… спасибо, — произнесла она.

— Ты защитила ребят. Менеджер бы даже не вспомнил о них, если бы ты промолчала.

Она посмотрела в сторону лестничного окна. Улыбка у неё стала другой — тише, без привычного вызова.

— Мне просто не хотелось, чтобы они пришли в пятницу и обнаружили закрытую дверь.

От того, как она произнесла моё имя, я на мгновение растерялся. На её щеке прилипла светлая прядь. Я поднял руку, чтобы убрать её, но остановился, не коснувшись.

Блэр заметила движение. Её взгляд опустился к моей ладони и вернулся к лицу. Она не отступила.

— Что? — спросила она почти шёпотом, заметив мою поднятую руку.

— Прядь выбилась, — ответил я, чувствуя себя глупо. — Неважно.

Она убрала прядь за ухо. Я опустил руку, чувствуя себя неловко.

— Я поняла. — Блэр сама убрала волосы за ухо. В её улыбке не было ни насмешки, ни смущённой поспешности.

Мы постояли ещё мгновение. Потом снизу хлопнула дверь, и она отступила на ступеньку выше.

— Мне пора, — сказала Блэр. Я кивнул и остался на месте, пока не стихли её шаги.

***

В тот вечер я задержался у подросткового зала дольше, чем собирался. Через стекло было видно, как Виктор поправляет стойку худощавому мальчишке в слишком больших перчатках. Тот раз за разом выбрасывал прямой удар и всякий раз забывал вернуть руку к подбородку. Виктор терпеливо показывал снова. Я знал, что через полчаса он начнёт повышать голос; сейчас же в его движениях было столько аккуратности, будто он учил ребёнка держать не кулак, а хрупкую вещь.

— Ты ещё здесь? — раздалось за спиной.

Блэр несла картонную коробку с цветными лентами для пятничного вечера. Две золотистые полоски свисали с края и цеплялись за её запястье. На щеке у неё виднелась полоска пыли.

— Смотрю тренировку.

— Тогда отойди чуть в сторону. Мне не пройти.

Я протянул руки.

— Давай.

Она посмотрела на коробку, затем на меня.

— Уверен? — Она поправила коробку на бедре. — Я почти донесла.

— Вижу. Но до кладовой ещё один коридор.

Блэр рассмеялась и передала мне груз. Коробка оказалась легче, чем выглядела. Мы пошли к кладовой; она шагала рядом быстро и решительно.

— Ты ведь мог уйти час назад, — заметила она, когда мы свернули за угол.

— Мог. — Я перехватил коробку поудобнее.

— И всё же остался. — Блэр не смотрела на меня; она следила за лентой, которая норовила выскользнуть из коробки.

Я не ответил сразу. За стеклом зала Виктор снова показывал мальчишке, как держать защиту. Наверное, мне просто не хотелось возвращаться в пустую квартиру, где было слишком тихо.

— Сегодня у подростков была хорошая тренировка, — сказал я.

— Я видела. — Блэр наконец подняла взгляд. — Рада, что мы не отдали их время спонсорам.

— Я тоже. Она не стала шутить по поводу моего согласия. И от этого разговор неожиданно стал проще.

У кладовой она стала искать ключ и уронила связку. Мы нагнулись одновременно; наши пальцы столкнулись над плиткой. Блэр подняла глаза. На мгновение оба замерли.

— Держи, — сказал я, подняв ключи первым.

Она не сразу убрала руку. Потом выпрямилась, а я поднял ключи. Сердце стучало слишком быстро для человека, который просто наклонился к полу.

— Спасибо, — сказала она тихо.

Я вложил связку ей в руку. На секунду её пальцы сомкнулись поверх моих.

— У тебя руки холодные, — заметил я прежде, чем успел подумать, насколько странно это звучит.

— Я целый день бегаю между залами. Наверное, замёрзла.

Я хотел задержать её пальцы ещё на секунду, но отпустил связку. Блэр повернулась к двери, и я заставил себя сделать шаг назад.

— Откроешь? — спросил я, кивнув на коробку.

Она открыла дверь. Я поставил коробку на полку. В тесной кладовой пахло картоном и свежей краской. Блэр осталась у порога, сжимая ключи.

— Почему ты заступился за подростков? — спросила она.

— Я не заступался. Это сделала ты.

— Но потом поддержал меня перед менеджером.

Я пожал плечами. Перед глазами всё ещё стоял мальчишка за стеклом тренировочного зала — тот, которому Виктор терпеливо поправлял стойку.

— Когда мне было четырнадцать, отец однажды отменил мой выходной ради встречи с людьми, которых я даже не знал. Сказал, что настоящие чемпионы не выбирают, когда

им удобно работать. Я тогда думал, что если буду достаточно хорош, однажды он спросит, чего хочу я.

Блэр перестала улыбаться. Не из жалости — она просто слушала, не пытаясь вставить утешение.

— Спросил? — тихо произнесла она.

— Нет.

Я пожалел, что сказал это. Не потому, что она могла использовать признание против меня. Напротив: потому что её взгляд сделался таким внимательным, что мне захотелось продолжить.

— Мне жаль, — сказала Блэр после паузы. Не тем тоном, которым обычно утешают из вежливости. Она будто оставляла мне право не продолжать.

— Это было давно. — Я произнёс привычные слова и сразу услышал, насколько пусто они звучат.

— Но ты до сих пор помнишь, — тихо ответила она.

Я посмотрел на коробку с лентами, которую только что поставил на полку. Смешно: о детстве мне оказалось проще рассказать в тесной кладовой, чем в кабинете психолога, куда отец однажды отправил меня ради «работы над дисциплиной». Блэр не торопила. Не пыталась найти оправдание моему отцу. Просто ждала.

— Я не собирался тебе это рассказывать, — признался я.

— Я знаю. — Она чуть склонила голову. — И никому не перескажу.

От этого простого обещания в груди стало тесно. Я хо-

тел сказать что-нибудь в ответ, но слова не нашлись. Блэр первой вышла из кладовой, оставив дверь открытой. Я ещё несколько секунд стоял среди коробок, прислушиваясь к её удаляющимся шагам.

***

В четверг я поехал к адвокату.

Её кабинет находился над аптекой, в старом здании с тяжёлой дверью. На подоконнике стояло растение с пожелтевшими листьями, а в комнате пахло бумагой и остывшим кофе. Женщина лет пятидесяти, представившаяся миссис Хейл, внимательно слушала, пока я рассказывал о бое Ноя Уинстона, о Роуэне и о документах, которые хранил два года.

Я положил на стол распечатки. Среди них был лист, к которому я старался не прикасаться без необходимости. Бумага давно пожелтела по сгибу, но слова оставались такими же отчётливыми, как в день, когда я впервые их прочитал.

— Вы уверены, что помните последовательность событий? — спросила она.

— В том, что видел своими глазами, уверен.

— А в остальном?

Я посмотрел на ссадину на большом пальце. Утром содрал кожу о мешок; теперь край пластыря цеплялся за манжету.

— В остальном мне нужны ответы.

Миссис Хейл не стала утешать меня. Она уточнила даты, попросила исходные письма и предупредила, что отдельные документы ещё не доказывают всей цепочки решений. Ей

предстояло проверить, кто получил медицинские сведения, кто подписал допуск и какие записи сохранились у организаторов.

— Не уничтожайте переписку, даже если сообщения кажутся не относящимися к делу, — сказала она. — И не делайте публичных заявлений, пока мы не установим факты.

— А семье?

Она помолчала.

— Вы спрашиваете меня как юриста или как человека?

Я не ответил.

— Юридически я советую не утверждать того, что мы пока не можем подтвердить. Но решение о том, что вы обязаны рассказать лично, я за вас не приму.

На улице моросил дождь. Я стоял под козырьком аптеки, пока вода собиралась на воротнике куртки, и думал о Блэр. Её брат заново учился проходить по коридору, а я два года прятал бумагу, которая могла объяснить, почему ему пришлось этому учиться.

Мне хотелось верить, что сначала нужно разобраться во всём до конца. В этой мысли была доля правды. И слишком удобное место, где можно было спрятать страх.

***

К вечеру я вернулся в клуб за оставленной в кабинете сумкой. В коридоре меня ждал отец. Я открыл дверь кабинета и молча пропустил его внутрь.

— Нам лучше поговорить без свидетелей, — произнёс он.

— Тогда стоило предупредить о визите. — Я положил сумку на стол и не предложил ему сесть.

На его лице ничего не изменилось. Только возле рта появилась тонкая складка.

— Помню, — ответил я. — И цену, которую ты за это назначил.

— Я помню, кто учил меня боксировать, — ответил я. — И кто потом решил, что может распоряжаться всей моей жизнью.

Он медленно снял перчатку.

— Ты слишком много времени проводишь с людьми, которые отвлекают тебя от дела.

Я понял, о ком он говорит, ещё до того, как он продолжил.

— Девушка у администратора. Уинстон, кажется?

Я напрягся.

— Не втягивай её. — Я сам услышал, как изменился мой голос.

Отец усмехнулся без веселья.

— Я даже имени толком не помнил, — сказал отец. — А ты уже готов драться.

Я стиснул зубы. Он хотел, чтобы я сорвался, и знал, на что нажать. — Если речь о моей карьере, говори о ней. Блэр здесь ни при чём.

Ричард приблизился на шаг. От него пахло дорогим табаком и тем же резким одеколоном, который в детстве оставался в коридоре после его поздних возвращений.

— Не трогай прошлое, Ашер. Ты не представляешь, что за этим последует.

— Угрожаешь?

Впервые за весь разговор он отвёл глаза — всего на секунду. Этого хватило. Он натянул перчатку, разгладил пальцами манжету и улыбнулся так, как улыбался фотографам.

— Ты пожалеешь, что решил играть в самостоятельность.

Глава 12

БЛЭР

К пятнице Northline пах свежими цветами, спортивной мазью и дорогими духами. У стойки регистрации кто-то уронил коробку с программами, в зале спорили о расстановке столов, а Эвелин уже третий раз вызывала организатора по гарнитуре. До начала благотворительного вечера оставалось меньше часа.

— Блэр, дополнительные бейджи где? — Эвелин придержала гарнитуру ладонью, чтобы лучше меня слышать.

— В служебном шкафу. Я подписала коробку.

— А таблички для спонсоров? — Она уже листала планшет, не дожидаясь ответа.

Эвелин поправила гарнитуру. Выбившаяся из причёски прядь липла к виску, но она упрямо делала вид, что всё под контролем.

— На стойке. Эвелин, они никуда не исчезнут.

— Хорошо бы и человек, который обещал переставить столы, никуда не исчез.

— Если найдёшь его, скажи, что я тоже очень хочу с ним познакомиться.

Я попыталась сохранить серьёзное лицо, но уголки губ всё-таки дрогнули. Эвелин посмотрела на меня поверх планшета.

Эвелин на секунду прикрыла глаза, а потом рассмеялась. Я вернулась к списку гостей. За стеклянными дверями темнело; официанты проносили подносы, в зале звенели бокалы. Из дальнего тренировочного помещения донёсся удар по мешку. Я невольно прислушалась.

Я знала, кто там тренировался.

Утром Ашер принёс мне кофе — с одной ложкой сахара, как я однажды обмолвилась. Потом задержался у стола и произнёс моё имя так, будто собирался сказать что-то ещё. Я ждала. Он тоже. В итоге нам обоим помешал телефон Эвелин, и теперь я ловила себя на нелепом желании узнать, что именно осталось недосказанным.

Дверь распахнулась, и мне пришлось вернуться в настоящее.

— Мисс Уинстон?

Перед стойкой остановился Дэмиан Кросс — высокий, широкоплечий, в светлом пальто поверх тёмной рубашки. Его представили мне на прошлой неделе как приглашённого тренера по спаррингам. Тогда я заметила только лёгкую улыбку и уверенную манеру держаться. Сейчас, вблизи, разглядела старый перелом носа, тонкий шрам у губы и татуировку шахматной ладьи, выглядывавшую из-за воротника.

Он поднял упавший со стойки список гостей и подал мне. Я потянулась за листами, но Дэмиан ещё секунду придерживал их пальцами.

— Вы уронили, — сказал он. — Было бы обидно потерять

половину гостей до начала вечера.

— Спасибо. — Я выровняла листы. — Ваше имя есть в списке, мистер Кросс.

— Опять «мистер»? На тренировке мы вроде обошлись без церемоний.

Он улыбнулся. Я ответила вежливой улыбкой, какой встречала всех гостей, но Дэмиан задержал взгляд на моём лице.

Я нашла его фамилию в списке и протянула бейдж. Он уже знал дорогу в главный зал, но не торопился уходить.

— Сегодня я встречаю гостей, — ответила я, протягивая ему бейдж. — Главный зал справа.

— А после вечера? — Он повертел бейдж в пальцах, даже не взглянув на него.

— После вечера я буду очень рада наконец снять туфли.

— Я мог бы предложить компанию.

За его спиной женщина переминалась с ноги на ногу, прижимая к груди приглашение. Я встретилась с ней взглядом и чуть повернулась к Дэмиану боком.

Он взял бейдж. Я уже повернулась к следующему гостю, когда он снова заговорил.

— Блэр, — позвал он, когда я уже потянулась к следующей программе. — Вы ведь не всегда так заняты?

— Сегодня — да. — Я старалась говорить спокойно. — Приятного вечера.

— Я спрашиваю не о сегодняшнем вечере.

Он наклонился ближе. Мне пришлось отступить на полшага, чтобы между нами снова оказалась вся ширина стойки.

— А я отвечаю о нём. Простите, у нас очередь.

— Ладно, не буду мешать. Увидимся позже.

Он отошёл не сразу. Лишь когда женщина за его спиной негромко попросила пропустить её к стойке, Дэмиан уступил место. Я выдала ей программу и только тогда заметила, как крепко сжимала ручку.

На тренировках его уверенность казалась безобидной. Сегодня он несколько раз не услышал моего нежелания разговаривать. Я знала, что могла быть резче, но не хотела устраивать сцену посреди рабочего вечера. От этого выбора мне стало ещё досаднее.

Я сделала в рабочем журнале короткую пометку о задержке очереди у стойки. Если Эвелин спросит, почему регистрация шла медленнее, у меня будет ответ. И всё же мысль о том, что я заранее ищу оправдание собственной настороженности, не давала покоя.

***

Ашер появился у стойки незадолго до начала вечера. На нём была тёмная рубашка, рукава закатаны чуть выше запястий. В таком виде он казался непривычно собранным, почти официальным, но тёмно-каштановые волосы, как всегда, отказывались подчиняться. Одна прядь упала на лоб, рядом со шрамом над бровью.

— Ты уже минуту изучаешь мою рубашку. Что-то не так?

— Ашер остановился напротив стойки.

— Пытаюсь привыкнуть к тому, что на тебе нет спортивной формы.

Я окинула его рубашку нарочито строгим взглядом. Ашер выпрямился, будто действительно ожидал оценки.

— И как, получается?

— Пока держусь. — Я потянулась к стопке программ, хотя они лежали ровно.

Ответ вырвался слишком быстро. Ашер заметил это: на его лице появилась улыбка, и я поспешила заняться бейджами.

Он опёрся о стойку. От него пахло знакомым древесным одеколоном — после целого дня среди тяжёлых духов это было неожиданно приятно.

— Ты сегодня ела? — спросил он неожиданно.

— Ты серьёзно? — Я оторвалась от списка. Не так давно он едва терпел мои замечания о расписании, а теперь проверял, успела ли я поесть.

— Серьёзно. — Он не улыбался. И, что было хуже всего, действительно ждал ответа.

— Половину сэндвича, — призналась я. — И прежде чем ты начнёшь лекцию, это был большой сэндвич.

Ашер посмотрел на меня, потом на часы над дверью. Ни насмешки, ни привычного раздражения в его лице не было.

— Блэр, уже почти семь.

— Знаю. Я сама составляла расписание вечера.

Он открыл рот, но закрыл его. Я почти увидела, как он отказывается от замечания, которое ещё месяц назад произнёс бы без колебаний.

Он хотел что-то сказать, но передумал. Только коротко усмехнулся. Мне почему-то стало легче дышать.

— В комнате отдыха стоит контейнер с едой, — сказал он. — Для тебя. Если найдёшь десять минут.

Я замерла с ручкой в руке. Он не пытался произвести впечатление: даже не смотрел, как я отреагирую.

— Ты специально привёз мне ужин?

— Я всё равно ехал мимо, — ответил он слишком быстро.

Я знала, что это неправда. Из его района дорога сюда шла совсем в другую сторону. Но почему-то не захотела ловить его на этом.

— Спасибо, Ашер.

— Кейн! — донёсся из зала голос Джейса. — Виктор ищет тебя для общей фотографии!

— Иди, — сказала я, стараясь не выдать разочарования. — Тебя ждут.

Ашер отошёл к спонсорам. Я старалась не следить за ним, но взгляд то и дело возвращался к тёмной рубашке и закатанным рукавам. Он слушал пожилого мужчину с тем сдержанным выражением, которое я уже научилась узнавать: ещё немного — и Кейн скажет что-нибудь резкое.

Он, однако, не сказал. Только чуть склонил голову и ответил так спокойно, что собеседник рассмеялся. Я поймала

себя на мысли, что в последнее время замечаю в Ашере вещи, которых раньше просто не искала.

Когда он тоже улыбнулся, я задержала взгляд на его лице дольше, чем следовало.

Блэр, ты на работе.

Я вернулась к списку. Через несколько секунд всё равно посмотрела снова.

Ашер уже смотрел на меня.

Он едва заметно улыбнулся. Я тут же повернулась к следующему гостю, чувствуя себя пойманной на чём-то гораздо более серьёзном, чем невнимательность.

Вечер только начинался, а я уже с трудом удерживала мысли там, где им полагалось быть.

Очередной гость попросил программу. Я протянула её, заставив себя сосредоточиться.

— Это правда, что вы с Кейном встречаетесь? — спросил Дэмиан так буднично, словно уточнял время начала программы.

Дэмиан Кросс стоял по другую сторону стойки. Я не заметила, как он подошёл.

— Простите, это личный вопрос.

— Он весь вечер на вас смотрит. — Дэмиан улыбнулся, но не отвёл глаз. — Неужели вы не замечаете?

Кросс скользнул взглядом туда, где стоял Ашер, и снова посмотрел на меня. Его любопытство казалось слишком пристальным для случайного вопроса.

— Вам нужна помощь с мероприятием? — Я положила ладонь на список гостей.

— Вы всегда так ловко уходите от ответа?

— Только когда вопрос не имеет отношения к моей работе.

Я положила перед собой следующую программу. Отвечать на вопросы о Кейне я не собиралась — тем более человеку, который не хотел слышать простого отказа.

Он усмехнулся. На мгновение шрам у губы сделал его лицо жёстче.

— Пожалуй, Кейну просто нравится, когда ему отказывают. — Дэмиан чуть склонил голову. — А вам нравится отказывать?

Мне не понравилось, как он произнёс последние слова — будто отказ был не решением, а частью игры.

— Я попросила вас пройти в зал. — Мне пришлось повторить это медленнее, чем хотелось.

Он ушёл. Я выдохнула и только тогда заметила, что всё это время стояла, не разгибая пальцев на краю стойки.

Чуть позже, когда я несла чистые бокалы к стойке, Дэмиан снова попался мне на глаза. На этот раз он стоял в стороне от гостей, возле окна, и говорил по телефону. Его плечи оставались расслабленными, но пальцы сжимали аппарат так крепко, что побелели костяшки.

— Я понял, — произнёс он, не повышая голоса. После короткой паузы добавил: — Не здесь и не сегодня. — Он

отвернулся к стеклу, и остальное утонуло в музыке.

Я не собиралась подслушивать. Но когда Дэмиан увидел меня в отражении, он слишком быстро убрал телефон. Улыбка появилась на его лице с опозданием, словно он вспомнил о ней не сразу.

Я вернулась к работе. Разговор мог касаться чего угодно, и я не собиралась придумывать ему смысл. Но ощущение, что я на секунду увидела другого Дэмиана, не отпускало.

***

Через полчаса Дэмиан нашёл меня возле столика с программами.

— Во сколько вы освобождаетесь? — Дэмиан остановился так близко, что мне пришлось отодвинуть стопку программ.

— Я не обсуждаю с гостями своё расписание после работы.

— Даже если гость просто хочет угостить вас ужином? — Он говорил негромко, будто делал мне одолжение, не привлекая внимания.

— Даже тогда. — Я подняла глаза. — И я уже отвечала вам.

Он засмеялся, но в глазах улыбки не было.

— Не ожидал, что вы так серьёзно к этому отнесётесь.

Я подняла взгляд. Раньше он обращался ко мне по имени как коллега, но сейчас это прозвучало слишком фамильярно.

— Я говорю совершенно серьёзно.

— Неужели один ужин — такая страшная перспектива?

— Я не хочу с вами ужинать, Дэмиан. Пожалуйста, больше не спрашивайте.

Слова прозвучали твёрже, чем я ожидала. Я сама услышала в них окончательное решение и не стала ничего добавлять.

Дэмиан отступил. Я прошла мимо, чувствуя, как напряглись плечи. В зале играла музыка, кто-то смеялся у фуршетного стола. Всё выглядело обычным, и от этого мне было особенно не по себе.

Я нашла Эвелин возле сцены и тихо рассказала о разговоре.

Она сразу отложила планшет.

— Он тебя трогал? — спросила Эвелин, когда мы отошли от сцены.

— Пока нет. Но он несколько раз возвращался к стойке и не принимал отказ. — Я осеклась. Вслух это звучало неприятнее, чем в голове. — Я не хочу оказаться с ним наедине.

Эвелин перестала смотреть в планшет. — Поняла. Сейчас предупрежу охрану. А ты, если он снова подойдёт, не пытайся уладить всё сама.

Эвелин посмотрела в сторону зала, быстро оценивая, кто из сотрудников охраны сейчас свободен. Её деловитость немного успокоила меня: она не сомневалась ни во мне, ни в том, что ситуацию следует воспринимать серьёзно.

— Я не хочу испортить вечер. — Мне самой стало досадно от этих слов.

Эвелин посмотрела на меня поверх очков.

— Блэр, вечер не важнее твоей безопасности. — Она произнесла это без нажима, будто речь шла о самом очевидном на свете.

Я кивнула. Эвелин не попросила меня быть помягче и не стала искать оправданий для Кросса. Только после её слов я поняла, как сильно нуждалась в такой простой поддержке.

В коридоре меня догнал Джейс. Он пытался поправить воротник рубашки, но тот упрямо заворачивался внутрь.

— Помоги, — попросил Джейс, останавливаясь передо мной. — Воротник живёт собственной жизнью. Я уже проиграл ему два раунда.

— А ты пробовал не бороться с одеждой? — Я поправила край ткани, стараясь не помять его окончательно.

— Теперь попробовал. Работает. — Он посмотрел мне за плечо и вдруг перестал улыбаться.

Я рассмеялась и расправила ткань. За его плечом увидела Ашера. Он разговаривал с Тео, но на секунду замолчал, заметив мои руки у шеи Джейса. Его бровь едва заметно поднялась.

Джейс проследил за моим взглядом и расплылся в улыбке.

— Он весь вечер ищет тебя глазами, — сказал Джейс уже тише.

— Джейс, пожалуйста, не сегодня.

Он всмотрелся в моё лицо. — Что-то случилось?

— Просто устала. — Ответ прозвучал слишком быстро.

Джейс не стал шутить. — Если понадобится помощь, скажи мне или Тео. Ладно?

Я легко толкнула Джейса в плечо и пошла дальше. Когда оглянулась, Ашер смотрел не на мои руки, а на лицо. Улыбка исчезла, едва наши взгляды встретились. Наверное, он заметил, что со мной что-то не так.

***

Ближе к концу вечера Эвелин попросила принести запасные бейджи из служебной кладовой. Я выскользнула из зала, где музыка уже заглушала голоса, и прошла по прохладному коридору. Нужная коробка стояла на верхней полке. Я сняла её, прижала к груди и повернулась к двери.

Дэмиан стоял в дверях.

— Вот ты где, — сказал Дэмиан. Его голос прозвучал почти радостно.

Я остановилась. За его плечом коридор был пуст. От двери до ближайшего поворота — несколько шагов, но Дэмиан занимал почти весь проём.

— Мне нужно вернуться к гостям. Отойдите, пожалуйста.

— Снова «вы»? — Он усмехнулся. — Мы же можем поговорить нормально, без публики.

Я посмотрела на просвет между его плечом и дверным косяком. Пройти можно было, только если он подвинется.

— Мы уже поговорили. — Я крепче взялась за коробку. — Пропустите меня.

Он рассмеялся. Потом протянул руку и, прежде чем я

успела отстраниться, поправил ворот моей блузки. Чужие пальцы задержались у ключицы.

Я резко отступила.

— Не трогайте меня.

— Я всего лишь поправил воротник. — Он пожал плечами, будто извиняться было не за что.

— Я вас об этом не просила.

— Не надо делать из меня преступника из-за одного движения.

Он развёл руками, изображая недоумение. Я почувствовала злость — холодную, отчётливую. Ему было удобно называть всё шуткой, пока я вынуждена была просить об элементарном.

Я шагнула вправо. Дэмиан переместился следом, заслонив выход. Я попробовала обойти его слева — и снова увидела перед собой широкую грудь под дорогой рубашкой.

— Отойдите от двери. — Я повысила голос, надеясь, что кто-нибудь в коридоре услышит.

— Давай поужинаем и забудем эту глупую ссору. — Он понизил голос. — Или тебе нужно разрешение Кейна?

— Мне не нужно ничьё разрешение. Я сказала нет.

Я крепче прижала коробку к груди. Сердце билось быстро, но я заставила себя смотреть ему в лицо. Не хотела, чтобы он принял мой страх за согласие.

— Тогда почему ты весь вечер смотришь на него? — спросил он, будто поймал меня на лжи.

Я почувствовала, как лицо вспыхнуло. Не от смущения — от того, что он пытался превратить мой отказ в спор об Ашере.

— Это вас не касается.

— Меня касается, когда со мной играют. — Он сделал шаг, и резкий запах его одеколона перебил запах пыли в кладовой.

— Я с вами не играю. Отойдите.

Он понял меня — я увидела это по тому, как изменилось его лицо. И всё равно остался на месте.

Я попыталась протиснуться к двери. Дэмиан схватил меня за локоть, развернул к себе и положил вторую руку на талию. Коробка выскользнула из рук; пластиковые бейджи с треском рассыпались по полу.

— Убери руки! — Я упёрлась ладонями ему в грудь.

Он даже не пошатнулся.

— Перестань вырываться. Я же ничего тебе не делаю.

— Ты держишь меня. Убери руки!

Я услышала собственный голос словно со стороны. Мне было страшно, и всё же я отчётливо понимала: происходящее не было недоразумением. Я просила отпустить меня. Он не отпускал.

Я ударила его по руке и попыталась вывернуться. Он отпустил талию, но тут же перехватил моё запястье. Пальцы сжались слишком крепко. На миг я растерялась от самой нелепости происходящего: за стеной смеялись гости, официанты

разносили напитки, а мне приходилось объяснять взрослому мужчине, почему нельзя хватать человека, который сказал «нет».

— Отпусти меня. Сейчас же.

— Кричи громче. Может, твой Кейн прибежит.

— Она сказала убрать руку.

Я вздрогнула. Ашер стоял в коридоре, в нескольких шагах от двери. Он смотрел на моё запястье. Я никогда не видела его таким неподвижным.

Он сделал шаг. Потом ещё один. Медленно, будто каждое движение приходилось выверять.

— Не лезь, Кейн, — бросил Дэмиан, всё ещё удерживая моё запястье. — Мы сами разберёмся.

— Она уже сказала, чего хочет. — Голос Ашера был ровным. — Отпусти.

— С каких пор ты за неё отвечаешь?

— Я ни за кого не отвечаю. Я прошу тебя убрать руку.

Дэмиан скривил губы, будто собирался ответить колкостью, но Ашер даже не дал ему закончить движение. Он смотрел только на руку, удерживавшую моё запястье.

Руки Ашера оставались вдоль тела, но пальцы медленно сжимались в кулаки. Я вспомнила, как он замирает перед ударом на тренировке. Только сейчас между ним и противником не было ни канатов, ни судьи.

Дэмиан нарочно провёл тыльной стороной ладони по моей щеке. Я отшатнулась; его улыбка исчезла, едва он заметил

Ашера.

Ашер оказался рядом, прежде чем я успела моргнуть. Он перехватил руку Кросса, отвёл её от меня и разжал его пальцы.

Я отступила, прижимая руки к груди.

— Ещё раз к ней прикоснёшься — пожалеешь, — произнёс Ашер. Я слышала, как он с трудом удерживает голос ровным.

Дэмиан расправил плечи. Они были почти одного роста, но стояли так близко, что мне стало трудно дышать.

— Ты ей кто? — Дэмиан криво усмехнулся. — Личный охранник?

Ашер посмотрел на него. Долго. Так, что у меня похолодело под рёбрами.

— Тот, кто слышал её «нет». Этого достаточно.

Ашер говорил тихо, однако каждое слово звучало отчётливо. Он не пытался впечатлить Дэмиана угрозами; от этого его спокойствие казалось куда опаснее.

— Как благородно. — Дэмиан посмотрел на меня поверх плеча Ашера. — Скажи ему, Блэр, что мы просто разговаривали.

— Нет. — Мой голос дрогнул, но я не отвела взгляда. — Ты не давал мне выйти и схватил меня. Не называй это разговором.

Оба повернулись ко мне. На секунду стало тихо. Я не собиралась стоять между ними и слушать, как они решают, ко-

му я принадлежу.

Ашер коротко кивнул, не оборачиваясь ко мне. Он услышал. На этот раз он позволил моим словам остаться последними.

— Ты ведь улыбалась мне у входа, — сказал Дэмиан, и от этой попытки оправдаться мне стало почти дурно.

— Потому что я встречала гостей. — Я выговорила каждое слово отдельно. — Я не приглашала тебя прикасаться ко мне.

Я шагнула вперёд, несмотря на дрожь в коленях. Меня разозлило, что Дэмиан всё ещё рассчитывает превратить мой обычный рабочий разговор в оправдание для своих рук.

Улыбка Дэмиана исчезла. Он шагнул ко мне, но Ашер встал поперёк дороги.

— Назад.

— Или что? Ударишь при свидетелях?

Дэмиан толкнул его ладонью в грудь. Ашер не шелохнулся. Второй толчок был сильнее. Я увидела, как он чуть повернул плечо, как напряглось предплечье под закатанным рукавом. Ещё мгновение — и сдержанность закончится.

— Ашер. — Я услышала, как неуверенно прозвучало его имя.

Он не обернулся.

— Пожалуйста, посмотри на меня. — Я сделала шаг, но не стала трогать его, пока он не повернулся.

Я сказала это тише. Он не оборачивался, и на мгновение

мне показалось, что не услышит. Тогда я повторила его имя.

Пальцы на его правой руке медленно разжались. Он повернул голову — не сразу, словно выныривал из какого-то места, куда мне не хотелось заглядывать. В его глазах всё ещё стояла ярость. Но он смотрел на меня.

— Я здесь, — повторила я, когда он наконец встретился со мной взглядом. — Мне нужно, чтобы ты отошёл. Не делай этого из-за меня.

Эти слова, кажется, наконец достигли его. Ашер отступил на полшага, оставаясь между мной и Дэмианом.

В коридоре послышались быстрые шаги. Появились Тео и охранник, привлечённые шумом упавшей коробки и нашими голосами.

— Что здесь происходит? — резко спросил охранник.

— Ваш боксёр на меня набросился, — бросил Дэмиан, мгновенно вернув себе светскую улыбку.

— Он схватил меня, — сказала я охраннику. — Я несколько раз просила отпустить. Ашер вмешался, когда Дэмиан не послушал.

Говорить было трудно. Но Дэмиан уже улыбался охраннику, готовый представить всё как недоразумение. Я не могла позволить ему рассказать мою историю вместо меня.

Охранник посмотрел на краснеющее запястье.

— Над дверью камера, — сказал охранник. — Мы сохраним запись и разберёмся. Мистер Кросс, пройдёмте.

— С удовольствием, — процедил Дэмиан. Проходя мимо

Ашера, он наклонился к нему и произнёс так тихо, что я едва разобрала: — У тебя, оказывается, есть слабое место.

Ашер рванулся было следом. Я коснулась его предплечья.

Он остановился.

Дэмиан ушёл вместе с охранником, но даже после его ухода мне казалось, что пальцы всё ещё сжимают запястье.

Тео задержался у двери.

— Я найду Эвелин, — сказал он. — И прослежу, чтобы запись сохранили.

Когда мы остались вдвоём, Ашер не подошёл сразу. Он смотрел на моё запястье, но держался на расстоянии, словно боялся напугать меня ещё сильнее.

— Блэр, можно посмотреть руку? — спросил Ашер, не сокращая расстояния между нами.

Я кивнула. Он подошёл осторожно, оставив мне возможность отступить.

— Здесь болит? — Он указал на следы у запястья, прежде чем прикоснуться.

Я протянула запястье. Он коснулся моей ладони двумя пальцами, бережно повернул руку к свету. На коже проступали красные полосы.

— Чёрт, — выдохнул он.

— Похоже, я завтра буду носить длинные рукава, — сказала я, пытаясь пошутить. Голос подвёл меня на последнем слове.

— Не нужно делать вид, что всё нормально. — Он сразу

отпустил мою руку.

Я попыталась улыбнуться. Не получилось. Ашер заметил это и сразу отпустил мою руку.

Он поднял глаза. Я впервые увидела, как сильно его трясёт от злости: едва заметно дрожали пальцы, которые только что держали мою руку.

— Прости. — Ашер произнёс это хрипло, будто слово застряло у него в горле.

Он стоял близко и впервые, кажется, не знал, что сказать. Я заметила, как трудно ему разжать челюсть. Под привычной яростью проступало что-то другое — испуг.

Он провёл ладонью по лицу.

— Я увидел, как он держит тебя, и… — Он оборвал себя, глядя в пол. — Я почти сорвался.

— Я знаю. — Я сглотнула. — Я тоже испугалась. И тебя в тот момент немного.

В его взгляде мелькнуло что-то беззащитное. Он отвёл глаза первым.

— Когда ты подошёл, мне стало легче, — сказала я после паузы. — Но я хочу, чтобы ты слышал меня, даже когда злишься.

Ашер не ответил сразу. Я увидела, как болезненно он воспринял мои слова, и уже пожалела о резкости. Но брать их назад не стала.

— Я услышал, — сказал он наконец. — Поздно, но услышал.

В этой простой фразе не было попытки оправдаться. Мне стало легче — не сразу, а понемногу, словно после долгой задержки воздуха.

— Спасибо, — сказала я. На этот раз мне не пришлось заставлять себя улыбаться.

Он кивнул и отошёл на шаг. Теперь я могла дышать свободнее.

Я вдруг поняла: он испугался за меня. Но от этого не исчезало моё собственное желание решать, что делать дальше.

— Пообещай мне кое-что, — попросила я, пока он не ушёл.

— Слушаю.

— Не ищи его потом. Не пытайся разобраться с ним один на один. — Я сжала здоровой рукой край рукава. — Я хочу, чтобы всё решалось через Эвелин и охрану.

Ашер отвёл глаза. За стеной продолжала играть музыка; кто-то громко засмеялся. Я ждала, не перебивая его молчание.

Наконец он посмотрел на меня. — Мне это не нравится. Но я обещаю.

— Спасибо. — Я не знала, что ещё сказать. Впервые за вечер тишина между нами не пугала.

***

Эвелин записала мои слова в переговорной. Охранник попросил рассказать всё с самого начала. Я описала первый разговор, повторные отказы, пустой коридор, руку Дэмиана.

На словах «он не выпускал меня» голос неожиданно сел.

Эвелин придвинула коробку салфеток.

— Я не плачу, — выдавила я, глядя на коробку салфеток.

— И не обязана, — ответила Эвелин. — Просто пусть будут под рукой.

Я улыбнулась. Впервые кто-то не требовал от меня немедленно собраться.

После разговора я подняла голову к камере над дверью кладовой. Чёрный купол был направлен на вход. Я не знала, что именно попало в кадр, но Эвелин заверила: запись сохранят и проверят.

У выхода Ашер ждал возле окна. Он не двинулся ко мне, пока я сама не подошла. На его лице лежала усталость, а в глазах — десяток невысказанных вопросов.

— Машина уже едет, — сказала я, остановившись рядом с Ашером.

— Я могу подождать, пока ты сядешь, — предложил он. — Только если хочешь.

— Я хочу немного побыть одна. Эвелин сказала, что запись сохранят. Завтра решу, что делать дальше.

— Если понадобятся мои показания, скажи. — Он опустил взгляд на моё запястье и тут же отвёл его.

Мы помолчали. Я хотела, чтобы он остался рядом, и одновременно не выносила мысли о том, что кто-то снова будет решать за меня. Ашер не пытался заполнить тишину.

— Блэр… — Он замолчал, словно боялся, что любое про-

должение будет не к месту.

— Не сейчас, — попросила я. — Я не могу больше сегодня об этом говорить.

Он кивнул и отступил. — Хорошо. Я буду на связи.

— Хорошо.

На запястье проступили красные следы пальцев. Я провела по ним большим пальцем и почувствовала не столько боль, сколько глухую злость. Дэмиан успел сказать, что я всё неправильно поняла, что он просто шутил. На секунду мне захотелось поверить в эту удобную версию, лишь бы не возвращаться мысленно к узкому коридору и закрытому выходу. Но я помнила собственный голос. Помнила, как ясно попросила отпустить меня. И знала, что ошибиться было невозможно.

Я открыла телефон. Мама прислала короткое видео: Ной, держась за поручень, делал осторожный шаг, потом ещё один. Камера дрожала от её волнения. Брат остановился, поднял глаза и усмехнулся той усмешкой, с которой когда-то выходил из комнаты после очередного нашего спора.

«Не говори Блэр, что я устал», — услышала я его голос за кадром.

Я прижала телефон к груди. Мне хотелось позвонить ему, услышать привычную шутку, но я не могла позволить себе рассказать о сегодняшнем вечере так, чтобы он снова почувствовал необходимость защищать меня, находясь за сотни километров и учась заново ходить.

Я набрала: *«Видела видео. Горжусь тобой. И да, мама всё рассказала».*

Ответ пришёл почти сразу: «Предательница. Я вообще-то собирался выглядеть героически».

Я засмеялась сквозь слёзы. Ной был далеко, но оставался собой. И я тоже имела право испугаться, не переставая быть собой.

На экране высветилось имя Ашера. Я удивилась: мы только что расстались у выхода.

«Я не стал подходить к машине. Надеюсь, ты добралась без проблем. Если захочешь поговорить — напиши. Если нет, я пойму».

Я перечитала слова, прежде чем ответить. Он не спрашивал, почему я не осталась, и не требовал объяснений.

«Еду домой. Спасибо, что не настаиваешь», — написала я.

Дома Мэдисон встретила меня на кухне. На столе стояли две кружки чая. Я рассказала ей всё — сбивчиво, несколько раз возвращаясь к тому, как Дэмиан заслонил дверь. Она не перебивала и не просила успокоиться. Только подвинула ко мне кружку, когда я наконец замолчала.

— Я ведь ясно сказала ему «нет», — произнесла я, разглядывая остывающий чай.

Мэдисон поставила свою кружку. — Я слышу тебя.

— А он всё равно… — Я не договорила. В горле встал ком, хотя я уже столько раз пересказала эту сцену.

Мэдисон подвинулась ближе, но не обняла меня сразу. — Можно я просто посижу с тобой?

Я кивнула. — Пожалуйста.

Она осталась рядом. Не задавала вопросов, на которые я не была готова отвечать, и не пыталась отвлечь меня шуткой.

Только тогда я расплакалась. Мэдисон обняла меня, и я впервые за весь вечер перестала следить за тем, как выгляжу со стороны.

Позднее, когда я уже лежала в кровати, телефон осветил потолок.

«Если нужна компания, я приеду. Если тебе спокойнее одной — не буду мешать». Ашер.

Я перечитала сообщение несколько раз. За окном проехала машина, полоска света скользнула по стене и исчезла.

«Пока мне нужно побыть одной. Но спасибо, что спросил», — написала я.

Ответ пришёл почти сразу.

«Понял. Спокойной ночи, Блэр».

Я положила телефон рядом. Мне хотелось, чтобы Ашер оказался здесь, и в то же время я была благодарна ему за то, что он не пришёл без приглашения.

Я закрыла глаза. В памяти всё ещё всплывала кладовая, и я не могла заставить себя забыть её. Но рядом с этим воспоминанием появилось другое: Ашер остановился, когда я позвала. Отступил, когда попросила. Не потребовал от меня ничего взамен.

В ту ночь я ещё долго не могла уснуть. И всё же впервые за вечер мне не нужно было защищать право решать за себя.

Глава 13

АШЕР

К служебному входу клуба я вернулся уже с подсохшей кровью на воротнике. Рубашка прилипла к шее, под правыми рёбрами тупо ныло. Я опёрся ладонью о холодную стену, собираясь с силами. До кабинета Блэр оставался один коридор, он казался бесконечным.

Тремя днями раньше, в пятницу, на вечере спонсоров я пообещал Блэр не искать Дэмиана. Сегодня был понедельник. Я задержался в клубе, собирая для независимого адвоката копии писем и записи о бое Ноя. Блэр работала этажом выше. Когда написал Роуэн, я вышел через служебную дверь: не хотел, чтобы она услышала разговор, который всё ещё не решался с ней начать.

На парковке пахло мокрым бетоном. Над служебным выходом мигала лампа; в дальнем ряду стояло несколько машин.

Я снова посмотрел на сообщение Роуэна.

«Нам нужно обсудить то, что ты видел перед боем Уинстона».

От одного имени Роуэна сжало горло. Я так долго убеждал себя, что прошлое осталось на арене, что почти научился верить собственному голосу.

На общем инструктаже перед боем я видел строку напро-

тив фамилии Ноя, требовался повторный осмотр. Позже координатор уверил всех, что вопрос закрыт. Я не видел заключения врачей и не мог решать за комиссию. Но мог предупредить Ноя. Мог потребовать подтверждения. Вместо этого промолчал: боялся, что бой отменят.

— Кейн. — Дэмиан вышел из-за внедорожника, будто парковка принадлежала ему вместе с машинами, асфальтом и людьми. — А я думал, после пятницы ты научился держаться подальше от чужих дел.

Я остановился под мигающей лампой. За его спиной маячили трое

— Нам есть о чём поговорить? — спросил я, глядя на троих за его спиной. — Или без зрителей тебе скучно?

Дэмиан оскалился. Шрам на переносице делал его улыбку кривой; под воротником куртки виднелась татуировка шахматной ладьи.

— Вот за что тебя люблю, Палач. Вокруг тебя всегда пахнет неприятностями, а ты всё равно открываешь рот. Слушай внимательно, я не для того сюда тащился, чтобы обмениваться с тобой любезностями.

— Говори, зачем пришёл. — Я чувствовал, как под курткой напряглись плечи.

Он приблизился на шаг. Я не отступил. Между нами осталось расстояние удара — слишком маленькое для мирного разговора и слишком большое для случайного столкновения.

— Ты в последнее время слишком много суёшь нос не в свои дела, Кейн. Спрашиваешь, слушаешь, копаешься там, где тебя не звали. Думаешь, раз тебе хлопают с трибун, можешь делать что захочешь?

— Угрозы тебе идут меньше, чем ты думаешь. — Я посмотрел на троих за его спиной. — Особенно когда ты приводишь подмогу.

Улыбка Дэмиана погасла.

— Ты считаешь себя мужиком, потому что умеешь бить по правилам? — спросил он. — На ринге тебя спасает гонг. Здесь никто не поднимет руку и не остановит бой.

— Тебе, смотрю, тоже спокойнее, когда за спиной трое.

Парень справа дёрнулся, но Дэмиан поднял ладонь, останавливая его. Ему нравилось растягивать удовольствие. Нравилось, когда остальные ждали его разрешения дышать.

— Осторожнее с языком, Кейн. Я ведь могу решить, что ты сам просишь неприятностей.

— Тогда заканчивай. — Я услышал собственный голос и понял, что говорю слишком резко. Дэмиан именно этого ждал.

Он усмехнулся и вдруг сменил тон на почти дружеский:

— Кстати, видел твою блондиночку. Блэр Уинстон. Забавная девчонка. На вечере спонсоров такая смелая была — огрызалась, будто кто-то всерьёз обязан слушать её «нет».

Я почувствовал, как напряглась челюсть. Перед глазами на мгновение вспыхнула картинка: чужая ладонь на талии

Блэр, её побелевшие пальцы, злость в серо-зелёных глазах. Дэмиан заметил перемену раньше, чем я успел её скрыть.

— Не говори о ней.

— О, так ты всё-таки следишь за ней. — Он наклонил голову. — А я думал, она просто прицепилась к тебе. Смешная, неловкая девочка. Строит из себя недотрогу, а сама глаз с тебя не сводит.

Я шагнул ближе. Дэмиан не дрогнул, только улыбнулся шире.

— Она ясно сказала тебе «нет». — Я сделал шаг вперёд, прежде чем успел себя остановить.

— Да ты посмотри на себя! — Он коротко рассмеялся. — Стоило мне упомянуть девчонку — и знаменитый Палач уже скалится. Ты что, влюбился? Или просто бесишься, что кто-то другой посмел её потрогать?

— Она сказала тебе убрать руки. Этого должно было хватить.

Я сжал кулаки и заставил себя разжать пальцы. Блэр просила меня не искать драки. Я обещал. Дэмиан мог сколько угодно издеваться надо мной, но я не собирался давать ему повод говорить, будто начал первым.

Дэмиан заметил, как я задержал дыхание. Ему не нужно было знать о моём обещании, чтобы понять, куда бить словами.

— Оставь её в покое.

Он приблизился вплотную. От него пахло сигаретами и

резким дорогим одеколоном.

— Вот теперь ты похож на себя, Кейн. Только запомни: здесь не твой зал. Ты слишком долго ходил с видом человека, которому всё позволено.

— Убери своих людей с дороги.

— А то что?

Я посмотрел ему в глаза.

— Я не собираюсь устраивать здесь бой. — Слова прозвучали почти как напоминание самому себе.

Дэмиан едва заметно кивнул кому-то за моей спиной. Я успел увидеть движение, но не успел уйти от первого удара полностью.

Первый рванулся слева. Я заметил движение плеча, ушёл с линии и врезал ему коротким хуком по корпусу. Воздух вылетел из парня с хрипом; он согнулся, закрывая живот. Второй кинулся следом. Я встретил его прямым в лицо — почувствовал под костяшками твёрдую кость, услышал вскрик.

В обычном бою я успел бы оценить дистанцию, перестроить стойку, дождаться ошибки. Здесь мне не дали даже повернуть голову.

Третий ударил сзади — тяжело, в затылок. Свет парковочной лампы раскололся на две дрожащие полосы. Я качнулся, успел прикрыть челюсть, но пропустил удар в скулу. Кровь наполнила рот солёным металлическим вкусом.

Я ответил вслепую. Кулак нашёл чьё-то лицо. Кто-то выругался. Под подошвой скользнула мокрая разметка; я от-

ступил к машине, пытаясь не позволить им зайти за спину.

— Ну давай, чемпион! — крикнул Дэмиан. Он пока не вмешивался. — Покажи, за что тебе платят!

Парень в серой толстовке бросился на меня всем весом. Я встретил его плечом и оттолкнул, но другой вцепился в рукав. Ткань затрещала. Я вырвал руку и ударил локтем назад. На секунду пространство освободилось.

В эту секунду Дэмиан шагнул вперёд и ударил меня под рёбра.

Боль вошла глубоко. Я согнулся, потеряв воздух, и тут же получил коленом в бедро. Нога подломилась. Асфальт встретил меня холодом и запахом старого бензина.

Я попытался подняться на локоть. Ботинок врезался в бок. Второй удар пришёлся по спине. Я прижал предплечья к голове и заставил себя свернуться так, чтобы защитить хотя бы виски. Каждый вдох обрывался на полпути.

— Хватит, — наконец бросил Дэмиан.

Один из парней ещё успел пнуть меня в бедро. Потом шаги отступили. Я остался на коленях, ладонями упираясь в шершавый асфальт. С губы капала кровь. На мокром бетоне она казалась почти чёрной.

Дэмиан присел рядом. Его тень накрыла мои руки. Он схватил меня за горло, заставляя поднять голову.

— Ты не понял предупреждения, Кейн, — прошипел он. — Хватит задавать вопросы.

Я ухватился за его запястье. Сил хватило лишь на то, что-

бы чуть ослабить давление. В висках грохотало; от недостатка воздуха темнело по краям зрения.

— А ты… — выдавил я, цепляясь за его запястье, — так боишься ответов?

Его пальцы сжались сильнее. На миг я увидел в его глазах не привычную издёвку, а голую злость. Дэмиан ненавидел, когда ему не подчинялись. Особенно при свидетелях.

— В следующий раз не встанешь. Держись подальше от того, что тебя не касается.

Он резко отпустил меня. Я рухнул ладонью на асфальт и закашлялся, хватая воздух так жадно, будто его могли снова отнять. Дэмиан поднялся, вытер ладонь о куртку и посмотрел сверху вниз.

— И Уинстон передай: пусть научится вести себя повежливее.

Я поднял голову, хотя шея горела от его пальцев.

— Не подходи к ней.

Он коротко хмыкнул, будто услышал не угрозу, а удачную шутку, и пошёл к машине. За ним двинулись остальные. Хлопнули двери. Двигатель зарычал и затих за поворотом.

Я остался один.

Отдалённый гул шоссе заполнял парковку. Под курткой рубашка прилипла к спине; я чувствовал вкус крови на зубах и холод мокрого бетона через ладонь. Никто не спешил обратно. Для них всё уже закончилось.

Я долго не мог подняться. Стоило пошевелиться, как боль

под рёбрами обрывала вдох.

Телефон лежал возле колеса припаркованной машины. Я дотянулся до него. Экран треснул; на нём расплывалось моё отражение.

Я понимал, что мне нужен врач. Достал телефон, но пальцы не слушались. В голове стучала одна нелепая мысль: сначала добраться до клуба, до людей, до Блэр. Я цеплялся за неё, чтобы не остаться на мокром асфальте.

Наверху, наверное, ещё горел свет в её кабинете. Блэр могла сидеть над конспектами, пить остывший чай и ругаться на расписание. Я представил, как она поднимет голову, увидит меня — и испугается. Эта мысль должна была остановить меня. Вместо этого я поплёлся к двери.

Я улыбнулся разбитой губой и тут же поморщился.

Чёртова Уинстон.

Не знаю, когда она стала тем человеком, к которому я хотел прийти именно таким — без победы, без привычной ухмылки, без возможности притвориться неуязвимым. Знал только, что должен подняться.

Уцепился за бампер ближайшей машины. Подтянулся, переждал головокружение. Мир качнулся, но остался на месте. Правая сторона грудной клетки горела при каждом вдохе. Левое колено не хотело разгибаться.

— Давай, Кейн, — выдохнул я. — Не здесь.

До служебного входа было недалеко. В обычный вечер я преодолел бы это расстояние за минуту; сейчас останавли-

вался почти после каждого десятого шага. Ворот футболки лип к коже, под курткой пульсировали ушибы, а воздух приходилось втягивать маленькими порциями.

На ступеньках пришлось остановиться. Я держался за перила, пока перед глазами переставали плавать тёмные пятна. Потом толкнул дверь плечом.

Из дальнего зала доносились удары по мешку. Знакомые звуки обычно собирали меня в одно целое. Сегодня они казались слишком резкими.

Я не хотел, чтобы меня увидели раньше Блэр. Чужие вопросы, жалость, суета — всё это можно было пережить потом. Сейчас мне нужно было добраться до тёплого прямоугольника света под дверью её кабинета.

Я шёл вдоль стены, иногда касаясь её ладонью. Под подошвой неприятно скрипел песок, занесённый с улицы. На повороте в административный коридор меня чуть не вывернуло от внезапной тошноты.

Каждый вдох приходилось отвоёвывать. Боль под рёбрами была тупой, тяжёлой, будто кто-то оставил внутри раскалённый камень; стоило повернуться, и камень обрастал острыми краями. Я прижимал локоть к боку и злился на собственное тело за то, что оно отказывалось слушаться.

Остановился. Закрыл глаза.

Открыл.

Дверь её кабинета была приоткрыта. Изнутри падал тёплый свет.

Я постучал костяшками пальцев по косяку. Тихо. Сильнее не получилось.

— Войдите, — сказала Блэр, не поднимая головы.

Я шагнул внутрь.

Свет в кабинете был слишком тёплым для моего состояния. На подоконнике стоял маленький горшок с растением, возле клавиатуры лежала открытая пачка печенья. Блэр умела обживать даже чужие, казённые комнаты. От этой обычности у меня неожиданно сжалось горло.

Блэр сидела за столом над конспектами. Возле локтя лежали раскрытый учебник, жёлтые стикеры и чашка остывшего чая. Я успел заметить всё это, прежде чем она подняла голову.

Я едва держался на ногах, а всё равно заметил её волосы, выбившиеся из хвоста. Нелепо. Именно такие мелочи вдруг казались самыми важными.

Прекрасные приоритеты, Кейн.

— Если это опять насчёт расписания, — начала она, продолжая писать, — я уже сказала Джейсу, что не собираюсь переделывать всё из-за его…

Она подняла глаза.

Ручка выпала из пальцев.

Она вскочила так резко, что стул откатился к шкафу. Его глухой удар заставил меня вздрогнуть. В серо-зелёных глазах Блэр сначала мелькнуло недоверие — короткое, почти детское, — а потом проступил страх. Она уже обходила стол,

когда я попытался улыбнуться.

— Господи, Ашер… — Она остановилась в полушаге, будто боялась прикоснуться не туда. Взгляд метнулся от разбитой губы к крови на воротнике. — Господи. Что случилось? Ты… ты весь в крови. Сядь. Немедленно. — Блэр подставила плечо под мою руку, не дожидаясь ответа. Её голос звучал ровно, но я чувствовал, как напряжены пальцы, обхватившие моё предплечье.

— Вид у меня хуже, чем я рассчитывал? — попытался спросить я. Губа треснула, и шутка закончилась болезненной гримасой.

— Ашер. — Она произнесла моё имя так тихо, что я перестал искать подходящие слова.

Одно слово. Без привычной злости я подчинился.

Она подвела меня к креслу у стены. Я сел осторожно, но боль под рёбрами всё равно вырвала из меня короткий вдох. Блэр замерла.

— Где болит? — Она присела перед креслом, чтобы видеть моё лицо снизу. Вопрос прозвучал деловито; выдали её глаза, беспокойно скользнувшие к руке, которой я придерживал бок.

— Тогда справа. Рёбра. Голова. — Последнее слово пришлось произнести после паузы: пол на секунду уплыл из-под ног, хотя я сидел неподвижно.

Блэр ничего не ответила. Только посмотрела на руку, которой я держался за бок, и придвинула кресло ближе к столу.

Её лицо побледнело ещё сильнее.

— Тебе нужен врач. — Она произнесла это без вопросительной интонации, уже оглядываясь на телефон, оставленный возле стопки конспектов.

— Подожди секунду. — Я закрыл глаза, пережидая приступ тошноты.

— Нет. Нет никаких секунд. — Блэр резко выпрямилась. В её голосе появилась та особенная твёрдость, с которой она обычно ставила на место Джейса. Только теперь ей приходилось удерживать не раздражение, а панику.

Когда она потянулась к телефону, я машинально коснулся её запястья и сразу убрал руку.

— Прости. Звони. — Признать это оказалось тяжелее, чем я ожидал.

— Ты еле стоишь. — Она обвела взглядом моё лицо, задержалась на засохшей крови у виска и с трудом проглотила следующее слово.

— Знаю.

— И всё равно пришёл сюда? — Теперь она смотрела не на ссадины. Прямо мне в глаза, словно ответ мог объяснить что-то гораздо большее, чем моё безрассудство.

Я посмотрел на её руку в своей. Тонкое запястье. Тёплая кожа. Пульс, который бился быстро и неровно.

— Да, — ответил я.

Она выдохнула через нос, будто собиралась высказать всё, что обо мне думает. Но вместо этого осторожно высвободи-

лась и пошла к шкафчику за аптечкой.

Я наблюдал за ней, пока мог удерживать взгляд.

Она принесла аптечку, разложила на столе салфетки и физраствор. Делала всё быстро, почти деловито, но, открывая упаковку, дважды не могла подцепить край плёнки. Я отвернулся: смотреть, как из-за меня дрожат её пальцы, было невыносимо.

Она принесла аптечку, разложила салфетки и физраствор. Пальцы дрожали, когда она пыталась открыть упаковку. Я хотел сказать, что всё не так страшно, но не мог даже ровно дышать.

— Кто это сделал? — Блэр сжала упаковку салфеток так крепко, что пластик хрустнул. Она ждала ответа, не отводя глаз.

Перед глазами возник Дэмиан, его рука на моём горле. Назови я его сейчас — Блэр могла бы решить, что это случилось из-за неё. Я знал, что она начнёт искать в себе вину, которой не было. И всё же скрывать имя было ещё одним плохим решением.

— Дэмиан, — сказал я. — Он был не один.

Блэр замерла.

— Кросс?

Я кивнул. Она медленно опустила салфетку на стол, словно ей нужно было освободить руки, чтобы удержаться на месте.

— Ты ведь обещал не искать его.

— И не искал. Он ждал меня у служебного выхода.

Она закрыла глаза на секунду.

— Тогда нам нужно сообщить охране. И вызвать скорую.

Она сжала губы. Я знал этот взгляд. Блэр собиралась разозлиться, но пока ей мешал страх.

— Ты можешь перестать вести себя так, будто это пустяк?

— Я не спорю. — Я выдохнул, стараясь не поморщиться. — Просто не нравится, что ты видишь меня таким.

— А мне не нравится, что ты пришёл сюда один, когда тебе нужна помощь. — Она встретилась со мной взглядом. — Давай сначала разберёмся с этим.

Я хотел ответить, но она уже набирала номер. Впервые мне не пришло в голову остановить её.

Я отвёл глаза.

Она заслуживала правды не только о парковке. Я посмотрел на её телефон и вспомнил лист с фамилией Ноя.

Всё, что я откладывал, никуда не исчезло.

Она была так близко. Слишком близко для человека, который месяцами убеждал себя, что между нами ничего нет.

— Смотри на меня, — попросила Блэр, пока соединяли с диспетчером. Она осторожно коснулась моего плеча, избегая ушибленного бока.

Серо-зелёные глаза. Россыпь веснушек у переносицы. Едва заметная складка между бровями. Я видел её сердитой, насмешливой, усталой. Но такой испуганной — никогда.

— Если станет хуже, скажешь сразу. — Она говорила спо-

койно, но смотрела на меня так, будто боялась пропустить малейшее изменение.

— Скажу.

— Обещаешь?

— Обещаю.

Она осторожно промокнула кровь возле брови. Я дёрнулся.

— Терпимо. — Я разжал зубы и только тогда заметил, что всё это время стискивал их до боли в челюсти.

Блэр вздохнула, но продолжила. Её пальцы едва касались моей кожи, а я ощущал каждое прикосновение так отчётливо, будто все остальные чувства разом отказали.

От неё пахло ванилью. Запахом, который я научился узнавать ещё до того, как замечал её в коридоре.

Она промокнула кровь возле брови. Я вздрогнул и почувствовал, как её рука замерла.

— Прости, — прошептала она. Я покачал головой: дело было не в её прикосновении.

Блэр коснулась салфеткой разбитой губы.

— Не извиняйся. — Я попытался улыбнуться. — Ты мне помогаешь.

Она не улыбнулась в ответ. Только убрала испачканную салфетку и взяла чистую.

— Почему ты не позвонил Тео? — спросила она, бросая использованную салфетку в корзину. Крышка захлопнулась с сухим щелчком. — Он бы приехал за тобой.

— Он бы орал. — Я поднял на неё глаза и попытался изобразить невинность. Даже в моём состоянии это было бесполезно.

— Я тоже собираюсь, — сказала она, и в голосе наконец мелькнула знакомая твёрдость.

— У тебя лучше получается, — пробормотал я. На секунду её губы дрогнули, но она снова посмотрела на мой бок.

— Не заговаривай мне зубы. Скажи, если трудно дышать.

Я кивнул. Разговаривать действительно становилось тяжелее.

В кабинете пахло чаем и антисептиком. Мне хотелось, чтобы этот вечер был другим — без крови, сирен и испуга в её глазах.

Я хотел бы запомнить её улыбку. Вместо этого запоминал, как она сжимает телефон, слушая диспетчера.

Блэр коротко и чётко описала мои травмы. Когда она назвала адрес клуба, я почувствовал неожиданное облегчение: теперь кто-то знал, где мы.

— Блэр…

— Помощь уже едет, — ответила она, будто поняла, о чём я собирался спросить.

Она пыталась сердиться, но голос предательски смягчился на последнем слове. Мне захотелось удержать этот звук, спрятать от всего, что ждало меня за дверью кабинета. Вместо этого я только пожал плечом — и едва не выругался, когда боль вспыхнула под лопаткой.

Она посмотрела на меня с недоверием.

Я откинул голову на спинку кресла. При каждом вдохе справа кололо, а пол под ногами будто слегка покачивался.

Блэр присела рядом и положила телефон на стол экраном вверх. Она не выпускала его из виду.

— Я здесь, — сказала она. — Тебе не нужно вставать.

Я хотел ответить, что всё понимаю, но в груди вдруг стало тесно от мысли: она действительно осталась.

Сказать ей о своих чувствах хотелось давно. Только теперь, когда всё болело, а Блэр ждала скорую, я впервые понял, насколько не вовремя собирался это сделать.

— Блэр, — позвал я. Голос вышел хриплым. Она сразу наклонилась ближе, решив, наверное, что мне стало хуже.

— Что? Боль сильнее? — Её взгляд метнулся к моему боку, к разбитой губе. Я покачал головой и осторожно потянулся к ней. Блэр не отстранилась; напротив, подалась навстречу, придерживая меня за плечо.

Я упёрся лбом в её лоб. От этого простого движения перед глазами на секунду потемнело, но я не отодвинулся. Блэр смотрела прямо на меня — внимательно, испуганно, с той упрямой нежностью, от которой у меня всякий раз сбивалось дыхание. Я видел её глаза совсем близко и вдруг понял, что, если сейчас снова промолчу, потом уже не смогу простить себе эту трусость.

— Я всё время ищу тебя взглядом, Блэр. Вхожу в зал — и сначала смотрю, где ты. Слышу смех в коридоре — обора-

чиваюсь, потому что надеюсь услышать твой. Я запоминаю всякую ерунду: как ты хмуришься над списками, как поправляешь волосы, когда злишься, как у тебя дрожит уголок рта, прежде чем ты улыбнёшься. А однажды ты наклонилась над столом, ворот блузки чуть сдвинулся, и я заметил маленькую родинку у тебя на ключице. Совершенно обычную родинку. И стоял как идиот, потому что вдруг захотел знать о тебе всё — даже такие мелочи, которые никто другой не замечает. Кажется, именно тогда я и влюбился. Нет, не кажется. Я влюбился в тебя, Блэр. И с тех пор только и делаю, что пытаюсь вести себя так, будто ничего не произошло. Но произошло. Ты стала для меня человеком, к которому я хочу возвращаться. Каждый день. Даже когда я сам себе противен. Даже когда мне страшно сказать это вслух.

К концу признания я почти не дышал. Не только из-за боли. Блэр не перебивала меня ни разу. Она смотрела мне в глаза, а потом её взгляд медленно опустился к моим губам и снова поднялся. На ресницах блестели слёзы. Я не знал, что она ответит, и впервые за долгое время не пытался угадать заранее.

— Ашер… — выдохнула она. Пальцы на моём плече сжались.

Я коснулся её щеки и сам потянулся к ней. Не стал спрашивать, не стал прятаться за очередной шуткой — просто поцеловал. Блэр сразу ответила, осторожно придвинувшись ближе и положив ладонь мне на затылок. Поцелуй был ко-

ротким: разбитая губа отозвалась болью, а под рёбрами резко кольнуло. Но даже отстранившись, я не убрал руку с её щеки.

— Ты невозможный, — прошептала она, и в голосе смешались смех и слёзы. — Выбрал же момент.

— Знаю, — выдохнул я. — Хуже не придумаешь.

— Нет. — Блэр погладила большим пальцем мою скулу, стараясь не задеть ссадину. — Просто ты мог сказать мне это раньше.

— Мог. — Я снова коснулся её лба своим. — Надо было.

Она закрыла глаза на мгновение, потом выпрямилась, чтобы посмотреть на экран телефона. — А теперь, пожалуйста, побудь благоразумным хотя бы до приезда скорой.

— Постараюсь.

— Ашер.

— Обещаю, — сказал я, и она наконец улыбнулась.

— Ты обещаешь не спорить с врачами? — спросила она.

— Обещаю хотя бы попробовать.

— Ашер.

— Ладно. Обещаю.

Её ладонь оставалась в моей. Я хотел сказать ещё многое — в том числе то, о чём молчал из-за Ноя. Но это признание нельзя было произнести между приступами боли, рассчитывая, что она простит меня заодно со всем остальным.

— Когда всё закончится, нам нужно поговорить, — сказал я.

Блэр нахмурилась. — О чём?

— О прошлом. Я не хочу больше скрывать от тебя важные вещи.

Она не стала требовать объяснений прямо сейчас. Только крепче сжала мою руку.

— Тогда поговорим. Когда тебя осмотрят.

За дверью послышались быстрые шаги. Кто-то позвал Блэр по имени.

— Сюда! — ответила она, не выпуская моих пальцев.

Я попытался вдохнуть глубже и снова закашлялся. Блэр сразу повернулась к двери.

В кабинет вошли медики. Один присел рядом, задал несколько вопросов и попросил меня не двигаться. Второй уже доставал оборудование.

— Он был избит несколькими людьми, — сказала Блэр. — Удар по голове, боль справа под рёбрами, головокружение и тошнота.

Я слушал её голос, пока медик проверял моё состояние. Странно: я привык, что за меня говорят менеджеры, тренеры и отец. Но впервые это не казалось потерей контроля.

— Я поеду с ним, — сказала Блэр.

Медик кивнул и объяснил, где ей можно будет сесть.

Она быстро собрала мои вещи и вернулась к креслу. Я хотел попросить её остаться дома, но вместо этого протянул руку.

— Ты со мной?

— С тобой, — ответила она. — И не собираюсь исчезать.

На носилки меня переложили осторожно. Блэр шла рядом, пока нас везли по коридору к выходу.

У дверей клуба пахнуло мокрым асфальтом. Я невольно напрягся: парковка всё ещё стояла перед глазами. Блэр заметила это и коснулась моей ладони.

— Смотри на меня, — попросила она.

Я послушался.

В машине скорой помощи она села там, где указал медик. Когда двери закрылись, я снова нашёл её руку. На этот раз мне не пришлось притворяться, что справлюсь один.

Глава 14

РИЧАРД

Мой кабинет занимал последний этаж здания, которое я когда-то купил целиком. Здесь всё было на своём месте: дубовый стол, кресла из тёмно-зелёной кожи, лампа, освещавшая ровно столько документов, сколько я собирался прочитать. Даже часы шли бесшумно. Я не терпел лишних звуков. Люди и без того говорили слишком много.

За стеклом хлестал октябрьский дождь. Фары машин расплывались в лужах далеко внизу. Я давно бросил курить, но в мебели всё ещё держался запах табака, смешанный с древесным воском и остывшим кофе.

Дэмиан Кросс опаздывал на двадцать минут. Я посмотрел на часы в третий раз, хотя отлично знал, сколько прошло.

Ожидание раздражало меня сильнее самого опоздания. Особенно когда опаздывал человек, которому я платил за точное исполнение приказов.

На столе стояла фотография Ашера с первым серьёзным поясом. Ему было шестнадцать. На снимке он смотрел в объектив с вызовом, а на костяшках темнели свежие ссадины. Я помнил тот день: фотограф предложил оставить кадр как есть, но я приказал переснять. Победитель не должен выглядеть так, будто едва удержался на ногах. Ашер спорил. Я велел ему замолчать.

Сын до сих пор считал тот снимок своим первым настоящим триумфом. Я — первым случаем, когда он позволил себе публично не согласиться со мной. Тогда я быстро пресёк это. Следовало сделать то же самое гораздо раньше, пока упрямство не превратилось в привычку.

Заботой я называл способность просчитать за Ашера последствия его решений. Сын предпочитал слово «контроль», произнося его так, будто оно было оскорблением. Пусть. Чемпиона не воспитывают уговорами, и я не собирался извиняться за методы, которые вывели его на ринг.

На краю стола лежало уведомление о переносе его тренировки. Я согласовал новое время с администрацией, не спрашивая Ашера. Он наверняка опять взбесится. Когда-нибудь поймёт, что не каждое решение требует его одобрения.

Дверь открылась без стука. Я не поднял головы: по этой манере уже знал, кто вошёл.

— Вызывали, Ричард? — Дэмиан остановился на пороге, стряхивая дождь с куртки.

Он оглядел кабинет с нескрываемым удовольствием. На губах играла та самая обаятельная улыбка, которой он, вероятно, добивался желаемого задолго до того, как научился бить людей.

— Закрой дверь, Кросс. Сядь напротив и не заставляй меня повторять. Я плачу тебе за результат, а не за представление.

— Как скажете, босс. — Последнее слово прозвучало так,

будто он пробовал его на вкус.

Замок щёлкнул. Вместо кресла Дэмиан направился к бару, провёл пальцем по хрустальному графину и тихо присвистнул.

— Неплохо устроились. С такой высоты, наверное, удобно наблюдать, как остальные бегают по вашим поручениям.

Я не стал отвечать. Он подождал реакции, не дождался и всё-таки повернулся ко мне.

— Я сказал сесть. — Я не повысил голоса. — Если ты решил проверить, сколько ещё можешь себе позволить, выбрал неудачный вечер.

— А если мне удобнее стоять?

Я медленно закрыл папку. Не хлопнул — просто совместил края обложки. Дэмиан проследил за движением.

— Можешь стоять, если тебе так нравится. Но разговаривать мы будем на моих условиях. И чем дольше ты тянешь время, тем меньше у меня причин продолжать с тобой дела.

Он усмехнулся и опустился в кресло напротив, вытянув ноги. На правой руке темнели сбитые костяшки. Заметив мой взгляд, Дэмиан нарочито размял пальцы.

— Если вы из-за руки, не волнуйтесь. Заживёт.

— Ты избил моего сына. — Я не собирался скрывать раздражение. — Четверо на одного, на парковке, без свидетелей, которых я мог бы контролировать. Ты представляешь, сколько проблем создал мне одним своим решением?

Улыбка не исчезла с его лица. Он лишь удобнее устроился

в кресле.

— Значит, поговорим по существу.

— Моё поручение было предельно ясным: остановить Ашера и заставить его отказаться от дальнейших расспросов. Ты должен был напугать его, а не оставить на асфальте с переломанными рёбрами. Я не оплачиваю самодеятельность.

— И выполнил. Ваш мальчик получил предупреждение. Не думаю, что забудет.

— Я велел его припугнуть, — повторил я, медленно снимая очки. — Если бы мне понадобилось, чтобы его избили вчетвером, я бы сказал именно это. Ты позволил себе изменить приказ, Кросс. Не путай моё терпение со слабостью.

— Вы преувеличиваете. — Он потёр переносицу со следом старого перелома. — Ашер боксёр. Не первый раз получает по лицу.

— На ринге есть правила, — сказал я. — И там за каждый удар отвечает конкретный человек. Ты устроил свалку, после которой первым делом начнут искать того, кто дал тебе деньги. Меня это не устраивает.

— Вот именно. Ашер привык, что его спасёт гонг. За воротами зала гонга нет.

Я поднялся из кресла. Дэмиан следил за мной без тени беспокойства. Он любил зрителей, даже если зритель был один.

— Послушай внимательно. Меня не интересует, как сильно тебе хотелось поставить Ашера на место. Я не просил ло-

мать ему рёбра и душить на асфальте. Твоё удовольствие от драки не входит в наши договорённости.

На секунду он перестал разминать пальцы. Я заметил эту паузу и понял, что попал в точку.

— Он сам напросился.

— Ты это называешь ответом?

— А какой вам нужен? — Дэмиан подался вперёд. — Что он держался против четверых? Держался. Что посылал меня к чёрту даже с разбитым лицом? Посылал. Можете гордиться: упрямство у него ваше.

Я остановился у края стола. Мне не понравилось, что он говорит об Ашере с почти восхищённой жестокостью.

— Оставь рассуждения о характере моего сына. Ты здесь не для того, чтобы оценивать его воспитание. Мне нужны факты: кто начал, кто участвовал и в каком состоянии ты его оставил.

Дэмиан приподнял брови. На этот раз он не улыбнулся.

— Вы сами велели мне к нему подойти. Или уже забыли?

Он успел налить виски, пока я стоял у окна. Поднял бокал в мою сторону, словно мы отмечали удачную сделку.

— За семейные ценности, Ричард.

Я посмотрел не на бокал, а на его разбитые костяшки.

— Поставь стакан, Кросс. Ты пришёл отчитываться, а не праздновать. И больше не трогай ничего в моём кабинете без разрешения.

— Неужели и выпить нельзя?

— В моём кабинете ты делаешь то, что я разрешаю. Сядь, убери руки от бара и отвечай на вопросы. Это последняя просьба, которую я формулирую вежливо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.